

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА**

Том 23 № 4 (2018)

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4

<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Научный журнал

Издается с 1996 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов

Заместитель главного редактора

Грабельников А.А., доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов

Ответственный секретарь

Жучкова А.В., кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов

Члены редакционной коллегии

Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы XX в. филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и литературы Московского университета экономики и права им. А.С. Грибоедова

Флейшман Л.С. (Fleishman Lazar), профессор отделения славянских языков и литератур Станфордского университета (США)

Филипп Бодор (Baudorre Philippe), профессор факультета гуманитарных наук Университета Мишеля де Монтеня, Бордо-3 (Франция)

Вольфганг Стефан Киссель (Wolfgang Stephan Kissel), профессор факультетов культурологии, славистики Бременского университета (Universität Bremen) (Германия)

Жан-Филипп Жаккар (Jean-Philipp Jaccard), профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Женевского университета (Université de Genève) (Швейцария)

Джованна Мораччи (Moracci Giovanna), профессор факультета современных языков, литературы и культуры Университета Габриэля Д'Аннунцио в городах Кьети и Пескара (Италия)

Сун Чао (Sun Chao), директор Центра русского языка и литературы Хейлундзянского университета, кандидат филологических наук (Харбин, КНР)

Туркан Олджай (Turkan Olcai), профессор, заведующая кафедрой русского языка и литературы литературоведческого факультета Стамбульского университета (Турция)

Московкина И.И., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Харьковского государственного университета (Украина)

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики филологического факультета РУДН

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

ISSN 2312-9247 (online); ISSN 2312-9220 (print)

4 выпуска в год

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформах РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цель и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области филологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цель журнала — осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, история и теория журналистики, средства массовой коммуникации и средства массовой информации, реклама, связи с общественностью России и зарубежных стран. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала — знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и журналистиковедческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся литературного процесса, прозы, поэзии, драматургии, литературной критики, жанров журналистики, печати, радио и телевидения, рекламы, связей с общественностью. Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика».

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т.д.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/literary-criticism/index>

Электронный адрес: ak-taurus@mail.ru

Редактор Ю.А. Заикина

Компьютерная верстка: О.Г. Горюнова

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии серии «Литературоведение. Журналистика»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2

Тел.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litjournalrudn@rudn.university

Подписано в печать 10.12.2018. Выход в свет 24.12.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 9,99. Тираж 500 экз. Заказ № 1664. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

VOLUME 23 NUMBER 4 (2018)
DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>
Founded in 1996

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Kovalenko A.G.
Peoples' Friendship University
of Russia

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Grabelnikov A.A.
Peoples' Friendship University of
Russia

ASSISTANT TO THE EDITOR-IN-CHIEF

Zuchkova A.V.
Peoples' Friendship University of
Russia

EDITORIAL BOARD

Golubkov M.M. — Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature of the XXth century, Moscow Lomonosov State University

Kikhney L.G. — Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism and Literature, Moscow University of Economy and Law named after A.S. Griboyedov

Fleishman Lazar — Professor of Department of Slavonic Languages and Literature, Stanford University (USA)

Buadorre Philippe — Professor, Department of Humanities, University Michel Montaigne, Bordo-3 (France)

Wolfgang Stephan Kissel — Professor, Department of Culture and Slavonic Studies, University Bremen (Germany)

Jean-Philippe Jaccard — Professor, Head of Department of Russian Language and Literature, University of Geneva (Switzerland)

Moracci Giovanna — Professor, Department of Modern Languages, Literature and Culture, University of Gabriel D'Annunzio of Chieti and Pescara (Italy)

Sun Chao — Professor, Head of the Centre of Russian Language and Literature, Heilundzyan University (China, Harbin)

Turcan Olcai — Professor, Department of Russian Language and Literature, Istanbul University (Turkey)

Moskovkina I.I. — Professor, Head of Department of Literature, Kharkov State University (Ukraine)

Bazanova A.E. — Professor, Department of Theory and History of Journalism, Peoples' Friendship University of Russia

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2312-9247 (online); ISSN: 2312-9220 (print)

4 issues per year

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism is a peer-reviewed international academic journal publishing research in literature and journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of literature studies, journalism, public relations and advertising. The editors aim to publish original research devoted to literature and journalism: literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General journal sections are "Literary studies" and "Journalism".

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/literary-criticism/index>

E-mail: ak-taurus@mail.ru

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*
Layout Designer *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board series "Studies in Literature. Journalism":

10/2 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litjournalrudn@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peoples' Friendship University of Russia"
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

История русской литературы

Эль-Гамри М.А., Габалла М.А. Автобиографическое начало и герой-повествователь в романе Гайто Газданова «Вечер у Клэр» 375

Michailowski A. Moskauer Wohnungsfrage der 1920er Jahre in Mikhail Bulgakovs Feuilletons und Erzählungen (Московский квартирный вопрос 1920-х гг. в рассказах и фельетонах Михаила Булгакова) 384

Современный литературный процесс

Кротова Д.В. Размышления о революции в творчестве А. Варламова и Е. Водолазкина («Мысленный волк» и «Авиатор»)..... 393

Кихней Л.Г., Сильчева А.Г. Функции антропонимов в поэтике романов Дины Рубиной «Белая голубка Кордовы» и «Синдром Петрушки» 402

ЖУРНАЛИСТИКА

Новые медиа

Уразова С.Л., Кильпеяйнен Е.С. Виртуальная реальность и медиареальность: тенденции и прогнозы эволюции медиасистемы..... 410

Kuznetsov I.S., Slavina V.A. Political media memes as simulacra in media (Политические медиамемы как симулякры медиaprостранства) 422

Аксиология журналистики

Шариков А.В., Проскурнова Е.Л., Кандакжи Л. Проблемы возрастной маркировки на российских телеканалах 428

Алгави Л.О., Волкова И.И., Кадырова Ш.Н., Расторгуева Н.Е. Тематические доминанты телешоу «Пусть говорят»..... 441

Баранова Е.А., Карих Е.Л. Медиаконвергенция как фактор роста случаев нарушения языковой нормы в СМИ 453

История СМИ

Готовцева А.Г. «Достойнейшее упражнение ученого человека»: литературные переводы в первом русском журнале..... 466

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Солдаткина Я.В. Время и пространство современной русской прозы: неомодернизм и постмодернизм (рецензия на учебное пособие: Кротова Д.В. Современная русская литература. Постмодернизм и неомодернизм. М.: МАКС Пресс, 2018. 224 с.)..... 477

Мартыненко Ел.В., Пархитко Н.П. Иллюстрация стереотипного подхода США к информационной оценке России (рецензия на фильм Ф. Захария «Самый могущественный человек в мире») 483

CONTENTS

LITERARY STUDIES

History of literature

El Ghamry M.A., Gab Allah M.A. Autobiographical elements and narrator-protagonist in the novel of Gaito Gazdanov “An evening with Claire” 375

Michailowski A. Moskauer Wohnungsfrage der 1920er Jahre in Mikhail Bulgakovs Feuilletons und Erzählungen 384

Contemporary literary process

Krotova D.V. Reflections about revolution in A. Varlamov and E. Vodolazkin’s creativity (“Mental wolf” and “Aviator”) 393

Kikhney L.G., Silcheva A.G. Functions of the anthroponyms in the novels by Dina Rubina «Belaya golubka Kordovy» (“The white dove of Cordoba”) and “Sindrom Petrushki” (“The Punch Syndrome”)..... 402

JOURNALISM

New media

Urazova S.L., Kilpelyaynen E.S. Virtual and media reality: trends and forecasts of media system evolution 410

Kuznetsov I.S., Slavina V.A. Political media memes as simulacra in media 422

Axiology of journalism

Sharikov A.V., Proskurnova E.L., Kandakzhi L. Issues of content rating system on Russian TV channels 428

Algavi L.O., Volkova I.I., Kadirova S.N., Rastorgueva N.E. The key topics of TV show “Let them talk” 441

Baranova E.A., Karich E.L. Media convergence as a growth factor connected with cases of language norm violations in mass media 453

History of mass media

Gotovtseva A.G. “The reliable exercise of the scientist man”: literature translation in the first Russian journal 466

REVIEWS

Soldatkina Ya.V. Time and space of contemporary Russian prose: newmodernism and postmodernism (review of the study guide: Krotova D.V. Modern Russian literature. Post-modern and “New-modern”. M.: MAKS Press, 2018. 224 p.) 477

Martynenko El.V., Parkhitko N.P. The illustration of the U.S. stereotypical approach to informational estimation of Russia (review on Fareed Zakaria’s movie “The most powerful man in the world”) 483

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-375-383

УДК 821.161.1

Автобиографическое начало и герой-повествователь в романе Гайто Газданова «Вечер у Клэр»

М.А. Эль-Гамри, М.А. Габалла

Факультет иностранных языков Аль-Алсун, Университет Айн Шамс
Egypt, 11566, Каир, район Аль Аббасия, ул. Аль Халифа Аль Маамун

В статье исследуются жанровые особенности автобиографического романа и дается краткий обзор истории появления автобиографии и спора о ней как о самостоятельном литературном жанре. Акцент делается на выявление элементов автобиографизма в первом романе писателя первой волны эмиграции Гайто Газданова «Вечер у Клэр» в рамках критериев, характерных для поэтики мемуарно-автобиографической прозы. Особое значение в данной работе имеет автобиографический пакт, установленный теоретиком автобиографии Филиппом Лежёном.

Ключевые слова: Гайто Газданов, «Вечер у Клэр», автобиография, автобиографический пакт, герой-повествователь, воспоминание

Вначале следует обратить внимание на разновидности документальных жанров: биографии, автобиографии, мемуары, дневники, автобиографические романы. До сих пор не решен вопрос о самостоятельности этих жанров. Они взаимосвязаны, лишь в некоторой степени отличаются формой повествования и авторской позицией. Так, биография — описание жизни человека, написанное не им самим и основанное на других разновидностях мемуарно-автобиографической прозы, таких как автобиографии, мемуары, дневники, письма.

Объектом автобиографии, мемуаров, дневников является собственная жизнь. Форма повествования — ретроспективна в автобиографии и мемуарах при совпадении авторской позиции, тем не менее мемуары привлекают в поле зрения других людей и события, связанные с судьбой автора, в то время как автобиография посвящается в первую очередь событиям личной жизни и психологическим ее сторонам, конечно, не в изоляции от окружающей среды, но не в той степени сосредоточия на внешних событиях, как в мемуарах. Повествование в дневниках, в отличие от мемуаров и автобиографий, не ретроспективно, так как они представляют собой датированные отрывки, «современные описываемым событиям» [8. С. 707]. При этом автобиография — «адресованный жанр», т.е. рассчитанный на читателя-адресата. Гранью между автобиографией и автобиографической повестью или романом служит переделка или переработка деталей личной жизни, что дает автору право на вымысел.

Французскому профессору Филиппу Лежёну, которого называют «патриархом науки об автобиографии», принадлежит наиболее точное, на наш взгляд, определение автобиографии. Автобиография — «ретроспективное повествование в прозе, которое ведет какой-нибудь реальный человек о своем собственном бытии, с особым акцентом на своей индивидуальной жизни, в частности на истории своей личности» [4. С. 22].

При этом Филипп Лежён предлагает существование двух типов пакта, или договора, который автор заключает со своими читателями: автобиографический и романский. По автобиографическому пакту читатель принимает все написанное как реальность, а романский пакт свидетельствует о художественном вымысле в литературном произведении.

Уместно здесь рассмотреть вкратце историю возникновения жанра автобиографии. В большинстве книг и исследований, посвященных проблеме автобиографии, часто подчеркиваются западные корни этого жанра. Так, в Литературном энциклопедическом словаре отмечается, что «питательной средой для развития» автобиографии стала западноевропейская культура «с ее духом самоанализа и индивидуалистическим мироощущением» [3. С. 12]. Это мнение многие исследователи приняли как неоспоримый факт. Однако в своей монографии «Интерпретация “Я”: автобиография в арабской литературной традиции» под редакцией Д.Ф. Рейнолдса авторы опровергают правильность этого мнения. По их словам, оно развивалось западными критиками, такими как Джорж Госдурв, Джорж Меэ и Пэскал, которые считают европейскую культуру колыбелью жанра автобиографии, а другие культуры — неспособными на подобную самоинтерпретацию. По мнению этих критиков, принципы христианства лежали в основе этого жанра, а если вне пределов Европы и европейской культуры возникли произведения подобного типа, то обязательно они написаны в духе западных традиций [7. С. 37—40]. Авторы монографии показывают, что автобиографии существовали в разных восточных культурах, например в китайской и арабской литературах.

При этом ярким образцом жанра современной автобиографии принято считать «Исповедь» Ж.Ж. Руссо, написанную в XVIII в. В XIX и XX вв. этот жанр достигает своего апогея и «автобиография едва ли не стала обязательным долгом для каждого писателя» [5. С. 9]. В условиях изгнания и эмиграции особое значение имеет мемуарно-автобиографическая проза, что ярко отразилось в богатом наследии писателей старшего и младшего поколений в Литературе русского зарубежья.

Гайто Газданов (1903—1971) — один из тех молодых писателей, начавших свою литературную деятельность уже в эмиграции и вошедших в историю литературы как представителей «незамеченного поколения». Первым большим произведением, написанным Гайто Газдановым и принесшим ему известность, был роман «Вечер у Клэр». Это роман о некоем Николае Соседове, участнике Гражданской войны в России, который после поражения Добровольческой армии эмигрировал во Францию. Там после 10 лет разлуки он встретился со своей любимой женщиной Клэр. На одном вечере у этой женщины герой погружается в размышления о своем прошлом, жизни в России, семье, войне. Именно на этом потоке воспоминаний построил Гайто Газданов свой роман.

По определению Филиппа Лежёна, любой текст является автобиографическим, если в нем учитываются четыре критерия так называемого автобиографического пакта:

- 1) прозаическая, повествовательная форма произведения;
- 2) сюжет произведения — жизнь индивидуума, история личности;
- 3) статус автора: идентичность автора (реальная личность) и повествователя;
- 4) статус повествователя: а) повествователь и главный герой идентичны; б) форма повествования — ретроспективное повествование [4. С. 22—23].

Ласло Диенеш уже признает, что «Газданов является по своей сути лирическим автором: у него один центральный герой, выступающий в большинстве произведений в качестве рассказчика, от лица которого ведется повествование. Одновременно рассказчик является, как правило, главным действующим лицом» [2. С. 239]. Это вполне совпадает с критерием Филиппа Лежёна об идентичности героя-повествователя, главного героя и автора.

Автобиографический пакт, установленный критиком Филиппом Лежёном, раскрывается прямо и косвенно. Прямой способ — зафиксировать пакт в **заглавии, подзаголовке, введении, комментариях и заметках автора или редактора**. Посмотрим, какие приемы использовал Гайто Газданов в своем произведении «Вечер у Клэр».

Во-первых, заглавие — первая единица произведения, которая производит впечатление на читателя и носит смысловую нагрузку. При этом заглавия произведений включают в себя определенные лексикемы, характеризующие жанр, к которому они принадлежат. Так в мемуарно-автобиографической прозе применяются такие слова, которые отражают «жанровую ориентацию», например, записки, воспоминания, автобиография, годы жизни, история жизни, путь жизни, минувшее или годы изгнания. Н.А. Николина предлагает классификацию заглавий автобиографических произведений на основе лексико-семантического их анализа. Согласно этой классификации заглавие романа «Вечер у Клэр» принадлежит к следующим группам названий автобиографических произведений:

- 1) заглавия с семантическим компонентом «время», где употребляется «номинация определенного временного отрезка» — «вечер». Следует отметить, что мотивы «ночь» и «вечер» повторяются и в заглавиях других произведений писателя, таких как роман «Ночные дороги» и рассказ «Вечерний спутник»;

- 2) заглавия с семантическим компонентом «пространство» — «у Клэр»;

- 3) заглавия, выражающие авторскую позицию и событие, которое служит «знаком изображаемого прошлого или определяет его основное содержание» — тот «Вечер у Клэр», который служил исходным пунктом воспоминаний и имеет «индивидуально-авторский символ» [6. С. 25]. Кроме того, заглавие романа соотносено с его текстом, поскольку в тексте произведения Гайто Газданов повторяет слово «вечер» в сочетании с именем Клэр. Так, герой-повествователь в романе говорит: «я думал о Клэр, о вечерах, которые я проводил у нее» [1. С. 47].

В.Б. Шкловский в рамках обсуждения проблемы жанра романа подчеркнул, что «жанр — конвенция, соглашение о значении и согласовании сигналов. Система должна быть ясна и автору, и читателю. Поэтому автор часто сообщает в начале произведения, что оно роман, драма, элегия — или послание. Он как бы указывает способ слушания вещи, способ восприятия структуры произведения»

[8. С. 220]. Высказывание В.Б. Шкловского подтверждает мысль о «читальном пакте» в жанре автобиографии, которую впоследствии высказал Филипп Лежён. Здесь на передний план выступает роль подзаголовка в определении жанра автобиографических произведений. В первом издании «Вечера у Клэр» Гайто Газданов представил свое произведение с подзаголовком «роман». Кроме того, среди бумаг архива Гайто Газданова исследователи обнаружили, что он желал издать свое собрание сочинений. Таким был проект по соображениям писателя: «Том первый. Гавайские гитары. Рассказы. Том второй. Гостиница грядущего. Рассказы. Том третий. Вечер у Клэр. Роман. Том четвертый. Алексей Шувалов. Роман. Том пятый. Индийский океан. Роман. И три тома, составляющие приложение» [2. С. 120].

Имя автора на обложке произведения является другим доказательством, по которому, в случае его совпадения с именем главного героя произведения, можно судить об автобиографичности произведения.

Имя героя-повествователя Николая Соседова не раскрывается в начале повествования, а лишь через 16 страниц романа, при рассказе об отце [1. С. 55], а его фамилия — через 30 страниц после начала, в ходе повествования о преподавателе естественной истории в кадетском корпусе [1. С. 69]. Но имя героя-повествователя, Николая Соседова, не соответствует первому условию автобиографического пакта.

Переходим к форме повествования в романе. Повествование ведется от 1-го лица, что представляет повествователя полным аналогом автора. При этом такая форма передает оттенок «достоверности», «субъективности» и в то же время «неполноты», поскольку «изображенный мир ограничен опытом и круговоротом повествователя» [6. С. 119]. Однако, «Я» повествователя в романе разделяется на «Я» как субъект описания и «Я» как объект описания. Иногда «Я» — объект повествования, выраженный формой 2-го и 3-го лиц, в других случаях иногда называется имя героя-повествователя. Это связано с экспрессивностью воспоминаний и в то же время делает акцент не на личность героя, а на события, что может облегчить субъективность повествования и приводит к «объективизации» [6. С. 148]. Однако в романе «Вечер у Клэр» подобное реализуется в диалогах других персонажей, участником которых был сам герой-повествователь, т.е. он становится адресатом в разных фрагментах повествования, что актуализирует «многосубъектность» или «чужое слово» в повествовании.

Кроме того, как верно отмечают исследователи автобиографической прозы, интенсивно употребляются такие «устойчивые лексические сигналы жанра автобиографии» [6. С. 39], как, например, слова, принадлежащие к семантическому полю «память». Таких «сигналов» в романе «Вечер у Клэр» очень много, герой-повествователь повторяет «мне вспоминался», «помнил», «запомнил», «мне всю жизнь казалось». При этом воспоминанием занимается не только герой-повествователь, но и другие персонажи в романе. Например, рассказы няни героя-повествователя в романе привлекают другие образы и «чужие голоса» в повествование, такие как образы экономки и поварихи Васильевны [1. С. 61—62].

Следует отметить краткость диалогов в воспоминаниях героя-повествователя в романе. Длинно развернутые диалоги в мемуарно-автобиографической прозе нарушают принцип достоверности и приводят к «драматизации повествования»

(выражение Н.А. Николиной). Ведь по свойствам человеческой памяти и временной дистанции между временем события — объекта воспоминания и процессом воспоминания допускается искажение реалий и высказываний. Вот поэтому краткость диалогов, которые вспомнились герою-повествователю, вполне оправдана и отражает достоверность. При этом диалоги, или «прямая речь», актуализируют события и объективизируют повествование.

Для автобиографических произведений характерны еще и некоторые средства, «формулы», как отмечает Н.А. Николина, связанные с тремя основными тематическими комплексами — «воспоминание», «прошлое», «время» [6. С. 72]. Существует параллель, или формула, «воспоминание—тьма» («воспоминание—туман»), поскольку характерны для этого процесса «нечеткость и неясность». Именно этой формулой начинает герой Гайто Газданова свое воспоминание; в темноте, вечером, в сонном мире вокруг и на фоне не воплотившихся призраков герой погружается в воспоминания и подчеркивает в разных эпизодах это ощущение нечеткости. Приведем, например, этот отрывок из романа: «Было в моих воспоминаниях всегда нечто невыразимо сладостное: я точно не видел и не знал всего, что со мной случилось после того момента, который я воскрешал: и я оказывался попеременно то кадетом, то школьником, то солдатом — и только им; все остальное переставало существовать» [1. С. 51—52].

Традиционно в романе существуют портретное описание и самоинтерпретация героя-повествователя. Что касается портретного описания героя-повествователя в романе «Вечер у Клэр», то описание его внешности почти отсутствует. Вполне правдиво замечание Н.А. Николиной насчет существования двух планов отражения собственного «Я» в романе: «Я — каким-я-себя-вижу» и «Я — каким-меня-видят-другие» [6. С. 247]. Первый план осуществляется в воспоминаниях героя-повествователя о себе, что окрашено субъективностью. Для того, чтобы придать воспоминаниям объективный оттенок, герой-повествователь вовлекает в повествование других персонажей, с которыми переплетена была его судьба. Именно в отношении с этими персонажами герой-повествователь прибегает к концепции «зеркального Я», или «человек у зеркала» (выражение М.М. Бахтина), т.е. «Я глазами других.

Интересно проследить в образе героя-повествователя этапы его жизни, чтобы определить какие элементы своей биографии дал автор романа своему герою. Начнем с воспоминаний героя-повествователя о *своем детстве*.

Воспоминания о детстве являются важной частью в автобиографических произведениях. Именно в изгнании эти воспоминания обозначают воспоминания о далеком «потерянном рае», и их воскрешение — воскрешение образа потерянной родины, потерянного родного дома.

В романе «Вечер у Клэр» рассказ о собственном детстве главного героя начинается признанием важности и одновременно сложности воспоминания этого периода. Вот как он передает тяжесть этой задачи: «и чтобы вновь очутиться в этих темных пространствах с густым и ощутимым воздухом, мне нужно бывало пройти расстояние, которое увеличивалось по мере накопления жизненного опыта, то есть просто запаса соображений и зрительных или вкусовых ощущений» [1. С. 49].

По словам Андре Моруа, в памяти большинства авторов автобиографий детство возникает как серия редчайших воспоминаний, которые воспроизводят такое сильное впечатление, что их эмоциональный эффект через столь долгие годы опять сильно влияет на авторов. При этом детство, проведенное во время войн и революций, оставляет в памяти напряженные воспоминания, которые отличаются от воспоминаний спокойного детства. Тем более начало XX в., когда родились и автор, и герой-повествователь романа «Вечер у Клэр», было переломным периодом в истории России.

Выделяются разные типы воспоминаний детства — личные воспоминания, которые сохранились в памяти автора автобиографии, и второстепенные, или посредственные, воспоминания личной жизни, которые содержат рассказы других [5. С. 99]. Вот как в романе герой-повествователь вспоминает случай из раннего детства, когда в трехлетнем возрасте он сползал с окна, чтобы увидеть пильщиков во дворе и чуть не упал (см. [1. С. 50]). Кроме того, герой в качестве свидетельства о реальности воспоминания назначил определенное время и место случая — «конец сентября», «Петербург», «квартира на четвертом этаже», «в доме бабушки на Кабинетской улице». Странно, что в таком раннем возрасте он сохранил в памяти именно этот случай, который ему запомнился «чрезвычайно». Может быть, он узнал об этом из рассказов других лиц, и тем самым в рассказ проникают чужие воспоминания и чувства.

Другой случай, сохранившийся в памяти героя романа, — прочитанный им в хрестоматии рассказ о мальчике-сироте, который произвел на него сильное впечатление (см. [1. С. 51]). Может быть, это связано с ощущением сиротства, которое не смог преодолеть ни герой-повествователь, ни писатель.

В рассказе о детстве даются начало биографии героя-повествователя и образная формула «я родился», типичная для автобиографии. Так из рассказа о пильщиках открывается место рождения — дом на Кабинетской улице в Санкт-Петербурге. Эти биографические данные героя-повествователя совпадают с биографией Гайто Газданова.

Герой-повествователь переходит к рассказу о своем увлечении чтением, к воспоминаниям о семье, морских путешествиях с отцом, друзьях отца. Воспоминания о кругосветных путешествиях, которые совершает герой-повествователь в своем воображении, и породившиеся в творчестве Гайто Газданова мотивы «путешествия» и «жизни как путешествие», по замечанию Ласло Диенеша, возникли под влиянием «сказки о путешествии на корабле», которую отец героя-повествователя в детстве привык рассказывать своему сыну [2. С. 200]. Но вообще эта параллель «жизнь — путешествие» характеризует мемуарно-автобиографическую прозу.

В воспоминаниях героя-повествователя подчеркиваются именно отрицательные стороны его характера. Это тоже в некоторой степени создано в духе принципа искренности и достоверности автобиографического дискурса, поскольку передача образа «идеального» героя или «гиперболизированное» положительное описание человека противоречит человеческой натуре и лишает объективности его высказывания. Итак, с самого начала рассказа о собственной жизни герой Гайто Газданова представляется как «дерзкий мальчик», «робкий», который не-

охотно, но хорошо учится, любит читать, любопытный, склонен к отцу, но чинно к матери обращается. Гайто Газданов создал правдивый и типичный образ мальчика, в котором читатель может узнать образ самого себя в этот период.

Вслед за этим начинается рассказ об учебе героя-повествователя в **кадетском корпусе**. Герой газдановского романа поступил в кадетский корпус, в котором провел всего лишь один год, потому что ему было тяжело привыкать к военному образу жизни. Однако здесь, несмотря на упоминание реальных названий улиц и городов, он называет кадетский корпус «Тимофеевским корпусом». На самом деле, Гайто Газданов учился в Петровском Полтавском кадетском корпусе, но в романе переделал название. Может быть, лишая его настоящего названия, он стремится избавиться от воспоминания о годе, проведенном в этом корпусе, который ему вспомнился как «тяжелый, каменный сон» [1. С. 72].

Другой характерной чертой в автобиографической прозе является «рефлектирующая деятельность», которой занимается автор, выступая «как интерпретатор своего языкового поведения или поведения других и оценивает принципы (свои и чужие) пользования языком» [6. С. 53]. При этом, по замечанию Н.А. Николиной, этот прием наблюдается часто в автобиографиях писателей или философов [6. С. 60]. Это абсолютно верно, поскольку в романе «Вечер у Клэр» герой-повествователь в своем рассказе о кадетском корпусе выполняет эту функцию; он комментирует речь классного наставника, который предпочитает «уменьшительные слова», что вызывает в душе героя-повествователя «непобедимое отвращение». По словам героя, «нет более мелкой и бессильной подлости в языке» [1. С. 70]. Другим примером в романе служит воспоминание о кадете Успенском, который неправильно читает молитву [1. С. 71]. Вот еще комментарий героя-повествователя в другом эпизоде романа: «Так говорили простодушные выходцы из середины девятнадцатого столетия» [1. С. 83]; или, например, объяснение значения слова «овраг», которое, по словам героя в романе, «на кавказско-русском языке называется балкой» [1. С. 84].

Анализ романа Гайто Газданова «Вечер у Клэр» показывает, что в нем нашли отражение многие реалии жизни писателя, такие как детство, учеба, участие в Гражданской войне и эмиграция, т.е. начиная с ранних лет до времени выхода романа. Традиционно писатели пишут свои автобиографии в конце жизни, но у Гайто Газданова и многих молодых писателей Литературы русского зарубежья именно изгнание стимулировало развитие этого жанра в ранний период их творчества. Помимо реалий жизни Гайто Газданов употребил многие приемы и критерии, связанные с автобиографическим пактом Филиппа Лежёна и поэтикой автобиографической прозы.

© Эль-Гамри М.А., Габалла М.А., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- [1] *Газданов Г.* Собрание сочинений: в 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 1. 882 с.
- [2] *Диенеш Л.* Гайто Газданов: жизнь и творчество / пер. с англ. Т. Салбиева. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. ин-та гуманитарных исслед., 1995. 303 с.

- [3] *Николаев П.А., Кожевников В.М.* Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
- [4] *Лежён Ф.* Автобиографический пакт / пер. на араб. Амр Хали. Бейрут: Арабский культурный центр, 1994. 350 с.
- [5] *Моруа А.* Аспекты биографии / пер. на араб. Ахмед Дарвиш. Каир: Высший совет культуры, 1999. 130 с.
- [6] *Николина Н.А.* Поэтика русской автобиографической прозы. М.: Флинта; Наука, 2002. 424 с.
- [7] *Рейнгольдс Д.Ф.* Интерпретация «Я»: автобиография в арабской литературной традиции / пер. на араб. Сайд Эль Ганми. Абу-Даби: Калима, 2009. 240 с.
- [8] Краткая литературная энциклопедия / под ред. А.А. Суркова. М.: Советская энциклопедия, 1964. Т. 2. 1056 с.
- [9] *Шкловский В.Б.* Кончился ли роман? // Иностранная литература. 1967. № 8. С. 218—231.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 1 августа 2018

Дата принятия к печати: 10 августа 2018

Для цитирования:

Эль-Гамри М.А., Габалла М.А. Автобиографическое начало и герой-повествователь в романе Гайто Газданова «Вечер у Клэр» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 4. С. 375—383. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-375-383

Сведения об авторах:

Эль Гамри Макарем Ахмед, профессор кафедры русского языка факультета иностранных языков Аль-Алсун Университета Айн Шамс (Египет). *Контактная информация:* e-mail: mghamry@hotmail.com

Габалла Май Амин, магистрант факультета Аль-Алсун Университета Айн Шамс (Египет). *Контактная информация:* e-mail: maiaamin73@yahoo.com

Autobiographical elements and narrator-protagonist in the novel of Gaito Gazdanov “An evening with Claire”

M.A. El Ghamry, M.A. Gab Allah

Faculty Al-Alsun, University of Ain Shams
Khalifa Al Ma'amun St., Al Abbasiya district, Cairo, 11566, Egypt

This article explores the features of the autobiographical novel and gives a brief overview of the history of the appearance of the autobiography and the debate about it as an independent literary genre. The emphasis here is on revealing the elements of autobiography in the first novel by the writer of the first wave of emigration Gaito Gazdanov “An evening with Claire” in the framework of the criteria typical for the poetics of memoirs and autobiographical prose. For this work, the autobiographical pact, principles of which were defined by the theorist of autobiography Philippe Lejeune has special significance.

Keywords: Gaito Gazdanov, “An evening with Claire”, autobiographical pact, narrator-protagonist, memories

References

- [1] Gazdanov G. *Sobraniye sochineniy v pyati tomakh* [The collected works in five volumes]. Moscow: ELLIS LAKE, 2009. T. 1: 5.
- [2] Dienes L. *Gaito Gazdanov: zhizn' i tvorchestvo* [Gaito Gazdanov: Life and work] / trans. from English. T. Salbiyeva. Vladikavkaz: Publishing House of the North-Osset, Institute of Humanitarian Studies, 1995. 303 p.
- [3] Nikolaev P.A., Kozhevnikov V.M. *Literary Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1987. 752 p.
- [4] Lejeon F. *Le pacte autobiographique* / trans. to Arab. Amr Hali. Beirut: Arab Cultural Center, 1994. 350 p.
- [5] Morua A. *Aspects de la biographie* / trans. to Arab. Ahmed Darwish. Cairo: Supreme Council of Culture, 1999.
- [6] Nikolina N.A. *Poetika russkoi avtobiograficheskoi prozy* [Poetics of Russian autobiographical prose]. Moscow: Flinta; Nauka, 2002. 424 p.
- [7] Reynolds D.F. *Interpretation of "I": an autobiography in the Arabic literary tradition* / trans. to the Arab. Said El Ghanmy. Abu Dhabi: Kalima, 2009. 240 p.
- [8] *Kratkaya literaturnaya entsiclopedia* [The short literary encyclopedia]. Moscow: "The Soviet Encyclopedia", 1964. Vol. 2. 1056 p.
- [9] Shklovsky V.B. *Konchilsya li roman* [Is the novel over?] // *Foreign literature*. 1967. No. 8. P. 218—231.

Article history:

Received: 1 August 2018

Revised: 5 August 2018

Accepted: 10 August 2018

For citation:

El Ghamry M.A., Gab Allah M.A. (2018). *Autobiographical elements and narrator-protagonist in the novel of Gaito Gazdanov "An evening with Claire"*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23(4), 375—383. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-375-383

Bio Note:

Makarem Ahmed El Ghamry, Professor, Al Alsun Faculty, Ain Shams University. *Contacts*: e-mail: mghamry@hotmail.com

Mai Amin Gab Allah, Master of Philology, Al Alsun Faculty, Ain Shams University. *Contacts*: e-mail: maiaamin73@yahoo.com

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-384-392

UDK 821.161.1

Moskauer Wohnungsfrage der 1920er Jahre in Mikhail Bulgakovs Feuilletons und Erzählungen

A. Michailowski

Neuphilologisches Institut — Moderne Fremdsprachen, Slavistik
Am Hubland, 97074, Würzburg, Deutschland

Am Anfang der 1920er Jahre befand sich Moskau mitten in einer Wohnungsfrage: Nach der Revolution hat sich der Moskauer Wohnungsbestand verringert, die Bevölkerung im Gegenteil zugenommen. Der Wohnungsmangel ist zum Merkmal des Jahrzehnts geworden und somit in vielen satirischen Zeitschriften von Sergej Garin, Mikhail Zoshchenko, Pantelejmon Romanov und anderen Satirikern behandelt worden. Zu diesen Satirikern gehörte auch Mikhail Bulgakov, der die Wohnungsfrage selbst miterlebte. Der vorliegende Artikel beschäftigt sich mit Bulgakovs Feuilletons und Erzählungen, die diese Wohnungsfrage in Moskau behandeln. Dazu zählen: *Vospominanie*, *Stolitsa v bloknote*, *Ploshchad' na kolesakh*, *Moskva 20-kh godov*, *Moskovskie stseny*, *Samogonnoe ozero*, Nr. 13 — *Dom Ėlpit-Rabkommuna*.

Schlüsselwörter: Mikhail Bulgakov, “Vospominanie”, “Stolitsa v bloknote”, “Ploshchad' na kolesakh”, “Moskva 20-kh godov”, “Moskovskie stseny”, “Samogonnoe ozero”, “Nr. 13 — Dom Ėlpit-Rabkommuna”, Moskauer Wohnungsfrage, 20er Jahre in Moskau, Wohnraummangel, Wohnraumverkleinerung, Kommunales Leben in Moskau

Die Wohnungsfrage war eines der Hauptprobleme in Moskau in den 1920er Jahren. Der **Wohnungsmangel** ist wegen “des starken Zustroms von ländlichen Arbeiterkräften in die Industriestädte einerseits und infrastruktureller Veränderungen andererseits” entstanden, “der daraus resultierende Wohnungsmangel wurde zum sozialen Problem” [1. S. 39].

Selbst das Feuilleton *Ploshchad' na kolesakh* (1924) beginnt mit den Sätzen: «Ну и город Москва, я вам доложу. Квартир нет. Нету, горе мое!» [2. S. 426]. Dieses Feuilleton ist ein Tagebuch des “genialen Menschen” Polosukhin, in dem er seine Wohnungssuche in Moskau beschreibt. Als er nach Moskau kam, hat er zuerst drei Nächte bei einem Bekannten in der Badewanne übernachtet, dann zwei Nächte bei einem anderen Bekannten auf dem Gasherd. Daraufhin hat er sich Fahrkarten für die Straßenbahnlinie A gekauft, ist rundherum damit gefahren und übernachtete schließlich im Depot, die folgenden Nächte sogar in der Straßenbahn selbst.

Mit diesem Feuilleton wollte Bulgakov den Lesern zeigen, dass bei der Wohnungssuche Geld oft nicht das Hauptproblem war. So konnte Polosuchin jeden Tag das ganze Fahrkartenscheintuch abkaufen, um in der Straßenbahn leben zu können. Er lud seine Familie dorthin ein und behauptete, dass solche Unterkünfte noch besser seien: «Плиту поставил. Ездим, дай Бог каждому такую квартиру!» [2. S. 427]. Sein Bekannter Purtsman,

der sich in der Straßenbahn Nr. 27 unterbrachte, hat sogar Teppiche ausgebreitet und Bilder von bekannten Malern aufgehängt. Bulgakovs Übertreibung spitzt sich zum Ende des Feuilletons zu, als die Zentralkommission auftaucht, alle Bewohner aus der Straßenbahn aussiedelt und dort ein Milizrevier und eine Schule einrichtet:

«Центральная жилищная комиссия явилась. Ахнули. А мы-то, говорят, всю Москву изрыли, искали жилищную площадь. А она тут... Всех выпирают. Учреждения всаживают. Дали 3-дневный срок. В моем вагоне участок милиции поместится. К Пурцману школа I ступени имени Луначарского» [2. S. 428].

Daraus lässt sich schließen, dass es nicht einmal Räume für Behörden gab, ganz zu schweigen von Wohnräumen für die Bevölkerung.

Die Wohnungsfrage war für sowjetische Bürger von größter Bedeutung, so dass sich danach ihr ganzes Leben richtete: Die Menschen zogen nach Norden um, um eine Wohnung außerhalb der Warteliste zu erhalten; schlossen Scheinehen, um sich in Moskau anzumelden; bekamen Kinder, um flächenmäßig eine größere Wohnung zu bekommen [3. S. 225]. Das Feuilleton *Moskva 20-kh godov* (1924) beschreibt, wie die Moskauer Wohnungskrise das Leben der Bürger auf radikale Weise verändert hat. Es besteht aus Geschichten Moskauer Bürger, die der Wohnungskrise begegnet sind: von einem Mann, der überlegt zu heiraten, um die Wohnung behalten zu dürfen, bis hin zu einem Mann, der ledig bleibt, um aus der Wohnung nicht ausgesiedelt zu werden. Somit schrieb die Wohnungskrise den Menschen ihre Bedingungen vor. Das Leben war vollständig von der Wohnungsfrage abhängig.

In dem zweiten Teil *O khoroshej zhizni* beschreibt Bulgakov die Ereignisse der 1921–1922 Jahre, als die Behörde Centrozhil gerichtlich verurteilt wurde, weil sie in den Zuweisungsscheinen flächenmäßig bestimmte Zimmer willkürlich vergeben hat. Danach wurde Centrozhil aufgelöst. Einige Menschen konnten ihre Zimmer aber behalten. Sie nennt Bulgakov “Menschen, die fein leben” [4. S. 86]. Bemerkenswert ist, dass Bulgakovs Leitsatz zur Wohnungskrise in den 1920er Jahren “Es gibt keine Wohnungen in Moskau!”, auch in diesem Feuilleton zu lesen ist:

«Теперь, в дополнение к этому, сообщаю всем, проживающим в Берлине, Париже, Лондоне и прочих местах, — квартир в Москве нету. Как же там живут? А вот так-с и живут. Без квартир» [2. S. 437].

Das Thema des Wohnungsmangels wird auch im zweiten Kapitel *Gnilaja intelegencija* des Feuilletons *Stolica v bloknote* (1922) angerissen. Es beschreibt die finstere Lebenslage eines Akademikers, der gerade eben das medizinische Studium absolviert hat. Nach fünf Monaten des “Existenzkampfes” erzählt der Arzt, dass er in einer Lastträgerkolonne arbeitet und sich in einer Klinik noch nebenbei mit Röntgen beschäftigt. Was die Wohnung angeht, so wohnt er in einem Zimmer, das er zufällig mithilfe einer Schauspielerin bekommen hat. Sie hat ihre Beziehungen spielen lassen, um es für den Arzt zu besorgen.

Die Problematik, dass bei der Wohnungsfrage Beziehungen eine große Rolle spielten, wird auch in der Erzählung *Vospominanie* (1924) behandelt. Darin beschreibt Bulgakov ein sich tatsächlich zugetragenem Ereignis, und zwar seine Wohnungssuche nach der Ankunft in Moskau im Jahre 1921. Um eine Bleibe zu bekommen, musste man sich bei einer Wohnbehörde anmelden. Wie immer, musste man zuerst eine lange Warteschlange

ausstehen, um zu dem zuständigen Sachbearbeiter zu gelangen. Danach wurde man auf eine Warteliste gesetzt und nach Ablauf einer bestimmten Zeit, bekam man dann Wohnraum, was für die 1920er Jahre typisch war:

«Я отправился в жилотдел и простоял в очереди 6 часов. В начале седьмого часа я в хвосте людей, подобных мне, вошел в кабинет, где мне сказали, что я могу получить комнату через два месяца» [2. S. 379].

Diese Geschichte erinnert stark an die Geschichte von Polosukhin aus dem oben analysierten Feuilleton *Ploshchad' na kolesakh*. Genauso hat Bulgakov die ersten fünf Nächte bei Bekannten verbracht. Die sechste Nacht verbrachte er in einem Boulevard, nach der er beabsichtigte, nach Kiew zurückzukehren. Auf dem Bahnhof ist ihm sein Freund begegnet, der ihm einen Platz im Zimmer anbot. Es ging um das Zimmer 50 in der Wohnung Nr. 10 in der Bolshaja Sadovaja Straße, in der damals Andrej Michajlovich Zemskij wohnte [6. S. 729].

Nachdem Bulgakov das Zimmer fand, stieß er auf ein weiteres, für die damalige Zeit typisches, Wohnungsproblem: die **Meldepflicht**. Jeder Bewohner sollte sich beim sogenannten “Upravdom” (deutsch: Hausverwaltung) anmelden, der sowohl für die Anmeldung, als auch für die Verteilung von Wohnungsflächen im jeweiligen Haus zuständig war. Die Verwaltungsmitglieder wurden in der Regel von den Hausbewohnern selbst gewählt [1. S. 41].

Der Vorsitzende der Hausverwaltung hat aber Bulgakovs Anmeldung abgelehnt, ohne irgendeinen Grund zu nennen. Er hatte sechs Tage um auszuziehen. Die Lage hat sich für ihn erst dann zum Positiven gewandt, als er Krupskaja geschrieben hat [7. S. 167]. Im Feuilleton wird aber die Wirklichkeit anders dargestellt, nämlich dass Bulgakov selbst zu Krupskaja hingegangen war.

Obwohl Bulgakov diese ersten Probleme überwunden hat, war er mit dem Zimmer und mit dem Haus generell unzufrieden. Er wollte sich eine andere Unterkunft finden, was aber unmöglich war. Seine Bedenken erörtert er im oben analysierten Feuilleton *Moskva 20-kh godov*:

«Я, граждане, человек замечательный [...]. Труд-книжку в три дня добыл, всего лишь три раза по 6 часов в очереди стоял, а не по 6 месяцев, как всякие растяпы. На службу пять раз поступал, словом, все преодолел, а квартирку, простите, осилить не мог. Ни в три комнаты, ни в две и даже ни в одну. И как сел в знаменитом соседстве с Василием Ивановичем, так и застрял» [2. S. 443].

In dem Feuilleton *Moskva 20-kh godov* geht Bulgakov noch das Thema des **Zustands der Wohnungen** in Moskau an. Sосhreiberter:

«[...] последние три года в Москве убедили меня, и совершенно определенно, в том, что москвичи утратили и самое понятие слова «квартира» и словом этим наивно называют что попало» [2. S. 437].

Als “Wohnung” bezeichneten die Moskauer alles, wo man sich unterbringen lassen konnte, obwohl es mit der Wohnung im herkömmlichen Sinne nichts zu tun gehabt hat. Als Beispiel führt der Autor einen schachtartigen Raum an, der noch in fünf weiten Räumen unterteilt ist, die “nichts anderes waren als große längliche Hutschachteln” [4. S. 78]. Als “Wohnung” wird unter anderem eine Telefonzelle bezeichnet, in der drei

Personen sieben Monate lang lebten. Sogar ein ehemaliges Gebäude der Chemie-Fabrik wurde in Zimmer unterteilt und an die Menschen vermietet.

Auch der Zustand der richtigen Wohngebäude ließ zu wünschen übrig. Die Aufzüge sind nur für Menschen mit dem Ausweis “Herzkrank” vorgesehen gewesen, waren aber immer außer Betrieb, da es Niemanden gab, der sie reparieren könnte. Die Häuser wurden nie aufgeräumt. So wird z.B. eines davon beschrieben:

«На лестнице без перил были разлиты щи, и поперек лестницы висел обрезанный, толстый, как уж, кабель» [2. S. 437].

Obwohl Renovierungsarbeiten durchgeführt worden sind, haben sie oft nicht viel gebracht:

«Кресло отъехало в сторону, и в огромнейшей лохматой дыре, аршин в диаметре, оказался купол соседней церкви на голубом фоне неба» [2. S. 442].

Wie der Mieter weiter erklärt, erschien dieses Loch erst nach der Renovierung. Obwohl diese Stelle übertrieben zu sein scheint, wird eindeutig klar, dass Renovierungsarbeiten nicht gewissenhaft durchgeführt wurden.

So stellte Bulgakov den Zustand der Wohnungen im Jahre 1924 vor. Zwei Jahre zuvor, sah er den massenweise beginnenden Renovierungsarbeiten noch als positiv, hoffnungsvoll und vielversprechend entgegen. Dies wird im ersten Kapitel *Bogremont* des oben erwähnten Feuilletons *Stolitsa v bloknote* behandelt. Wie er beschreibt, gab es in Moskau im Jahre 1922 eine Vielzahl von “Spezialisten” für Renovierungen, so dass jeder Passant mindestens einmal mit Farbe beschmiert wurde. So schrieb er:

«Этот сезон подновляли, штукатурили, подклеивали. На будущий сезон, я верю, будут строить. [...] Будут строить, не смотря ни на что» [2. S. 251–252].

Warum der Wohnungszustand sich verschlechterte, kann am Beispiel der Erzählung *Nr. 13 — Dom Ėl'pit-Rabkommuna* (1922) erklärt werden. Das Haus Nr. 13 war bis zur Revolution ein Miethaus, das im Eigentum eines Mannes mit dem Familiennamen Ėlpit stand. Darin wohnten reiche und angesehene Menschen. Nach der Revolution widmete man das Miethaus in eine “Rabkommuna” (deutsch: Arbeitskommune) um und es wird von den neuen Bewohnern, den Arbeitern, umgestaltet: auf den Treppenabsätzen gehen die Lampen verloren, die Aufzüge funktionieren nicht mehr, in den Wohnungen wird das Parkett verbrannt und überall in den Fluren wurden Unterhosen zum Trocknen aufgehängt. Als Prototyp des Hauses dient das oben erwähnte Haus in der Bol'shaja Sadovaja Straße 10, wo der Autor selbst von 1921 bis 1924 gewohnt hat. Dieses Haus war das erste in Moskau, das zu einer Arbeitskommune umgewidmet und dessen Verwaltung in die Hände der Bewohner übergeben wurde [6. S. 717].

Zu den Wohnprojekten der 1920er Jahren gehörte der sogenannte “zhilishchnyj peredel” (deutsch: Wohnraumumbau). Nach der bolschewistischen Machtübernahme wurde das Eigentumsrecht abgeschafft. Der Staat hatte das Recht, Wohnungen zu verwalten und sie nach dem Motto “Dvortsy rabochim!” (deutsch: “die Schlösser — den Arbeitern!”) zu verteilen [3. S. 226]. Somit begann das sogenannte “Uplotnenie” (deutsch: Wohnraumverkleinerung, wörtlich: Verdichtung). Die Wohnungsgesellschaft bekam das Recht, die Menschen in eine unterbelegte Wohnung einzuquartieren. Unter einer

unterbelegten Wohnung verstand man eine solche, in der auf jeden dort lebenden Bewohner mehr als sechszehn Quadrat-Arschin fielen (9 Quadratmeter) [8. S. 92]. Nach der Einführung dieser Normen traten unter anderem solche Termini wie “izlishki” (deutsch: Überschüsse) und “lishnie metry” (deutsch: überschüssige Meter) auf. Hatte man überschüssige Wohnfläche, gab es aber zunächst die Möglichkeit, sich innerhalb von zwei Wochen selbst Mitbewohner zu finden. Diesen Prozess bezeichnete man als “Samouplotnenie” (wörtlich: Selbstverdichtung).

Dieses Problem und das Verfahren, wie die Wohnraumverkleinerung verlief, beschreibt Bulgakov in seinem Feuilleton *Moskovskie tsceny* (1923) mit dem Untertitel *Na peredovykh pozitsijakh*. Darin sind ebenfalls autobiographische Motive enthalten. Im August 1924 ist Bulgakovs Familie aus der Wohnung Nr. 50 in die Wohnung Nr. 34 desselben Hauses umgezogen. Der Bewohner der Wohnung war Artur Manasevich, ein Millionär, der sich nach dem Tod seines Bruders entschied, selbst neue Mitbewohner im Rahmen des sogenannten „Samouplotnenie“ zu suchen. Manasevich hat das Zimmer Bulgakovs Familie vorgeschlagen, da er sie für ruhige und intelligente Menschen hielt [7. S. 291].

Als Prototypen des Feuilletons *Moskovskie tsceny* dienten aber der ehemalige Rechtsanwalt Vladimir Komorskij und seine Frau Zinaida Vasil'evna, mit denen Bulgakov befreundet war [6. S. 719]. Im Feuilleton geht es genauso um einen ehemaligen Rechtsanwalt, der der Wohnraumverkleinerung und der Besteuerung zu entgehen versucht. Bulgakov beschreibt ihn als einen “der gescheitesten Männer in Moskau, wenn nicht [den] gescheitesten” [4. S. 8]. Im Gegensatz zu dem oben erwähnten Bekannten Polosukhins, der nach der Einführung des Verfahrens der Wohnraumverkleinerung seine Wohnung aufgab, hatte der Protagonist dieses Feuilletons vor, sich in seiner 6-Zimmer-Wohnung zu “vergraben”. Dafür verunstaltete er die Wände und baute eine Art Lehmsarg im Esszimmer auf. Die ganze Bibliothek hat er mit Mehlsäcke gefüllt, die Tür versperrt und obendrauf einen Teppich hingehängt. Vor dem Teppich stellte er ein Regal mit Flaschen und alten Zeitungen auf, so dass das Zimmer ganz verschwunden war. In zwei anderen Zimmern hat er seinen Cousin und die Witwe Zinaida Ivanovna untergebracht. Ein weiteres Zimmer durfte er komplett selbst bewohnen, weil er ein ärztliches Attest über einen angeblichen Herzfehler vorlegen konnte. Die zwei übrigen Zimmer (Wohnzimmer und Büro) baute er in ein Zimmer um, wo er das Klavier, eine Reihe von Regalen und das Bett seines Zimmermädchens aufstellte. Die sperrigen Sachen wie Klavier und Regale hat er beschriftet und gekennzeichnet, damit sie nicht weggeräumt werden konnten. So hat er z.B. auf das Klavier Zinaida Ivanovnas Ausweis hingehängt, der sie als eine Musiklehrerin auswies, und das Musikinstrument somit gebraucht wurde. Alle Luxusgegenstände sind natürlich versteckt worden.

Das wichtigste dabei war, dass der Besitzer der Wohnung alle Mitbewohner als Angestellte angemeldet hat, um die Wohnungsfläche für jeden behalten zu dürfen. Drei Jahre lang, jeden Tag, kam die Hausverwaltung bei ihm vorbei, weil die Kontrolle der Wohnfläche jedes Mal keine unzulässigen Abweichungen ergab. Doch eines Tages bekam “der gescheiteste Mann” Moskaus einen Anruf, worin er erfuhr, dass er doch besteuert wird, da einem von der Hausverwaltung ein Fehler unterlief und alle Mitbewohner als Nicht-Angestellte angemeldet wurden.

Solche Geschichten fanden in der Tat durchgängig statt. Laut Gerasimova, wurden Menschen wie der Hausherr als „byvshie ljudi“ (deutsch: ehemalige Menschen) bezeichnet

[3. S. 230]. Um ihre Wohnungen zu sichern, dachten sie sich tatsächlich nicht existierende Mitbewohner aus, oder meldeten ihre Verwandten und Bekannten bei sich an. Wenn die Wohnraumverkleinerung unvermeidlich war, suchten sie sich Vertreter ihres sozialen Umfeldes.

In Bulgakovs *Moskovskie stseny* wird das negative Verhältnis zu den Menschen aufgezeigt, die zu Zeiten der Neuen Ökonomischen Politik (NÖP) vorankamen. Bulgakov zeigt, dass er die Versuche, die Hausverwaltung zu betrügen, für sinnlos hält. Zudem scheint es so, dass Bulgakov solche Handlungen auch als unfair empfindet und sich wünscht, dass diese Menschen bestraft werden. Bulgakovs Einstellung gegenüber diesen Menschen kann dadurch erklärt werden, dass er selbst in den 1920er Jahren nicht zu einer solchen sozialen Schicht gehörte, denn er, wie oben bereits beschrieben, hatte Probleme mit der Unterkunft und war teilweise unterernährt. Bulgakov schrieb in seinem Tagebuch: “Ich und meine Frau hungern uns durch. [...] Es ist die schwärzeste Periode meines Lebens” [7. S. 178]. Während der Hausherr und seine Gäste aus dem Feuilleton *Moskovskie sceny* das Essen in Hülle und Fülle auf dem Tisch stehen hatten und sich den Mund mit gestärkten Servietten abputzten, erinnerte sich Tatjana Lappa, Bulgakovs Frau, wie es auch schon mal vorkam, dass sie drei Tage kein Essen zu sich nahm und an akutem Blutmangel litt [7. S. 178].

Bulgakov verheimlichte es nicht, dass er solche vorankommenden Menschen beneidete. Denn er erlebte selbst und war über diese Tatsache zugleich empört, dass die Wohnflächen ungleichmäßig verteilt wurden. Im Feuilleton *Moskva 20-khgodov* schreibt er:

«[...] в 1921 году, въехав в Москву, и в следующие года 1922 и 1923-й, страдал я, граждане, завистью в острой форме. [...] Сидел и терзался завистью. Ибо видел неравномерное распределение благ квартирных» [2. S. 443].

Die kommunale Wohnung ist zum Merkmal der Sowjetunion geworden. Gerasimova betont, dass **das kommunale Leben** zum Teil des sowjetischen Alltags wurde und den anderen Ländern nicht bekannt ist [3. S. 226]. Die Besonderheiten des Kommunallebens schildert das Feuilleton *Samogonnoe ozero* (1923). Es handelt über die schon mehrmals erwähnte Wohnung Nr. 50 in dem Haus in der Bolshaja Sadovaja Straße 10. Die Erzählung deckt das Hauptproblem des Kommunalalltags auf: das Trinken. Ständiges Schreien und Prügeln der betrunkenen Nachbarn störten das Leben des jungen Journalisten (in dem Bulgakov selbst leicht zu erkennen ist) und seiner Frau. Jegliche Versuche, die Wohnsituation durch Absprache mit anderen Mitbewohnern zu verbessern, endeten wie immer mit der Äußerung: “Wenn es hier wem nicht gefällt, soll er dahin gehen, wo die Gebildeten wohnen” [4. S. 17]. Beschwerden bei der Hausverwaltung haben auch nichts gebracht, da die Sachbearbeiter selber Alkoholiker waren.

Das Feuilleton endet mit einer Schlussbemerkung, in der Bulgakov nur einen Ausweg sieht: die “Trockenlegung” Moskaus. Die Alkoholiker müssten sofort verhaftet werden, binnen 24 Stunden müsse die Gerichtsverhandlung stattfinden und die Verurteilungen dürfen keiner Bewährung unterliegen. Außerdem solle nur noch leichter Rot- und Weißwein bis 24 Uhr verkauft werden.

Ein weiteres dringliches Problem im Leben der Moskauer war die Beheizung. Bulgakov schreibt in seinem Tagebuch: “Starker Frost. Die Heizung funktioniert, jedoch nur sehr schlecht. Und nachts ist es kalt” [7. S. 177]. Auf dieses Problem nimmt die schon oben

erwähnte Erzählung Nr. 13 — *Dom Ėlpit-Rabkommuna* Bezug, in der einfrüher von reichen Menschen bewohntes Haus beschrieben ist. Nunmehr war es überwiegend von Bauern und Alkoholikern bewohnt. Wegen mangelndem Sachverstand der neuen Bewohner im Umgang mit den kleinen Öfen, geht das Haus schließlich in Flammen auf. In dem was passiert ist, beschuldigt Bulgakov die unvernünftigen, neu angesiedelten Arbeiter. Der Brand ist laut Levshin nicht ausgedacht, obwohl die Beschreibung des Brandes grotesk und übertrieben wirkt [7. S. 166].

Das bemerkenswerte an Bulgakovs Feuilletons und Erzählungen ist, dass sie alle autobiographische Motive haben, und dass alle handelnden Personen aus seinem Leben stammen. Das sind seine Bekannten Ivan Kreshkov, der ehemalige Rechtsanwalt Vladimir Komorskij und seine Frau Zinaida Vasil'evna, die in zwei Feuilletons erwähnt wurde, die Witwe Gorjasheva, die als alte Pavlovna und als Annushka Piljaeva vorkommt, ihr Sohn Mishka und ein Journalist, in dem Bulgakov selbst wiederzuerkennen ist. Somit hat Bulgakov die die Wohnungsfrage in Moskau betreffenden Alltagsprobleme aus seinem Leben und dem Leben seiner Bekannten in seinen Werken verarbeitet.

© Michailowski A., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

The Moscow housing problem of 1920s in the stories and feuilletons of Mikhail Bulgakov

A. Michailowski

Institute of Slavic Studies (Faculty of Arts at the University of Wuerzburg, Germany)
Am Hubland, 97074, Würzburg, Germany

At the beginning of the 1920s Moscow was in the middle of a housing crisis: after the revolution the housing resources in Moscow have decreased, while the population has increased. The housing shortage has become the sign of decade and has been treated therefore in many satirical magazines by Sergei Garin, Mikhail Zoshchenko, Pantelejmon Romanov and other satirists. Mikhail Bulgakov, who went through this crisis himself, also belonged to these satirists. The present article deals with Bulgakovs feuilletons and stories which treat the housing question in Moscow. The analysis includes following stories and feuilletons: “Vospominanie”, “Stolitsa v bloknote”, “Ploshchad’ na kolesakh”, “Moskva 20-kh godov”, “Moskovskie stseny”, “Samogonnoe ozero”, “Nr. 13 — Dom Ėlpit-Rabkommuna”.

Keywords: Mikhail Bulgakov, “Vospominanie”, “Stolitsa v bloknote”, “Ploshchad’ na kolesakh”, “Moskva 20-kh godov”, “Moskovskie stseny”, “Samogonnoe ozero”, “Nr. 13 — Dom Ėlpit-Rabkommuna”, Moscow housing problem, 1920s in Moscow, housing shortage, housing reduction, communal life in Moscow

References

- [1] Wielspütz, Michael. “Haus Nr. 13” von M. A. Bulgakov (Wohnprobleme der 20er Jahre in der Sowjetunion) [“House NR. 13” of Mikhail Bulgakov (Living problems of 1920s in the Soviet Union)]. In: Beatrice Haas, editor. *Michael A. Bulgakovs Prose*. Vol. 1. Hamburg: Helmut Buske, 1981. P. 37—59. (In Germ.)

- [2] Bulgakov, Mikhail. Collected works in 5 volumes. Vol. 2. Editor: Gennadij Goc. Moscow: Khudozhestvennaja Literatura, 1989. (In Russ.)
- [3] Gerasimova, E.Ju. Soviet communal apartment. *Sotsiologicheskij zhurnal*. 1998; 1(2): 224–243. (In Russ.)
- [4] Bulgakov, Mikhail. Gesammelte Werke [Collected Works]. Vol. 7. Editor: Ralf Schröder. Berlin: Volk und Welt, 1995. (In Germ.)
- [5] Sokolov, Boris. Encyclopedia of Bulgakov. Moscow: Lokid, 1998. (In Russ.)
- [6] Fialkovaja, L.L. *Comments. Stories and feuilletons*. In: Gennadij Gos, editor. *Collected Works of Mikhail Bulgakov*. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaja Literatura, 1989. P. 704–735. (In Russ.)
- [7] Chudakova, Mariëtta. Biography of Mikhail Bulgakov. Moscow: Kniga, 1988. (In Russ.)
- [8] Lebina, Natalija. Soviet everyday life. Norms and deviations: from the war communism to the big style. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. (In Russ.)

Article history:

Received: 1 August 2018

Revised: 5 August 2018

Accepted: 10 August 2018

For citation:

Michailowski A. (2018). Moskauer Wohnungsfrage der 1920er Jahre in Mikhail Bulgakovs Feuilletons und Erzählungen. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23(4), 384–392. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-384-392 (In Germ.)

Bio Note:

Anna Michailowski, PhD Candidate, Institute of Slavic Studies at the University of Wuerzburg, Germany. Contact: anna.michailowski@uni-wuerzburg.de

Московский квартирный вопрос 1920-х гг. в рассказах и фельетонах Михаила Булгакова

А. Михайловски

Вюрцбургский университет Юлиуса-Максимилиана
Институт современных языков, Кафедра славистики
Am Hubland, 97074, Вюрцбург, Германия

В начале 1920-х гг. в Москве разразился жилищный кризис: после революции московский жилой фонд сократился, население возросло. Дефицит жилья стал признаком десятилетия и обсуждался во многих сатирических журналах Сергеем Гариным, Михаилом Зощенко, Пантелеймоном Романовым и другим сатирикам. К этим сатирикам принадлежал также Михаил Булгаков, который сам пережил жилищный кризис. В данной статье представлено описание квартирного вопроса 20-х гг. в следующих рассказах и фельетонах Булгакова: «Воспоминание», «Столица в блокноте», «Площадь на колесах», «Москва 20-х годов», «Московские сцены», «Самогонное озеро», «Номер 13 — Дом Эльпит-Рабкоммуна».

Ключевые слова: Михаил Булгаков, «Воспоминание», «Столица в блокноте», «Площадь на колесах», «Москва 20-х годов», «Московские сцены», «Самогонное озеро», «Номер 13 — Дом Эльпит-Рабкоммуна», московский квартирный вопрос, 1920-е гг. в Москве, уплотнение, коммунальная жизнь в Москве

Список литературы

- [1] *Вильшиютц М.* «Дом номер 13» Михаила Булгакова (Жилищные проблемы 20-х годов в Советском Союзе) // Михаил Булгаков. Часть 1. Проза / ред. Беатрис Хааз. Гамбург: Хельмут Буске, 1981. С. 37—59.
- [2] *Булгаков М.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2 / ред. Геннадий Гос. М.: Художественная литература, 1989.
- [3] *Герасимова Е. Ю.* Советская коммунальная квартира // Социологический журнал. 1988. № 1 (2). С. 224—243.
- [4] *Булгаков М.* Собрание сочинений. Т. 7 / ред. Ральф Шредер. Берлин: Фольк унд Вельт, 1995.
- [5] *Соколов Б.* Энциклопедия Булгаковская. М.: Локид, 1998.
- [6] *Фиалковая Л. Л.* Комментарии. Рассказы и фельетоны // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2 / ред. Геннадий Гос. М.: Художественная литература, 1989. С. 704—735.
- [7] *Чудакова М.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988.
- [8] *Лебина Н.* Советская повседневность. Нормы и аномалии: от военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 1 августа 2018

Дата принятия к печати: 10 августа 2018

Для цитирования:

Michailowski A. Moskauer Wohnungsfrage der 1920er Jahre in Mikhail Bulgakovs Feuilletons und Erzählungen (Московский квартирный вопрос 1920-х гг. в рассказах и фельетонах Михаила Булгакова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 4. С. 384—392. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-384-392

Сведения об авторе:

Анна Михайловски, аспирант Института современных языков, кафедра славистики, философский факультет, Университет Вюрцбурга (Германия). Контактная информация: e-mail: anna.michailowski@uni-wuerzburg.de

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-393-401

УДК 821.16.1

Размышления о революции в творчестве А. Варламова и Е. Водолазкина («Мысленный волк» и «Авиатор»)

Д.В. Кротова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена сравнительному анализу представлений о революции, выраженных в романах «Мысленный волк» А. Варламова (2014 г.) и «Авиатор» Е. Водолазкина (2017 г.). Принципиально различным оказывается подход двух писателей к интерпретации проблемы революции: если Варламов выражает в «Мысленном волке» собственное ее понимание, то Водолазкин в «Авиаторе» стремится выразить лишь возможное видение революции одним из современников тех далеких событий. Вместе с тем выявляются как сходство, так и кардинальные расхождения в трактовке темы революции в названных романах. Общность заключается в том, что восприятие революции у обоих авторов трагично: она интерпретируется как перелом, который повлек за собой глубоко разрушительные последствия. В оценке же самой сущности революции для героя «Авиатора» определяющим оказывается нравственный вектор, в то время как в «Мысленном волке», напротив, представление о революции связывается с внеэтическим, стихийным началом. При анализе романа «Мысленный волк» раскрываются как параллели, так и принципиальные расхождения с концепциями революции, сформированными в литературе и публицистике первых десятилетий XX в. (А. Блок, Б. Пильняк и др.). В статье доказывается, что и А. Варламов, и Е. Водолазкин, размышляя о событиях 1917 г., ставят своей целью осмысление неких ключевых закономерностей национальной истории («Мысленный волк»), а также принципов взаимоотношения личности и истории вообще («Авиатор»). Анализируя проблемно-тематический комплекс и художественную специфику названных романов, автор статьи обосновывает утверждение о неомодернистском векторе мышления обоих писателей.

Ключевые слова: современная литература, русская литература, революция, А. Варламов, Е. Водолазкин, «Мысленный волк», «Авиатор»

Размышления о революции — одна из главных проблем русской литературы XX в., но и в современной прозе вопрос о революции остается значимым и обсуждаемым. Ему посвящен целый ряд произведений начала XXI в., в том числе романы «Мысленный волк» А. Варламова (2014 г.) и «Авиатор» Е. Водолазкина (2017 г.). В «Мысленном волке» эта проблематика находится в центре повествования: время действия романа — 1914—1918 гг., т.е. в произведении охвачены предреволюционные годы, год русской революции и начало послереволюционного периода. Варламов стремится проанализировать процесс вызревания революционных перемен в обществе, осмыслить предпосылки этих перемен и проследить характер их осуществления. В «Авиаторе» проблема осмысления рево-

люции хотя и не является центральной, но играет существенную роль. Главный герой, Иннокентий Платонов, ровесник XX в., он хорошо помнит предреволюционные и революционные годы, это «его» время, как он сам утверждает. Если нередко «в современной исторической прозе все более удлиняющаяся временная дистанция создает поле авторской венаходимости» [1. С. 409], то в «Мысленном волке» и «Авиаторе» революционная эпоха отражена именно в восприятии персонажей-современников, взгляд которых оказывается во многом близок авторскому.

В романах Варламова и Водолазкина мы отмечаем как сходство в интерпретации проблемы революции, так и кардинальные различия. Общность заключается в том, что восприятие революции у обоих авторов трагично: революция трактуется как перелом, который повлек за собой глубоко разрушительные последствия. Варламов в «Мысленном волке» размышляет о том, что революция несла в себе огромный энергетический заряд, и эта энергия оказалась направлена в деструктивное русло. Водолазкин в «Авиаторе» осмысливает трагедии русской истории XX в. (прежде всего, трагедию лагерей) как прямое следствие революции.

Вместе с тем герои романов «Мысленный волк» и «Авиатор» кардинально различным образом отвечают на вопрос о том, что такое революция как историческое явление и какова ее внутренняя сущность. На этот вопрос стремились найти ответ еще современники событий 1917 г.: особенно влиятельной стала блоковская концепция революции как грандиозной метаморфозы; весьма значимы те представления, которые выражены в творчестве Б. Пильняка — революция как стихия, обладающая глубоко национальной природой, поднимающаяся из недр национальной жизни. С осмыслением революции неразрывно связано творчество М. Шолохова, Б. Пастернака, М. Булгакова, М. Горького, представителей социалистического реализма. В современной литературе продолжают размышления о том, что есть революция — не только как историческое, но и как метафизическое явление. А. Варламов в «Мысленном волке» выражает определенное понимание революции, в чем-то корреспондирующее с блоковским или пильняковским, в чем-то кардинально расходящееся с ними (подробный анализ последует далее). Е. Водолазкин в романе «Авиатор» стремился выразить не свое собственное понимание революции, ее причин и предпосылок, но лишь возможное видение ее одним из современников тех далеких событий. Это «другая история» — такая, какой она предстает в восприятии частного человека. Водолазкин поясняет в одном из интервью: «Штука вся в том, что мой герой восстанавливает историю, но не ту, которая входит в учебники, состоящую из могучих событий — переворотов, войн и так далее. Речь идет о другой истории, которая сопровождает «большую» историю, но исчезает безвозвратно, и никто о ней больше не вспоминает» [2]. Водолазкин и называет «Авиатор» романом об «истории чувств, фраз, запахов, звуков, которые по большому счету не менее важны, чем великие события. В каком-то смысле они определяют те события, которые входят в учебники, но при этом сами незаслуженно исчезают» [2]. «Авиатор» охарактеризован автором как роман о «персональном сознании», которое «формируется персональной историей» [3].

Иннокентий Платонов, главный герой романа Водолазкина, — человек предельно далекий от политики. В октябре 1917 г. он не принимал непосредственного участия в перевороте (тот день, когда произошла революция, Платонову «даже не запомнился» [4. С. 141]). Но, несмотря на то, что Платонов лишь сторонний наблюдатель, у него, как и у любого современника переломных событий, складывается определенное отношение к происходящему, он размышляет о революции и по просьбе доктора Гейгера делится своими соображениями.

Платонов характеризует сущность революции вполне однозначно. Он рассуждает о революционных переменах прежде всего с нравственных позиций — в отличие от своего великого современника А. Блока, который полагал, что моральный критерий непреложим к революции, что ее невозможно оценивать в рамках нравственной системы координат, что она «сродни природе», «как грозовой вихрь, как снежный буран», «она легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимыми недостойных» [5. С. 11]. Герой Водолазкина считает возможным и даже необходимым оценивать революцию именно с нравственных позиций, как явление прежде всего этического порядка. С его точки зрения, революционные события имеют исключительно негативную нравственную природу, высвобождая низменные страсти и самые гнусные инстинкты: «То, что в человеке прежде подавлялось законами, выходит наружу» [4. С. 53].

Герой Водолазкина размышляет о том, почему произошла революция, и дает однозначный ответ: потому что в людях веками копилось зло. «В людях накопилось много зла... Должен же был найтись этому выход» [4. С. 83]. Собеседник главного героя, доктор Гейгер, удивляется такому объяснению: «Вы не связываете, значит, переворот с общественной ситуацией, с историческими предпосылками...?», на что герой возражает: «А разве всеобщее помутнение — историческая предпосылка?» [4. С. 83]. «Все очень просто, — говорит герой Водолазкина. — В каждом человеке есть дерьмо. Когда твое дерьмо входит в резонанс с дерьмом других, начинаются революции, войны, фашизм, коммунизм... И этот резонанс не связан с уровнем жизни или формой правления. То есть связан, может быть, но как-то не напрямую» [4. С. 93]. Неправомерно было бы ставить знак равенства между позицией героя и позицией автора произведения, но можно предположить, что в чем-то сам Водолазкин солидарен с Иннокентием Платоновым. В одном из интервью Водолазкина спросили о его отношении к революции, и он ответил так: «Я полагаю, что нельзя устраивать путч, будь то февральский переворот или октябрьский. Это просто противозаконно... Нельзя совершить переворот, а потом сделать вид, что все в полном порядке» [6]. В интервью Водолазкин говорит и о том, что сейчас порой оправдывают революцию и ее деятелей: «...“время было такое”, что “приходилось” быть жестким. Время — это не оправдание, особенно для массовых убийств» [6]. Все эти высказывания Водолазкина позволяют предположить, что представление героя романа о революции как разгуле зла, всеобщем помутнении до какой-то степени разделяются и самим автором. Не случайно Водолазкин подчеркивает: «Всякое дело я оцениваю не с партийной, не с идеологической позиции, а только с точки зрения моих представлений о добре и зле» [6].

В романе «Авиатор» намеренно и даже несколько картинно противопоставлены фрагменты дореволюционной жизни и послереволюционные эпизоды. Дореволюционные воспоминания героя пронизаны светом, ощущением радости жизни, чувством праздника. Это, например, дача профессора Гиацинтова, где отдыхал Иннокентий Платонов, тогда еще мальчик, вместе со своими родителями; дом семьи Платоновых в Сиверской, под Петербургом — с запахом цветов, вечерними чаепитиями, пронзительными закатами. Вся дореволюционная жизнь в воспоминаниях Иннокентия окрашена в благостные, благодатные краски. Ярчайший контраст — фрагменты послереволюционной действительности. Это во многих случаях намеренно отталкивающие, антиэстетические описания. Они удручающе неприглядны, здесь подчеркиваются мотивы нравственной и физической нечистоты. Послереволюционный быт — это грязь, шелуха семечек на улицах, ругань пьяных матросов. Доносительство и убийство теперь становятся делом привычным и никого не удивляющим. Революция, по мнению главного героя романа, открыла в людях самые низменные свойства, будучи сама их порождением, проявлением зла, прорывом негативной энергии. В восприятии Иннокентия Платонова, таким образом, первостепенно значимой оказывается этическая сущность революции, а социальное, политическое и экономическое ее измерения становятся вторичными.

В романе «Мысленный волк» А. Варламова речь также идет о предпосылках и природе революции. В представлении главного героя романа Василия Комиссарова революция сама по себе не является благой или злой силой. Революция, как утверждает Комиссаров, «есть явление духа. Ее невозможно измерить деньгами, взять в концессию, заложить в банк, продать, обменять, в ней нельзя ничего ни рассчитать, ни предугадать. С ней нельзя торговаться — ей можно только принадлежать, ее любить, слиться с ней» [7. С. 183—184]. Очевидны параллели с блоковским пониманием революции как стихии, к которой неприменима нравственная система координат. Подобные представления в каком-то смысле противостоят идее, высказанной героем «Авиатора», — о том, что революция — это явление, несущее прежде всего моральный смысл, и при этом глубоко негативный.

Каковы были предпосылки революции, с точки зрения Варламова? Если в «Авиаторе» главный герой утверждает, что предпосылка революции — накопившееся в людях зло, то в «Мысленном волке» высказывается иное объяснение. Революция в России — это результат длительного процесса накопления энергии: «В России веками копилось горючее вещество, и сегодня процесс этого накопления закончился, потому что подошел к пределу и достиг критической массы» [7. С. 184]. Эта энергия, как размышляет герой романа накануне революции, вот-вот выплеснется, произойдет «чудовищной силы взрыв», который приведет либо к грандиозному преображению, либо к катастрофе, к страшным и пагубным последствиям. Все зависит от того, как распорядиться высвободившейся энергией, — направить ее во благо или во зло. По Варламову, исторические судьбы нашей страны сложились так, что энергетический потенциал революции оказался направлен во зло. Революция привела к катастрофе, к трагедии, поскольку ее энергией воспользовались люди, настроенные антипатриотично, те, кто действовал

не в интересах страны. Не революция сама по себе была злом, утверждает Варламов, но те, кто стал ею управлять, распорядились ее потенциалом в корыстных целях.

И в «Мысленном волке», и в «Авиаторе» изображены те, кто идет в революцию, кто стремится служить революционному делу. Но и Варламов, и Водолазкин ставят своей целью показать не вершителей судеб страны, не политиков и исторических деятелей, а сугубо частных людей. Водолазкин в своем романе выводит образ коммуниста: это кузен главного героя, Сева, человек крайне боязливый и слабый. После революции он стал сотрудником ЧК, служил на Соловках. Однажды в новой партии заключенных, прибывших на остров, оказался его двоюродный брат, Иннокентий Платонов. Оба узнали друг друга. Иннокентий решил, что ему повезло, и Сева по возможности облегчит его лагерную жизнь. Но Сева принял совсем другое решение: он сразу же ужесточил условия содержания брата в лагере, чтобы ни в коем случае не пала тень подозрения на него самого как на родственника осужденного. Облик Севы наводит читателя на мысль о том, что коммунистическая идеология (как и любая другая, связанная с представлением о «массе» как главной силе) порой оказывается притягательной для неуверенных, лишенных внутреннего стержня натур, поскольку позволяет им объединиться, почувствовать себя не одиночками, а частью целого.

У Варламова читатель встречает деятелей революции совсем иного плана. В «Мысленном волке» представлено несколько типажей революционеров: есть романтики, которые верят в грядущие перемены, считают их исторически необходимыми и неизбежными, — именно таким, например, был Комиссаров (до того, как революционные перемены осуществились). Накануне революции он всячески поддерживает большевиков, веря в грядущее грандиозное обновление бытия, он «жертвует деньги настоящим революционерам — коренное преобразование вещества, по логике еще платоновских персонажей, должно касаться всех сфер жизни: и природно-биологической, и социальной» [8. С. 47—48].

Представлен и совсем иной тип революционера — хищный, тот, кто использует революционные настроения масс в корыстных целях, стремясь взять власть в свои руки и обогатиться. Такого большевика Варламов вывел в образе Дяди Тома — сильной и в полной мере беспринципной личности. Он глубоко отличен от того типажа революционного деятеля, который изображен Водолазкиным, — слабого, нуждающегося в поддержке, тяготеющего к стадности и потому воодушевленного коммунистической идеей.

Наконец, принципиально различным оказывается у Варламова и Водолазкина отношение к историческому событию как таковому — будь то революция, война или какое бы то ни было иное историческое потрясение. Варламов оказывается ближе к традиционному, классическому восприятию исторических происшествий: они определяют жизнь страны в целом и каждого человека в частности. Судьбы персонажей Варламова тесно связаны с ходом истории. Первая мировая война, революция накладывают сильнейший отпечаток на жизненные траектории героев романа. Человек оказывается вовлечен в историю, она вторгается в частную жизнь и меняет ее, искажает или перенаправляет в иное русло. Так, перипе-

тии судьбы Комиссарова — это в значительной степени отпечаток исторических потрясений начала века. Как отмечает В.А. Мескин, в романе «динамичные линии судеб даны в тесном переплетении с линией судьбы государства» [9. С. 55].

Варламов показывает, что именно «большие» события, исторические перемены оказываются первостепенно значимыми, в том числе и для частной жизни людей. Так, в романе описываются первые дни войны 1914—1918 гг.: люди воодушевлены идеей справедливого отпора врагу, все частное, личное уходит, человеком руководят мысли о стране, о родине. «Война обнаружила подлинный масштаб вещей, личное скукожилось, съежилось и попряталось по тайникам души и тела, а все общественное стало большим и важным. Слова «Отечество», «Россия», «Царь-град»... вдруг зазвучали во всю мощь... стыдным стало думать о чем-то другом, как не о победе в святой войне, и все прежние невзгоды и личные разочарования оказались ничтожными» [7. С. 250—251]. Варламов описывает, как на судьбе Ульяны отразилось начало войны: «...Никогда она не жила такой полной жизнью, никогда не ощущала такую причастность к общему делу, никогда не переживала за далеких, неведомых ей русских людей, никогда так не предвкушала будущего и того ликования, с каким будут встречать победителей на улицах Петрограда» [7. С. 254]. С настроением Ульяны вполне резонируют рассуждения ее отца, Василия Христофоровича Комиссарова: «Сегодня есть только один талант — верность государю» [7. С. 317].

Герой романа Водолазкина воспринимает историю совершенно иначе. Иннокентий Платонов признается, что мыслит «неисторически». События «большой» истории в его понимании — это всего лишь «фон» для раскрытия внутреннего потенциала личности. На первом плане для него оказывается не история страны, не общественные потрясения, а судьба отдельного человека. Водолазкин и сам признавался в одном из интервью, что «...главное для меня — не социальное, а персональное измерение», «история — это площадка, на которой мы реализуем себя» [6]. «Для одних событие — Ватерлоо, — размышляет герой Водолазкина, — а для других — вечерняя беседа на кухне. В конце, предположим, апреля тихая такая беседа — под абажуром с тусклой мигающей лампочкой» [4. С. 380]. «Ведь это только на первый взгляд кажется, что Ватерлоо и умиротворенная беседа несравнимы, потому что Ватерлоо — это мировая история, а беседа вроде как нет. Но беседа — это событие личной истории, для которой мировая — всего лишь небольшая часть, прелюдия, что ли. Понятно, что при таких обстоятельствах Ватерлоо забудется, в то время как хорошая беседа — никогда» [4. С. 381].

По мысли Водолазкина, даже глобальные исторические происшествия современники зачастую воспринимают лишь в сугубо субъективном ракурсе, в личностных впечатлениях и ощущениях и только потом, спустя годы, человек осознает политический, социальный масштаб произошедшего. Когда главного героя «Авиатора» приглашают на телепередачу и задают ему вопрос о том, каким ему запомнился день Октябрьского переворота, Платонов отвечает: «Знаете, он мне даже не запомнился. Уже потом, поняв, что это за день такой, я его в памяти восстановил. Шел, если я ничего не путаю, дождь со снегом. Точнее, сначала был дождь, который перешел в мокрый снег. Я вышел куда-то, забыв дома шарф, и

снежинки таяли у меня на шее, я чувствовал их таяние горячей кожей. Ветер был, ранняя темень...» [4. С. 141].

Таким образом, Варламов и Водолазкин принципиально различным образом осмысливают категорию исторического события как такового, кардинально несходными оказываются их представления о взаимодействии личности и истории. В восприятии революционных перемен героями «Мысленного волка» и «Авиатора» также ставятся различные акценты. Вместе с тем и Варламов, и Водолазкин, на наш взгляд, мыслят в русле неомодернизма [10], поскольку стремятся увидеть за конкретно-историческим планом план универсальный и, анализируя революционные события 1917 г., ставят своей целью осмысление неких ключевых закономерностей национальной истории (Варламов), а также принципов взаимоотношения личности и истории вообще (Водолазкин). По Варламову, ход развития национальной истории оказался во многом связан с постепенным «накоплением энергии» и ее последующим «высвобождением»; по Водолазкину, «большая» история формируется как совокупность частных судеб, ничуть не менее значимых, чем крупные, масштабные события, затрагивающие жизнь целых народов.

Неомодернистский вектор реализуется в анализируемых произведениях и в значимости этической проблематики. У обоих авторов при размышлениях об истории на первом плане оказывается нравственная грань, столь важная для неомодернистского художественного сознания. Варламов, намеренно исключая революционный акт как таковой из нравственной системы координат, размышляет о последствиях революции именно с моральной точки зрения. Для героя Водолазкина рассуждения о революции немислимы вне этических оценок, поскольку он воспринимает и интерпретирует революцию прежде всего как проявление зла. Стремление осмыслить историю в этическом ракурсе — характерная особенность неомодернистского художественного мышления, в полной мере воплощаемая в романах «Мысленный волк» и «Авиатор».

© Кротова Д.В., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- [1] Коваленко А.Г. Очерки художественной конфликтологии: антиномизм и бинарный архетип в русской литературе XX века. М.: РУДН, 2010. 491 с.
- [2] Интервью с «русским Умберто Эко» Евгением Водолазкиным. URL: <http://100000-knig.ru/news/intervyu-s-russkim-umberto-eko-evgeniem-vodolazkinym/> (дата обращения: 01.10.2018).
- [3] Водолазкин Е. «Авиатор» — очень петербургский роман. URL: <http://turpiter.ru/evgenii-vodolazkin-aviator-ochen-peterburgskii-roman/> (дата обращения: 01.10.2018).
- [4] Водолазкин Е. Авиатор. М.: АСТ, 2017. 410 с.
- [5] Блок А. Интеллигенция и революция // Блок А. О назначении поэта. М.: Сов. Россия, 1971. С. 6—23.
- [6] Писатель Евгений Водолазкин об уроках 1917 г. и о переезде утопии из России на Запад. URL: https://www.dp.ru/a/2017/01/19/Oni_nachinajut_rastit_v_se (дата обращения: 01.10.2018).
- [7] Варламов А. Мысленный волк. М.: АСТ, 2015. 508 с.

- [8] *Солдаткина Я.В.* Творческое наследие А.П. Платонова и семантико-эстетические поиски в современной русской прозе (А.Н. Варламов «Мысленный волк», А.В. Иванов «Ненастье») // *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика.* 2016. № 1. С. 45—54.
- [9] *Мескин В.А.* «Мысленный волк» Алексея Варламова как опыт символистского романа // *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика.* 2017. № 1. С. 55—65.
- [10] *Кротова Д.В.* Современная русская литература. Постмодернизм и неомодернизм. М.: МАКС Пресс, 2018. 224 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 октября 2018

Дата принятия к печати: 12 октября 2018

Для цитирования:

Кротова Д.В. Размышления о революции в творчестве А. Варламова и Е. Водолазкина («Мысленный волк» и «Авиатор») // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика.* 2018. Т. 23. № 4. С. 393—401. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-393-401

Сведения об авторе:

Кротова Дарья Владимировна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. *Контактная информация:* e-mail: da-kro@yandex.ru

Reflections about revolution in A. Varlamov and E. Vodolazkin's creativity ("Mental wolf" and "Aviator")

D.V. Krotova

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

The article is devoted to the comparative analysis of the ideas of revolution expressed in novels "Mental Wolf" by A. Varlamov (2014) and "Aviator" by E. Vodolazkin (2017). Essentially various is an approach of two writers to interpretation of revolution: Varlamov expresses his own understanding in "Mental Wolf", Vodolazkin in "Aviator" aims to express only possible vision of revolution by one of contemporaries of those far events. At the same time, both the similarity and cardinal divergences in interpretation of a subject of revolution in the called novels are detected. The community is that both authors' perception of revolution is tragic: it is interpreted as a change which has caused deeply destructive consequences. In assessment of the essence of revolution for the hero of "Aviator" defining there is a moral vector while in "Mental Wolf", on the contrary, idea of revolution is closely linked to the non-moral, spontaneous aspect. In the analysis of the novel "Mental Wolf" both parallels and basic divergences with the concepts of revolution created in literature of the first decades of the 20th century are revealed (A. Blok, B. Pilnyak, etc.). In article it is proved, that both A. Varlamov and E. Vodolazkin,

reflecting on events of 1917, set as the purpose the judgment of certain key regularities of national history (“Mental Wolf”) and also the principles of relationship between the personality and history in general (“Aviator”). Analyzing a problem and thematic complex and art specifics of the called novels, the author of article proves a statement about a neomodernist vector of thinking of both writers.

Keywords: modern literature, Russian literature, revolution, A. Varlamov, E. Vodolazkin, “Mental wolf”, “Aviator”

References

- [1] Kovalenko A.G. Ocherki hudozhestvennoj konfliktologii: antinomizm i binarnyj arhetip v russkoj literature XX veka [Sketches of art conflictology: antinomy and binary archetype in Russian literature of the 20th century]. Moscow: RUDN, 2010. 491 p.
- [2] Interv’ju s “russkim Umberto Eco” Evgeniem Vodolazkinym [Interview with “Russian Umberto Eco” Evgeniy Vodolazkin]. Available at: <http://100000-knig.ru/news/intervyu-s-russkim-umberto-eko-evgeniem-vodolazkinym/> (accessed: 01.10.2018).
- [3] Vodolazkin E. «Aviator» — ochen’ peterburgskiy roman [“Aviator” — very Saint Petersburg novel]. Available at: <http://turpiter.ru/evgenii-vodolazkin-aviator-ochen-peterburgskii-roman/> (accessed: 01.10.2018).
- [4] Vodolazkin E. Aviator. Moscow: AST, 2017. 410 p.
- [5] Blok A. Intelligentsiya i revolyutsiya [Intelligentsia and Revolution]. In: Blok A. O naznachanii poeta [About the mission of a poet]. Moscow: Sov. Rossiya, 1971. Pp. 6–23.
- [6] Pisatel’ Evgeniy Vodolazkin ob urokah 1917 goda i o perezde utopii iz Rossii na Zapad [The writer Evgeniy Vodolazkin about the lessons of 1917 and about the move of utopia from Russia to West]. Available at: https://www.dp.ru/a/2017/01/19/Oni_nachinajut_rastit_v_se (accessed: 01.10.2018).
- [7] Varlamov A. Myslennyi volk [Mental wolf]. Moscow: AST, 2015. 508 p.
- [8] Soldatkina Ya.V. Tvorcheskoe nasledie A.P. Platonova i semantiko-esteticheskie poiski v sovremennoy russkoj proze (A.N. Varlamov “Myslennyi volk”, A.V. Ivanov “Nenast’je”) [The artistic heritage of A.P. Platonov and semantic and aesthetic searches in contemporary Russian prose (A.N. Varlamov “Mental Wolf”, A.V. Ivanov “Foul weather”)]. Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2016. No. 1. Pp. 45–54.
- [9] Meskin V.A. “Myslennyi volk” Alekseya Varlamova kak opyt simvolistskogo romana [Aleksey Varlamov’s “Mental Wolf” as an experience of symbolist novel]. RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. 2017. No. 1. Pp. 55–65.
- [10] Krotova D.V. Sovremennaya russkaya literature. Postmodernizm i neomodernizm [Modern Russian literature. Postmodernism and neomodernism]. Moscow: MAKS Press, 2018. 224 p.

For citation:

Krotova D.V. (2018). Reflections about revolution in A. Varlamov and E. Vodolazkin’s creativity (“Mental wolf” and “Aviator”). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23(4), 393–401. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-393-401

Article history:

Received: 2 October 2018

Revised: 10 October 2018

Accepted: 12 October 2018

Bio Note:

Krotova Darya Viktorovna, PhD, Moscow Lomonosov State University, Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process. *Contacts:* e-mail: da-kro@yandex.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-402-409

УДК 821.16.1

Функции антропонимов в поэтике романов Дины Рубиной «Белая голубка Кордовы» и «Синдром Петрушки»

Л.Г. Кихней, А.Г. Сильчева

Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова
Российская Федерация, 111024, Москва, ш. Энтузиастов, 21

В статье рассматривается функция антропонима «Сильва» в двух романах Дины Рубиной: «Белая голубка Кордовы» (2009 г.) и «Синдром Петрушки» (2010 г.). Имя «Сильва» повторяется в текстах этих произведений, его носят два персонажа — в первом романе женщина, во втором мужчина, и функции двух персонажей схожи. Анализ сюжета и деталей описания героев позволил установить сходство функций: Сильвы выполняют роль помощников, которые дают возможность главным героям «прийти к себе», «выявить истинного себя», «найти себя». Романы «Белая голубка Кордовы» и «Синдром Петрушки» входят в трилогию «Люди воздуха», общей темой которой является описание жизни людей, наделенных необыкновенными способностями. Персонажи, носящие имя «Сильва», способствуют своего рода компенсации этой способности: их появление в жизни героев позволяет последним получить шанс на обретение иной, «нормальной» жизни.

Образы Сильвы вводят в тексты романов мотивы «чужого имени», «чужого ребенка» и в целом взаимоотношений ребенка с отцом. Несмотря на эпизодическое появление Сильв в тексте, оба героя концентрируют в себе мотивы, связанные с судьбой самого главного героя, трагическим или счастливым финалом романа. Имя «Сильва» связывает тексты романов Д. Рубиной с опереттой «Сильва», сюжетные линии которой также обыгрываются в судьбах героев «Белой голубки Кордовы» и «Синдрома Петрушки».

Ключевые слова: роман, мотив, реализм, Дина Рубина, антропоним, постмодернизм, ин-тертекстуальные связи

Романы Дины Рубиной «Белая голубка Кордовы» (2009 г.) и «Синдром Петрушки» (2010 г.) наряду с романом «Почерк Леонардо» (2008 г.) входят в трилогию «Люди воздуха». Связующим мотивом трех произведений является фигура протагониста — неординарного человека, наделенного сверхъестественными, уникальными способностями. У второго и третьего романа трилогии есть еще одна общая черта: в обоих произведениях присутствует эпизодический персонаж, носящий имя «Сильва», причем в «Белой голубке Кордовы» это имя берет себе сумасшедшая женщина, чье настоящее имя так и остается неизвестным, а в «Синдроме Петрушки» так зовут мужчину, который, в отличие от героини «Белой голубки Кордовы», носит имя «Сильва» официально.

Сильва из «Белой голубки Кордовы» — своего рода маркер винницкого детства Захара, его ярчайшее воспоминание: «Да, Сильва... Открытие нового моста, ве-

сеннее половодье, свинья, плывущая на льдине, грязный и мокрый свет... Все-таки странно, что от детства и отрочества самой яркой открыткой осталась именно эта фигура. Мама рассказывала, что Сильва — бывшая примадонна заезжей оперетты, которой изменил ее любовник, какой-то таинственный полковник (царской армии? незначительное смещение во времени). Изменил, потом застрелился. После чего Сильва спятила и на веки вечные осталась в небольшом городе Винница. В любую погоду ходила закутанной в дюжину рваных крестьянских платков, стоя мочилась на улицах, а все свои не очень длинные монологи начинала с неизменного: «Цар вкрал у Пушкина жыну» [4. С. 16].

С музыкальным театром связан и Сильва-мужчина из «Синдрома Петрушки»: при первом появлении он описан как «оперной красоты мужик», да и сама история его странного имени также напоминает сюжет оперы: «Сильва Жузеппович Морелли (именно так) был сыном черноглазой вертихвостки из итальянской дипломатии, эвакуированной в Куйбышев в годы Великой Отечественной войны» [5. С. 20]. Брошенный матерью мальчик-итальянец вырос в России, никогда не имел никакой связи со своими итальянскими родителями и сохранил только необыкновенное имя.

Первая особенность, роднящая двух персонажей-Сильв: оба они носят не свое имя (несмотря на диковинное имя Сильвы-мужчины в паспорте). У Сильвы-примадонны имя, скорее всего, является сценическим псевдонимом, взятым в честь одноименной оперетты. Сильва-мужчина — чистокровный итальянец по происхождению, из краткого описания его истории следует, что и мать, и отец (отчество Жузеппович) были итальянцами. Однако в итальянском языке отсутствует мужское имя Сильва, но если бы оно было, то, скорее всего, оканчивалось на -о (как Марио, Стефано, Антонио и пр.). Мальчика могли назвать Сильвио либо Сильвано, однако, видимо, дальнейшие обстоятельства его непростой жизни — сиротство, детский дом, послевоенное детство — привели к неверной записи в документах по созвучию с названием популярной оперетты (собственно, и отчество «Жузеппович» теоретически должно звучать хотя бы как «Джузеппович»). Любопытно, что превращение мужского имени в женское (героиня оперетты «Сильва» — женщина, и, таким образом, получается, что мальчик, названный по ошибке женским именем, всю жизнь с ним живет) накладывает отпечаток и на личную жизнь Сильвы — при своей эффектной мужественной внешности он имеет какие-то «эндокринологические проблемы», которые в романе не раскрываются подробно.

«Не свое имя» — значимый момент истории самой оперетты «Сильва», которая носит название «Королева чардаша», однако в России традиционно ставится под названием «Сильва». Первая постановка этой оперетты состоялась, когда Российская империя пребывала в состоянии войны с Австро-Венгрией, и всякое упоминание о противнике — в том числе о венгерском танце «чардаш» — старались нивелировать. В дальнейшем название «Сильва» прижилось, но под таким названием эту оперетту ставят только в России. Таким образом, Дина Рубина использует отсылку к прецедентному тексту, истории этого текста, характерную для поэтики постмодернизма [2]. С Сильвами в романы Рубиной входит тема

«чужого имени», достаточно подробно раскрытая в «Белой голубке Кордовы»: Захар Кордовин, занимающийся подделками картин, подписывает свои произведения чужими именами, и последний его шедевр, псевдо-Эль Греко, переделанный из картины неизвестного испанского художника, он как бы отбирает у своего тезки Закариаса Кордоверы, а в ответ «дарит» ему портрет Пилар. Практически все, созданное Кордовиным, подписано не его именами, а единственный его авторский цикл рисунков, созданный еще в студенческие годы, был безжалостно раскритикован приемной комиссией. Рисунки воспроизводили сценки винницкого детства Захара — и неизменную Сильву, изображение которой было подписано понятным Захару, однако абсолютно непонятным остальным названием «Цар! Вкрал! У Пушкина! Жану!».

Этот цикл рисунков высоко оценил бес-искуситель Захара Кордовина, коллежционер Босота, прекрасно понимавший масштаб таланта юного художника. Сильва, таким образом, сыграла важную роль в судьбе юноши: хотя он практически не общался с ней, ее образ сопровождает «настоящего» Захара — мальчика, еще не ставшего гениальным фальсификатором, и Захара-художника, создателя авторских картин.

Сильва из «Белой голубки Кордовы» — сумасшедшая, чей псевдоним превратился в ее имя (а настоящее имя героини романа так и не знают), полностью опустившаяся и в итоге умирающая от любви на могиле якобы изменившего ей любовника. В ее судьбе отражаются значимые моменты судьбы самого Захара Кордовина: он также подписывает свои творения «чужими именами» — именами других, известных и значимых художников, и он также гибнет из-за очень давней истории, связанной опять-таки с картиной, подписанной чужим именем.

Сильва из «Синдрома Петрушки» тоже появляется в тексте эпизодически, однако играет важную роль в избавлении семьи Петра и Лизы от родового проклятия — рождения мальчиков с синдромом Ангельмана, «синдромом Петрушки». Именно Сильва после поминок по Людвиге, тете Лизы, рассказывает Петру о Корчмаре — «беременном идоле». Этот идол — кукла с открывающимся животом и небольшой куколкой с рыжими волосами внутри — является семейной реликвией Лизы, которая считалась потерянной. Женщины из семьи Лизы верят, что Корчмарь помогает забеременеть девочкой, не подверженной генетической аномалии, и сестра Людвика крадет Корчмаря, который, однако, не приносит ей счастья. Людвиге удастся родить здоровую дочь, но та гибнет в юном возрасте. Корчмарь много лет валяется в сарае, пока Сильва не отдает его Петру, и впоследствии появление Корчмаря в семье помогает Лизе забеременеть. Сильва Жуппович оказывается в данном случае своего рода концентрацией противоположностей, антиподом главных героев — подчеркивается его крупность, избыточность по сравнению с миниатюрностью Лизы. Герой Сильва из «Синдрома Петрушки» в целом менее загадочен и трагичен, чем сумасшедшая примадонна: хотя он и лишен плотских радостей любви, это не мешает ему с упоением пить и есть, и при описании его внешности неизменно подчеркивается избыточная витальность: массивный торс легионера, римский профиль, копна волос и пр. Сильва громок, ярк, внушителен, общение с ним утомляет. При этом пунктирно упо-

минается о его важной роли помощника: он практически полностью брал на себя заботу о Людвике, полностью занялся хлопотами по продаже квартиры после ее смерти.

Тема «чужого имени» в данном случае решается иначе: если в случае Сильвы-женщины речь идет, скорее всего, о псевдониме (что находит отражение в работе Захара Кордовина под многочисленными псевдонимами), то в случае Сильвы-мужчины, вероятно, произошло лишь небольшое искажение имени, смена огласовки. Это также находит отражение в мотивах романа «Синдром Петрушки»: различная огласовка имен героинь — Лиза, ее двойник кукла Эллис, другой разделенный с ней по времени двойник — Элиза, укравшая Корчмаря и пр. Антропоним тем самым представляет своего рода «свернутую» формулу судьбы героя — причем не только его носителя, но и тех героев, для которых Сильва выполняет функцию помощника.

Оба Сильвы в обоих произведениях помогают героям вернуться «к себе». Носящие не свое имя и даже не знающие об этом, несчастные люди — оба они брошены (Сильва Жузеппович родителями, Сильва-примадонна полковником), не имеют нормальной семьи и устоявшегося быта, однако участвуют в судьбе главных героев и как бы играют роль проводников, выводящих их на верную дорогу. Захар Кордовин, впрочем, все равно в итоге сбивается с этого пути, перестав создавать картины, подписанные его собственным именем. Лиза же, напротив, достаточно упорна в своем желании построить нормальную семью, и ее беременность дочерью, о которой сообщается в конце романа, — это своего рода обещание нормальной, обычной жизни, существования семьи, в которой есть мать, отец и ребенок.

Значимость героев с именем Сильва помогает понять и обращение к самому сюжету одноименной оперетты. Певица Сильва помогает узнать аристократу Эдвину, что он и сам — сын певицы из варьете, давая ему тем самым возможность обрести мир в семье и истинную любовь: оперетта заканчивается счастливым объединением двух влюбленных и признанием семьи. Сильва из «Синдрома Петрушки» также косвенно способствует расследованию истории семьи и выяснению новых обстоятельств: находка Корчмаря вынуждает Петра обратиться к профессору, хозяину большой коллекции кукол, от которого он и узнает легенду о происхождении «беременного идола».

Сильва-женщина из «Белой голубки Кордовы» не отличается красноречием: в романе неоднократно цитируется только одна ее фраза — «Цар вкрал у Пушкина жynu» и упоминается, что при попытках расспросить, какую жену, она отвечает «Наталку Гончарову», — то есть, речь идет о реальной жене Пушкина. Мысль, высказанная Сильвой, может быть отсылкой к реальной ситуации: после смерти Пушкина царь Николай I взял вдову на свое обеспечение [6]. Впрочем, скорее всего Сильва имеет в виду другое: слух о любовной связи Николая I и Натальи Николаевны Пушкиной [1]. О Сильве из «Белой голубки Кордовы» известно немного, однако можно предположить, что она интересуется вопросами любви и измены в силу особенностей своей биографии. В расследовании истории Натальи Гончаровой и царя Николая I Александром Зинуховым высказано предположе-

ние, что младшая дочь Пушкина, Наталья, была дочерью императора. Мотив воспитания не своего ребенка, к которому отсылает любимая фраза Сильвы, находит отражение и в биографии самого Захара (его воспитывает дядя, затем тетя, и в дальнейшем взрослому Захару так и не суждено воспитывать своих сыновей). Это вводит в романы Дины Рубиной обширную тему потери детей, широко представленную в литературных и мифологических архетипических сюжетах [3].

Таким образом, можно сказать, что оба персонажа-Сильвы из двух романов Дины Рубиной имеют ряд общих черт: это персонажи-проводники, появляющиеся эпизодически, однако играющие важную роль в жизни главного героя. В обоих случаях Сильва становится предвестником «настоящего» в противоположность «фальшивому, игрушечному» — Сильва появляется на картинах Кордовина, которые он делал от своего имени, и Сильва же способствует появлению у Петра и Лизы настоящего младенца — живого человечка в окружающем их мире кукол.

Поскольку хронологически «Белая голубка Кордовы» создана раньше, чем «Синдром Петрушки», следует предположить, что Сильва-мужчина создан автором уже «по следам» Сильвы-женщины, и во втором романе отчетливее проявляется его функция проводника, помогающего героям обрести то, чего лишен он сам. Функция помощи, как в сказке, осуществляется через некий артефакт — Корчмаря.

Главные герои «Людей воздуха» — наделенные неординарными способностями люди, которым «тесно» в обычных рамках, трудно ужиться с ограниченными, обыкновенными друзьями и знакомыми. Одаренная Анна трагически погибает, совершая своего рода самоубийство, — ее проезд по мосту над заливом был добровольным. Абсолютное исчезновение тела, вещей, мотоцикла намекает на мистическую развязку, переход в некую «зеркальную» вселенную, однако с точки зрения персонажей романа Анна погибла. Герой следующего романа, Захар Кордовин, растрчивает свой дар художника на создание гениальных подделок, вовлекая в преступные дела своих друзей, но ему удастся эпизодически, проблесками обрести свою живую манеру, свой голос — и роль Сильвы в этом немаловажна (как и в осуждении его юношеских картин комиссией — особое неприятие вызывает название «Цар! Вкрал! У Пушкина! Жану!», которое комиссия не понимает и не принимает). В итоге Захар так и погибает гениальным копиистом, не сумевшим (или не захотевшим) реализоваться как гениальный художник. Петр из «Синдрома Петрушки» занят любимым делом, он увлекается кукольным театром и с детства занят куклами, его трагедия в другом: ему трудно выстроить отношения с женой и зачать с ней здорового ребенка [7]. Сильва из «Синдрома Петрушки» с легкостью решает обе проблемы, вернув Лизе ее фамильную куклу «с секретом».

Интересен выбор имени для помощника — Сильва. Имя это, прежде всего, ассоциируется с «Королевой чардаша», опереттой со счастливым финалом: ее либретто даже носит название «Да здравствует любовь!». Следует отметить важный мотив, который позволяет говорить об отсылке к «Сильве» именно как об обещании счастья и взаимной любви. В «Сильве» важную роль играет отец: именно князь Волапук препятствует взаимной любви Эдвины и Сильвы и затем в конце

смягчается и благословляет их брак. В «Белой голубке Кордовы» главный герой не имеет отца: мать скрывает от родственников, от кого именно она забеременела. В «Синдроме Петрушки» и Петр, и Лиза испытывают зловещее влияние отцов: отца Лизы называют «людоедом», его действия провоцируют самоубийство матери Лизы, бегство сестры, а затем и бегство самой Лизы. Отец Петра — насмешник, калека, гибнущий в драке и аттестуемый учителем Петра как потусторонняя фигура.

Образы двух тезок-Сильв, таким образом, позволяют выявить комплекс важных мотивов в текстах романов Дины Рубиной: мотивы «чужого имени», «чужого ребенка», взаимоотношений отцов и детей и включения текстов произведения в более широкий культурный контекст — обращение к оперетте, биографии Пушкина и другим источникам.

© Кихней Л.Г., Сильчева А.Г., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- [1] *Зинухов А.И.* Медовый месяц императора. URL: <https://www.sovsekretno.ru/articles/id/857/> (дата обращения: 10.10.2018).
- [2] *Коваленко А.Г.* Литература и постмодернизм: учебное пособие. М.: Изд-во РУДН, 2004.
- [3] *Кононова Н.О., Темиршина О.Р.* «Отчаянные романтики»: эволюция мифа об Аиде и Персефоне от греков к праерафаэлитам и А. Белому // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. № 3. С. 255—267.
- [4] *Рубина Д.* Белая голубка Кордовы. М.: Изд-во «Э», 2008. 624 с.
- [5] *Рубина Д.* Синдром Петрушки. М.: Изд-во «Э», 2017. 512 с.
- [6] *Руденко И.В.* Пушкин и Романовы. URL: <https://www.samara.kp.ru/daily/26088.4/2989291/> (дата обращения: 10.10.2018).
- [7] *Шафранская Э.Ф.* Синдром голубки: мифопоэтика прозы Дины Рубиной. СПб., 2012. 400 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 1 августа 2018

Дата принятия к печати: 10 августа 2018

Для цитирования:

Кихней Л.Г., Сильчева А.Г. Функции антропонимов в поэтике романов Дины Рубиной «Белая голубка Кордовы» и «Синдром Петрушки» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 4. С. 402—409. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-402-409

Сведения об авторах:

Кихней Любовь Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор, Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова. Контактная информация: e-mail: lgkikhney@yandex.ru

Сильчева Алина Георгиевна, аспирант факультета журналистики, Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова. Контактная информация: e-mail: alinka-krasulka@mail.ru

Functions of the anthroponyms in the novels by Dina Rubina “Belaya golubka Kordovy” (The white dove of Cordoba) and “Sindrom Petrushki” (The Punch Syndrome)

L.G. Kikhney, A.G. Silcheva

Institute of International Law and Economy of A.S. Griboedov
21 Shosse Entuziastov, Moscow, 111024, Russian Federation

The article is devoted to the anthroponym function of the name “Silva” in two novels by Dina Rubina: “Belaya golubka Kordovy” (“The white dove of Cordoba”, 2009) and “Sindrom Petrushki” (“The Punch Syndrome”, 2010). The name “Silva” is repeated in the texts of these works and there are two characters which have it — in the first novel it’s a woman, in the second one it’s a man and the functions of these two characters are similar. The plot analysis and the character details comparison allows us to see the function homology: Silvas help to the main characters to “come to themselves”, “see themselves as are” and to “find themselves”. The novels “Belaya golubka Kordovy” (“The white dove of Cordoba”) and “Sindrom Petrushki” (“The Punch Syndrome”) are the parts of the trilogy “Lyudi vozdukha” (“Air people”), the main theme of which is the description of the people who have unusual characteristics. The “Silvas” characters help to the main character to compensate this “unusuality” and to have a chance for a “normal” life.

The images of Silvas take to the text the motives of “alien name”, “alien child” and the theme of father-child relationship. Besides the episode function of the “Silvas” both characters concentrate in themselves the motives which are communicated with the fate of the main hero, tragic or happy final of the novel. The name “Silva” also has an intertextual communication with the “Silva” (“Chardash Queen”) operetta, the plot of which is also used in the novels “Belaya golubka Kordovy” (“The white dove of Cordoba”) and “Sindrom Petrushki” (“The Punch Syndrome”) by Dina Rubina.

Keywords: novel, motive, realism, Dina Rubina, anthroponym, postmodernism, intertext

References

- [1] Zinukhov A.I. *Medovyy mesyats imperatora* [The honeymoon of the emperor]. <https://www.sovsekretno.ru/articles/id/857/> (date of address: 10.10.2018).
- [2] Kovalenko A.G. *Literatura i postmodernism. Uchebnoe posobie* [The literature and postmodernism. The manual for the students]. Moscow: RUDN Publ., 2004.
- [3] Kononova N.O., Temirshina O.R. “Otchayannye romantiki”: evolutsiya mifa ob Aide i Persefone ot grekov k prerafaelitam i A. Belomu [“The desperate romantics”: the evolution of the myth of Aid and Persephone from the Greeks to the pre-Raphaelites and Andrey Belyi]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2018. No. 3. Pp. 255—267.
- [4] Rubina D. *Belaya golubka Kordovy* [The white dove of Cordoba]. Moscow: Izdatelstvo “E”, 2008. 624 p.
- [5] Rubina D. *Sindrom Petrushki* [The Punch Syndrome]. Moscow: Izdatelstvo “E”, 2017. 512 p.
- [6] Rudenko I.V. *Pushkin i Romaniovy* [Pushkin and Romanovs]. <https://www.samara.kp.ru/daily/26088.4/2989291/> (date of address: 10.10.2018).
- [7] Shafranskaya E.F. *Sindrom golubki: mifopoetika prozy Diny Rubinoi* [The dove syndrome: the mythopoetics of the prose by Dina Rubina]. Saint Petersburg, 2012. 400 p.

Article history:

Received: 1 August 2018

Revised: 5 August 2018

Accepted: 10 August 2018

For citation:

Kikhney L.G., Silcheva A.G. (2018). Functions of the anthroponyms in the novels by Dina Rubina “Belaya golubka Kordovy” (“The white dove of Cordoba”) and “Sindrom Petrushki” (“The Punch Syndrome”). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23(4), 402–409. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-402-409

Bio Note:

Kikhney Lyubov' Gennadyevna, Doctor of Philology, Professor, Institute of International Law and Economy of A.S. Griboedov. *Contacts*: e-mail: lgkikhney@yandex.ru

Silcheva Alina Georgievna, PhD student, Institute of International Law and Economy of A.S. Griboedov. *Contacts*: e-mail: alinka-krasulka@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-410-421

УДК 316.77:001.8:070:001.8

Виртуальная реальность и медиареальность: тенденции и прогнозы эволюции медиасистемы

С.Л. Уразова¹, Е.С. Кильпелайнен²

¹ Академия медиаиндустрии

Российская Федерация, 127521, Москва, ул. Октябрьская, д. 105, корп. 2

² Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Интерес авторов фокусируется на процессе апробирования виртуальной реальности и ее разновидностей в сфере массмедиа. На фонединамичного внедрения и обновления цифровых технологий, прогрессирующих в рамках техногенной революции, медиаотрасль не случайно предстает своеобразным полигоном по апробированию инновационных проектов, обеспечивающих динамику цивилизационного развития в условиях цифровой экономики. В настоящее время среди наиболее перспективных направлений — использование искусственного интеллекта, виртуальной реальности и дополненной реальности. Именно виртуальная реальность как новый коммуникативный формат фундаментально преобразует медиасистему, радикально меняет подходы к производству и потреблению медиапродукта, рождает противоречивые ситуации — следовательно, возникает необходимость в теоретическом осмыслении перемен, а они находятся в междисциплинарном проблемном поле.

Цель авторов обзорной статьи — представить данные новейших исследований, связанных с виртуальной реальностью, обозначить и актуализировать социальные аспекты данного феномена, инициировать обсуждение, необходимое для консолидации усилий специальностей гуманитарной сферы.

Ключевые слова: виртуальная реальность, медиареальность, креативность, экранность, социальные последствия

Введение. Факторы влияния

Роль первопроходца, отведенная медиаиндустрии, не случайна, она обусловлена особенностями развития информационного общества, где цифровые технологии — проводник, а информация — средство обретения новых знаний и моделирования процесса познания. При этом медиа стремятся к производству таких информационных продуктов, которые способны *вовлечь* медиапотребителя в процесс коммуникаций, сделать его активным соучастником событий. Это своего рода маркер перехода к новому этапу. Неизбежно растет потребность в визуальной и виртуальной коммуникации: экранные образы быстро усваиваются и запоминаются, экранность рождает тесное взаимодействие межличностных и массовых коммуникаций, адаптацию которых в социальном пространстве исторически обеспечили кинематограф и телевидение, а теперь развивает Интернет, модифи-

цируя все коммуникативные практики под сетевой формат. Важный аспект в связи с этим — потребность современной цивилизации в креативном мышлении. Креативность олицетворяет импульс духовно-интеллектуальной энергии социального актора, его стремление к познанию, совершенствованию собственного «Я», позволяет нетривиально мыслить, критически оценивать события и явления объективной реальности [1]. Интенсивное развитие компьютерных игр, начавшееся в последнее десятилетие XX в., обеспечило массовую потребность в совершенствовании алгоритма креативного мышления, стимулировало воображение, понимаемое как образно-информационное моделирование действительности на основе рекомбинации образов памяти [2. С. 49], инструментарием которого стало компьютерное обеспечение и аналоги медийных форм [3].

Многokратно возрастает медиапотребление как опосредованное субъект-объектное и субъект-субъектное взаимодействие, обеспечиваемое цифровыми технологиями, где основной площадкой взаимодействия разных социальных слоев, групп и субкультур выступает эволюционирующее мультимедийное и многоплатформенное медиaprостранство, а также социальные сети, предоставившие публичную площадку для выражения общественного мнения по разным вопросам бытия. «Ни дня без штриха, ни дня без строчки» (лат. *Nulla dies sine linea*) — так можно охарактеризовать коммуникативное взаимодействие социальных акторов в медиaprостранстве, все более трансформирующихся в акторов медийных, комментирующих блоги, интернет-сайты, опусы друзей и знакомых в социальных медиа.

Как отмечает российский философ Н. Маньковская, «превращение зрителя, читателя из наблюдателя в сотворца, влияющего на становление произведения и испытывающего при этом эффект обратной связи, формирует новый тип эстетического сознания» [4. С. 312]. Этот аспект характеризует стремление масс культивировать и развивать креативное мышление. И если учесть, что, по данным глобального исследования 2018 г., проведенного крупнейшей исследовательской компанией Великобритании We Are Social [5], при населении планеты в 7593 млрд чел. пользователи интернета составляют 4021 млрд (53 %), пользователи социальных медиа — 3196 млрд (42 %), а уникальные потребители мобильной связи — 5135 млрд (68 %), нетрудно представить масштабность развития массовых коммуникаций и феноменальную интенсивность обмена опытом в сфере цифровых технологий, а также социальную насыщенность процесса «инкорпорирования в структуры познавательного процесса» [6. С. 21], где даже простой обыватель, не обладающий научными формами знаний, способен продвинуться в понимании проблемной ситуации через коммуникацию и интерпретацию медиаобразов.

При переходе к анализу нового этапа медиакommunikаций с применением виртуальной реальности (Virtual Reality — VR) и дополненной реальности (Augmented Reality — AR) необходимо подчеркнуть: все виды опосредованного, преимущественно экранного, субъект-субъектного и субъект-объектного взаимодействия (социальные сети, интернет, мобильная связь, кинопросмотры, телезрeние, радио и т.д.) следует отнести к виртуальным коммуникациям, которые подготовили социум к апробированию VR/AR как оригинальному типу обмена информацией и опытом.

Постановка проблемы. Генезис понятий «медиареальность» и «виртуальная реальность»

Основным вопросом для медиаиндустрии является понимание роли этого социального института и способности современных массмедиа (традиционных и новых) выступить в качестве катализатора наметившейся социальной эволюции, вызванной цифровыми технологиями и масштабируемыми трансформационными процессами. Если в первом десятилетии XXI в. лидерство по эффективности восприятия социумом экранных образов и, соответственно, продуктивности экранных коммуникаций сохранялось за телевидением как ведущим СМИ, то теперь пальма первенства постепенно переходит к Интернету и мобильной связи. На исходе XX столетия актуализировался вопрос о понятии «медиареальность» (как формы отображения средствами медиа объективной действительности), его изучали философы, социологи, культурологи, филологи, это понятие получило научное обоснование [7].

Понятие «медиареальность» объединяет две емкие лексические единицы — «медиа» и «реальность», каждая из которых имеет многозначный смысл. Если «реальность» (философская категория) включает *все сущее* — наличествующее бытие, совокупность всего, что существует независимо от человеческого сознания, совокупность всего материального, то «медиа» неизменно содержит креативный акт, реализуемый создателем медиапродукта, включая его профессиональное мастерство, мировоззренческие представления о бытии. Таким образом, понятие «медиареальность» олицетворяет реальность, отображаемую медиа при интерпретации объективной действительности, которая предстает в медийном продукте в результате творческого (креативного) акта и использования технических средств для воспроизведения специфической медийной формы и распространяется в медиaprостранстве с целью расширения познания масс о реалиях окружающего мира.

Иначе говоря, любой медиапродукт всегда воспроизводится средствами медиа с непременным креативным вмешательством его производителя в «живую» реальность при ее фиксации техническими средствами или описании (текст) явления. Формирование же *медиареальности* является непременным свойством любого СМИ на протяжении всей истории развития массмедиа. И тут критерии одаренности, таланта, профессионального мастерства создателя медиареальности, его нацеленность на творческий результат играют исключительную роль. Эти качества творца (журналиста) сохраняют свои следы в рукотворной копии объективной действительности, что либо привлекает к медиапродукту аудиторию, либо заставляет отвергнуть его как симулякр. В противоборстве восприятия отражения медиакартины объективной действительности и признания либо не признания этой медиамодели аудиторией заложен фундаментальный конфликт между СМИ и социумом [8. С. 214].

Понятие «виртуальная реальность» имеет принципиально иную концепцию и основу формообразования, хотя на нынешнем, начальном этапе репрезентации VR/AR вмешательство медиаторчества неизбежно. Термин «виртуальная реальность» описывается как особый тип взаимодействия между разнородными объ-

ектами, имеющими специфические отношения между собой — порожденность, актуальность, автономность, интерактивность [9]. Совокупность виртуальных объектов в порождающей реальности и образует реальность виртуальную. Основное качество этих объектов в существовании «здесь и теперь», пока в порождающей (константной) реальности идут процессы, после окончания которых они исчезают.

Термин «виртуальность» возник еще в XVII в., получив во второй половине XX столетия в связи с развитием компьютерных технологий множество научных обоснований. В 1989 г., обосновывая способ общения человека с «киберпространством», Дж. Ланье, специалист в области визуализации данных и биометрических технологий, ввел в научный оборот термин «виртуальная реальность». Среди первопроходцев, внесших вклад в развитие виртуальной реальности как нового компьютерного направления, следует назвать ученого и исследователя А. Сазерленда, чьи опыты в авиации привели к созданию видеошлема (Head-Mounted Display), одного из основных элементов VR, и исследователя Т. Зиммермана, увлекавшегося электронной музыкой, разработки которого привели к созданию сначала интеллектуальных перчаток (Data Glove), а затем и к автоматическому манипулятору для руки, важному инструменту для VR [10]. В настоящее время появилось немало специальной литературы, повествующей о ведении бизнеса с помощью виртуальных организаций как нового вида коммерции [11], где раскрывается методика виртуального взаимодействия, описываются преимущества виртуального пространства.

Наиболее точная трактовка термина «виртуальная реальность» следующая: «искусственно созданная компьютерными средствами среда, в которую можно проникнуть, меняя ее изнутри, наблюдая трансформации и испытывая при этом реальные ощущения. Попав в этот новый тип аудиовизуальной реальности, можно вступать в контакты не только с другими людьми, но и искусственными персонажами» [12]. Виртуальная реальность — симулякр, квазиреальность, входящая в противоречие с восприятием объективной реальности, порождающая психологическую зависимость субъекта. Но эта проекция медиаконтента вполне вписывается в современную массовую культуру, где индустрия интерактивных игр и развлечений процветает [13]. Потому и тяготение массовых медиаиндустрий к виртуальной реальности оправдано. Массовая коммуникация как бы «удваивает действительность, создавая вторую, символическую, виртуальную реальность, которая не просто отражает “живую” реальность, но во многом и замещает ее» [14].

Эту тенденцию погружения социальных акторов в квазиреальность необходимо учитывать при проектировании будущей стратегии развития современной медиасистемы. Экспериментирование с моделями VR/AR, несомненно, окажет усиленное влияние на формирование у медиапотребителей психически устойчивого типа *творческого активного воображения*, мотивируя их к созданию собственных художественных образов, основанных на цифровых технологиях. Но есть и обратная сторона у этого экспериментаторства — формирование социального слоя фантазеров и мечтателей, не склонных к реализации себя в жизнедеятельности. Очевидно, что моделирование медиформатов VR/AR приводит медиа к

изучению психологии и нейропсихологии, выдвигающихся в цифровое время на первое место при проведении исследований.

В пользу апробирования VR/AR как новой формы взаимодействия с аудиторией высказываются философы, подчеркивая, что расширение социального опыта и процесса познания зависит от социокультурных условий и того, насколько эффективно протекает процесс когнитивно-культурной эволюции человека. В этом плане значимо следующее высказывание: «Познание не есть копирование некоторой внешней познаваемой реальности, но внесение смысла в реальность, создание идеальных моделей, позволяющих направить деятельность и общение и приводить в систему состояния сознания. Рационализация и конструктивная перестройка познавательных структур и процедур позволяет не только выстраивать деятельность и общение по некоторому образцу (норме), но и осуществлять произвольный переход от одних образцов, стандартов к другим, придает динамичность познавательному процессу, обеспечивает его творческий характер. В этом смысле всякое творческое познание рождает виртуальные миры, создает предпосылки создания и существования культурных объектов вообще. Современный интерес к виртуалистике имеет очевидную теоретико-познавательную природу, поскольку связан с методами расширения горизонта сознания, использование которых является предпосылкой порождения всякого объекта культуры» [15].

О роли производства культурными элитами смыслов, их подлинности и достоверности высказывалось в том или ином контексте немало известных ученых (Г.М. Маклюэн, Ж. Бодрийяр, М. Хайдеггер, Н. Луман, Р. Барт, К. Манхейм и др.). В частности, Ю. Хабермас четко поясняет причинно-следственные связи внутри проблемы, раскрывает ее глубину: «При нарушении культурного воспроизводства, которое проявляется в утрате смысла, происходят определенные кризисные ориентации. В таком случае акторы не могут на основе наличных знаний достичь понимания относительно новой ситуации. Признанные схемы истолкования отказывают, не хватает ресурсов смысла» [16. С. 90—91]. Позитивно характеризуя практический процесс создания «виртуальной реальности», исследователи вполне закономерно обращают внимание именно на *семантику* медиапродукта и создание смыслов, присущих исторической эпохе, потребность в которых испытывает социум.

Обсуждение. VR/AR в проекции применения

«Виртуальная реальность — это особая информационная среда, генерируемая творческой активностью соображения человеческого сознания» [17. С. 22], — так, судя по всему, воспринимается практиками идея моделирования сюжетов с VR/AR. В целом освоение VR- и AR-технологий находится в начальной стадии, хотя эксперты медиарынка относят этот сегмент к ключевым технологиям, которые окажут воздействие на развитие многих отраслей цифровой экономики и, конечно, медиаиндустрию. Согласно исследованию PwC “Global Entertainment & Media Outlook 2018—2022”, лидером роста в последующие пять лет станет именно сегмент VR, чье развитие достигнет к 2022 г. — 40 %, остальные же сегменты, напри-

мер контент на основе ОТТ (over-the-top), будут стремительно прогрессировать при отделении от видеоигр и электронного спорта, а газеты и журналы ждут этап снижения доходов. Представлены в этом исследовании и 8 основных направлений развития, которые компаниям каждой индустрии следует учитывать. Это — Интернет вещей, роботизация, дроны, 3D-печать, искусственный интеллект, блокчейн, виртуальная реальность и дополненная реальность [18]. Однако искусственному интеллекту (AI) отводится главенствующая роль, а виртуальной и дополненной реальностям — вспомогательная.

Апробирование VR/AR-технологий тем не менее заметно активизировалось за рубежом и в России. Например, BBC News Labs продемонстрировала на выставке IBC-2017 двенадцать категорий инновационного моделирования новостей (онлайн-СМИ, ТВ), способных привлечь аудиторию. В них вошли и технологии VR/AR. Интерес к этому виду технологий проявляет и рекламный бизнес, прежде всего на рынке потокового онлайн-видео. В преддверии Чемпионата мира по футболу 2018 г., IAB провела исследование “Live Video Streaming Survey 2018”, где приводятся данные об обращении россиян к массмедиа в связи с этим событием: 65 % зрителей в России собирались смотреть трансляции по ТВ, а 63 % аудитории соцсетей обратились к этим сервисам. Есть и статистика о типах контента, которыми более всего интересуются российские медиапользователи: «46 % интернет-пользователей смотрят прямые трансляции, телешоу/сериалы, 32 % — спортивные матчи, 29 % — новостные трансляции, 28 % — видео от селебрити/инфлюэнсеров, концерты, ток-шоу, 27 % — трансляции от друзей и членов семьи, 26 % — руководства/практические видео» [19].

К развитию новых видов медиаконтента проявляют интерес социальные сети. В частности, эксперименты с дополнительной реальностью (AR) собираются запустить Facebook Messenger, планируя довести количество игроков в виртуальной игре в реальном времени и «с глазу на глаз» до 6 человек [20]. Это видеочат AR-игр, придающий общению интерактивность, многократно увеличивающий социализацию игроков. В этом еще одно доказательство того, что сегмент рынка AR начинает активно развиваться, тогда как сегмент VR намерен сосредоточиться на строительстве в корпоративном секторе и играх, о чем говорится в исследовании “Journalism, Media, and Technology Trends and Predictions 2018” [21]. Толчком к развитию AR послужил выпуск Apple ARKit и ARCore от Google, что позволило разработчикам создавать захватывающие AR-приложения, которые могут достигать сотен миллионов существующих iOS (iPhone 6S и выше). С точки зрения экономики дальнейшего развития массмедиа интерес представляет “The Nielsen CMO Report 2018” [22], где представлены данные по трендам развития цифровых и традиционных медиа, их взаимоотношения с медийными агентствами и маркетологами.

Судя по исследованиям и прогнозам, апробирование VR/AR как принципиально нового сегмента рынка активизируется в ближайшие годы, поскольку изучение возможностей человека еще не достигло своего апогея. Интерес технических специалистов (программистов, инженеров) к этой сфере деятельности вызван стремлением повысить физические, психические и чувственно-эмоциональные возможности нашего современника в условиях быстро развивающегося цифро-

вого мира. В частности, речь идет о расширении сенсорных модальностей человека, приобретенных в виртуальной среде, чей опыт может быть перенесен в реальный мир [23], и потому виртуальная среда выступает в роли симулятора обучения. Или, к примеру, использование виртуальной среды для моделирования алгоритма человеческой памяти по аналогии с дисплеями виртуальной реальности, чтобы человек мог запоминать большое количество информации, воспроизводя ее из некоего «виртуального дворца памяти» [24].

В России в рамках медиаиндустрии такие разработки не ведутся. Это скорее прерогатива IT-организаций, к коим, в частности, относится крупнейший российский IT-интегратор — компания «КРОК», с 2012 г. реализующий проекты виртуальной реальности в области образования, научных исследований, проектирования, маркетинга, продаж. Однако в 2016 г. в Москве состоялось создание VR-консорциума, в который вошли АО «Цифровое телевидение» (ЦТ), анимационная студия «Паровоз», производитель телевизионной и компьютерной графики Vizart Lab, разработчик мобильных приложений «Интерактивный МУЛЬТ», Институт современных медиа (MOMRI) и компания «КРОК». Предполагается, что тесное взаимодействие медиаструктур производителей экранной продукции и системного интегратора в области IT-технологий позволит сформировать в России рынок виртуальной реальности, что позитивно скажется на продажах продукции, основанной на VR-технологиях, а также привлечет внимание массового потребителя к новому направлению, обеспечит погружение акторов в экранную экосистему.

Вхождение ТВ в рынок виртуальной реальности обеспечит российскому медиaproстранству новое и, судя по всему, экономически выгодное направление, которое при условии потребительского спроса окажет влияние на экранную продукцию в целом. Здесь просматривается тенденция сращивания телевизионных технологий с виртуальной реальностью, одинаково важных для апробирования видеоинформационных систем нового поколения (ВИС), прослеживается поиск ТВ новых форм экранного контента, который в состоянии активизировать внимание потребителя, привлечь зрителя к ТВ-каналам. Рынок виртуальной реальности рассчитан на разные возрастные группы, но молодежь, увлеченная виртуальными играми, новаторскими технологиями, будет доминировать. Согласно опросу MOMRI, с понятием «виртуальная реальность» знакомы респонденты в возрасте 18—24 лет — 68 %, в возрасте 24—34 лет — 70 %, в возрасте 35—44 лет — 75 %, хотя пользовались VR-устройствами 19 % опрошенных, а хотели бы попробовать 35 % [25]. В этом контексте изменяется и отношение к продукции 3D ТВ. В России 3D-вещание не смогло реализоваться в должной мере, сказался недостаток увлекательного контента, хотя кино и телевидение были первыми, кто семантически адаптировал в массовом сознании элементы виртуальной реальности в экранном виде. Затем к ним добавилось и видео. Очевидно, что век инновационных технологий принес новые решения. Эволюционировали сами системы виртуальной реальности, требующие иного уровня знаний, практики применения для моделирования виртуализированных проектов. Теперь в особую нишу виртуального пространства выделились визуализированные арт-объекты,

которые вкупе с рекламными артефактами пробуждают воображение потребителя, мотивируют его к активности, необычным идеям жизнедеятельности, вызывающим всплеск чувств и эмоций.

Заключение

Подытоживая обзор, подчеркнем: рынок VR/AR находится фактически на первой ступени развития. И это несмотря на то, что, по сравнению с последним десятилетием XX в., совершенствующиеся цифровые технологии, прежде всего в области VR/AR, обеспечили этому принципиально новому сегменту необходимую динамику развития, которая позволила перейти от предварительных исследований к практическому внедрению. Эксперименты в этой области продолжаются, интерес к сегменту, включая и массмедиа, только возрастает, потому практическое апробирование элементов VR/AR скоро можно будет увидеть воочию, а существенный импульс к развитию этого сегмента рынка уже обеспечили виртуальные игры. Очевидно и другое: использование VR/AR в медиаиндустрии заставляет производителей медиапродукции не только пересмотреть некоторые стратегические решения, но и озаботиться получением необходимых знаний как в области технологий, так и психологии, нейропсихологии, философии, социологии — семантика медиасюжетов и вложенных в них смыслов должна соответствовать содержательности цифровой эпохи. Глубинной проблемой взаимодействия медиа и социума, будь то в доцифровую эпоху или в цифровом веке, был и остается вопрос о *формировании смыслов*, сопряженных с содержательностью исторического времени, облеченных в востребованные медийные формы.

© Уразова С.Л., Кильпеляйнен Е.С., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- [1] Уразова С.Л. Век цифровой информации: креативность vs. творчество // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 4. С. 650—659.
- [2] Еникеев М.И. Психологический энциклопедический словарь. М.: Проспект, 2009.
- [3] Волкова И.И. Игровая парадигма исследований массмедиа // European Social Science Journal. 2014. № 5—2 (44). С. 228—231.
- [4] Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000.
- [5] Digital-тренды 2018 года: самое большое исследование интернета, социальных сетей и электронной коммерции // Smart News: актуальные новости 24/7. URL: <https://smartnews.kz/archives/497> (дата обращения: 01.09.2018).
- [6] Меняющаяся социальность: контуры будущего. М.: ИФ РАН, 2012.
- [7] Уразова С.Л. От «зеркала Нарцисса» к экранной реальности. ТВ в контексте трансформаций цифрового времени. М.: Русника, 2013.
- [8] Бодрийяр Ж. Фантомы современности. В тени молчаливого большинства, или Конец социального (отрывки из книги) // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2008.
- [9] Носов Н.А. Манифест виртуалистики // Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 15. М.: Путь, 2001.

- [10] Виртуальный компьютерный музей. URL: <http://www.computer-museum.ru/frgnhist/internb.htm> (дата обращения: 22.08.2018).
- [11] *Уорнер М., Витцель М.* Виртуальные организации. Новые формы ведения бизнеса в XXI веке. М.: Добрая книга, 2005.
- [12] *Маньковская Н.Б., Мотлевский В.Д.* Виртуальная реальность // Энциклопедия культурологии. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/278/ВИРТУАЛЬНАЯ (дата обращения: 01.09.2018).
- [13] *Волкова И.И.* Компьютерные игры и новые медиа: игровой подход к коммуникациям в виртуальном пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 2. С. 312—320.
- [14] *Быченков В.М.* Коммуникация массовая // Новая философская энциклопедия. URL: <http://iphlib.ru/> (дата обращения: 25.08.2018).
- [15] *Касавин И.Т.* Познание // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0155bae474519c306489cb55?p.s=TextQuery> (дата обращения: 12.08.2018).
- [16] *Назарчук А.В.* Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
- [17] *Ладов В.А.* ВР-философия (философские проблемы виртуальной реальности). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.
- [18] Global Entertainment & Media Outlook 2018—2022: Trending now: convergence, connections and trust // PWC Global. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/industries/tmt/media/outlook.html> (accessed: 27.08.2018).
- [19] Исследование IAB: LiveVideoStreamingSurvey 2018: Россия — лидер роста просмотра онлайн-видео. URL: <https://iabrus.ru/news/1313> <https://iabrus.ru/news/1313> (дата обращения: 22.08.2018).
- [20] *Micheva N.* Get your game on: Challenge your friends with video chat AR games in messenger. URL: <https://newsroom.fb.com/news/2018/08> (accessed: 27.08.2018).
- [21] *Newman N.* Journalism, Media and Technology Trends and Predictions 2018 // Reuters Institute for the Study of Journalist. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/our-research/journalism-media-and-technology-trends-and-predictions-2018> (accessed: 27.08.2018).
- [22] The Nielsen CMO Report 2018: The Roadmap for Marketers Who Lead. URL: <https://www.nielsen.com/us/en/insights/reports/2018/cmo-report-2018-digital-media-roi-measurement-omnichannel-marketing-technology.html> (accessed: 22.08.2018).
- [23] *Gobbetti E., Scateni R.* Virtual reality: past, present and future // Virtual Environments in Clinical Psychology and Neuroscience: Methods and Techniques in Advanced Patient-Therapist Interaction. IOS, Amsterdam, Olanda. 1999. Pp. 3—20.
- [24] *Krokos E., Plaisant C., Varshney A.* Virtual memory palaces: immersion aids recall // Virtual Reality. Jan 1, 2018. Pp. 1—15.
- [25] Comnews. MOMRI — участник первого в России VR-консорциума // MOMRI Institute. URL: <http://momri.org/2016/newsaboutmomri/comnews-momri-uchastnik-pervogo-v-rossii-vr-konsorciuma/> (дата обращения: 27.08.2018).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 1 сентября 2018

Дата принятия к печати: 10 сентября 2018

Для цитирования:

Уразова С.Л., Кильпелайнен Е.С. Виртуальная реальность и медиареальность: тенденции и прогнозы эволюции медиасистемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 4. С. 410—421. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-410-421

Сведения об авторах:

Уразова Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, заведующая научно-исследовательским сектором, профессор кафедры журналистики Академии медиаиндустрии. Контактная информация: e-mail: svetlana.uzazova@ipk.ru

Кильпелайнен Евгения Сергеевна, соискатель кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов. Контактная информация: e-mail: kilpelyaynen@gmail.com

Virtual and media reality: trends and forecasts of media system evolution

S.L. Urazova¹, E.S. Kilpelyaynen²

¹ Academy of Media Industry

105 Octobrskay St., bldg. 2, Moscow, 127521, Russian Federation

² Peoples' Friendship University of Russia

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Interest of the authors focuses on the process of introduction and test of different types of virtual reality in sphere of mass media. In the framework of the active integration and update of new digital technologies whose development is pushed by technogenic revolution, media industry becomes a kind of platform to test innovative projects which brings the dynamics to development of the civilization based on digital economy. Currently the most prospective innovations are artificial intelligence, virtual reality (VR) and augmented reality (AR). VR considered as a new communicative format introduces fundamental changes to the media system, demands to review radically the approaches of production and consumption of media content and causes conflict situations. That is why theoretical understanding and description of those changes is required and should be based on interdisciplinary approach.

The purpose of the article is to highlight and update social aspects of VR implementation, initiate the discussion what is relevant for number of humanitarian scientific studies.

Keywords: virtual reality (VR), media reality, creativity, visuality, social impact

References

- [1] Urazova S.L. Vek cifrovoj informacii: kreativnost' vs tvorchestvo [Digital age: creativity vs. creation]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. 2017. Vol. 22. No. 4. Pp. 650–659.
- [2] Enikeev M.I. *Psihologicheskij ehnciklopedicheskij slovar'* [Psychological Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Prospekt, 2009.
- [3] Volkova I.I. Igrovaya paradigma issledovanij massmedia [The gaming paradigm of mass media research]. *European Social Science Journal*. 2014. No. 5–2 (44). Pp. 228–231.
- [4] Man'kovskaya N.B. *Ehstetika postmodernizma* [The Aesthetics of Postmodernism]. Saint Petersburg: Aletejya, 2000.
- [5] Digital-trendy 2018 goda: samoe bol'shoe issledovanie interneta, social'nyh setej i ehlektronnoj kommercii [Digital trends of 2018: the largest study of the Internet, social networks and

- e-commerce]. Smart News: Aktual'nye Novosti 24/7. Available from: <https://smartnews.kz/archives/497> (accessed: 01.09.2018).
- [6] Menyayushchayasya social'nost': kontury budushchego [Changing Sociality: the Outlines of the Future]. Moscow: IF RAN, 2012.
- [7] Urazova S.L. Ot "zerala Narcissa" k ehkrannoj real'nosti. TV v kontekste transformacij cifrovogo vremeni [From the "Mirror of Narcissus" to the Screen Reality. TV in the Context of Digital Time Transformations]. Moscow: Rusnika, 2013.
- [8] Bodriyyar Zh. Fantomy sovremennosti. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konec social'nogo (otryvki iz knigi) [In the Shadow of the Silent Majorities]. Yaspers K., Bodriyyar Zh. Prizrak tolpy. Moscow: Algoritm, 2008.
- [9] Nosov N.A. Manifest virtualistiki [Manifesto of Virtualistics]. Trudy laboratorii virtualistiki. Vyp. 15. Moscow: Put', 2001.
- [10] Virtual'nyj komp'yuternyj muzej [Virtual Computer Museum]. Available from: <http://www.computer-museum.ru/frgnhist/intern6.htm> (accessed: 22. 08.2018).
- [11] Uorner M., Vitcel' M. Virtual'nye organizacii. Novye formy vedeniya biznesa v XXI veke. Moscow: Dobraya kniga, 2005.
- [12] Man'kovskaya N.B., Motlevskij V.D. Virtual'naya real'nost' [Virtual Reality]. Ehnciklopediya kul'turologii. Available from: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/278/VIRTUAL'NAYA (accessed: 01.09.2018).
- [13] Volkova I.I. Komp'yuternye igry i novye media: igrovoj podhod k kommunikacijam v virtual'nom prostranstve [Computer Games and New Media: a Game Approach to Communication in Virtual Space]. Věstnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2017. Vol. 22. No. 2. Pp. 312—320.
- [14] Bychenkov V.M. Kommunikaciya massovaya [Mass Communication] // Novaya filosofskaya ehnciklopediya. Available from: <http://iphlib.ru/> (accessed: 25.08.2018).
- [15] Kasavin I.T. Poznanie [Cognition]. Novaya filosofskaya ehnciklopediya. Available from: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0155bae474519c306489cb55?p.s=TextQuery> (accessed: 12.08.2018).
- [16] Nazarchuk A.V. Teoriya kommunikacii v sovremennoj filosofii [The Theory of Communication in Modern Philosophy]. Moscow: Progress-Tradiciya, 2009.
- [17] Ladov V.A. VR-filosofiya (filosofskie problemy virtual'noj real'nosti) [VR philosophy (philosophical problems of virtual reality)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2004.
- [18] Global Entertainment & Media Outlook 2018—2022: Trending now: convergence, connections and trust // PWC Global. Available from: <https://www.pwc.com/gx/en/industries/tmt/media/outlook.html> (accessed: 27.08.2018).
- [19] Issledovanie IAB: Live Video Streaming Survey 2018: Rossiya — lider rosta smotreniya onlajn-video [IAB: Live Video Streaming Survey 2018: Russia is the leader in the growth of watching online video]. Available from: <https://iabrus.ru/news/1313> <https://iabrus.ru/news/1313> (accessed: 22.08.2018).
- [20] Micheva N. Get your game on: Challenge your friends with video chat AR games in messenger. Available from: <https://newsroom.fb.com/news/2018/08> (accessed: 27.08.2018).
- [21] Newman N. Journalism, Media and Technology Trends and Predictions 2018 // Reuters Institute for the Study of Journalist. Available from: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/our-research/journalism-media-and-technology-trends-and-predictions-2018> (accessed: 27.08.2018).
- [22] The Nielsen CMO Report 2018: The Roadmap for Marketers Who Lead. Available from: <https://www.nielsen.com/us/en/insights/reports/2018/cmo-report-2018-digital-media-roi-measurement-omnichannel-marketing-technology.html> (accessed: 22.08.2018).
- [23] Gobbetti E., Scateni R. Virtual reality: past, present and future // Virtual Environments in Clinical Psychology and Neuroscience: Methods and Techniques in Advanced Patient-Therapist Interaction. 1999. IOS, Amsterdam, Olanda. Pp. 3—20.
- [24] Krokos E., Plaisant C., Varshney A. Virtual memory palaces: immersion aids recall // Virtual Reality. Jan 1, 2018. Springer Nature. Pp. 1—15.

- [25] Comnews. MOMRI — uchastnik pervogo v Rossii VR-konsorciuma [Comnews. MOMRI is a participant of the first VR-consortium in Russia]. MOMRI Institute. Available from: <http://momri.org/2016/newsaboutmomri/comnews-momri-uchastnik-pervogo-v-rossii-vr-konsorciuma/> (accessed: 27.08.2018).

Article history:

Received: 1 August 2018

Revised: 15 August 2018

Accepted: 1 September 2018

For citation:

Urazova S.L., Kilpelyaynen E.S. (2018). Virtual and media reality: trends and forecasts of media system evolution. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23(4), 410–421. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-410-421

Bio Note:

Urazova Svetlana Leonidovna, Doctor of Philology, Head of the Department (research sector), Professor of the Journalism Department, Academy of Media Industry. *Contacts*: e-mail: svetlana.urazova@ipk.ru

Kilpelyaynen Evgenia Sergeevna, applicant of the Department of Mass Communications, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). *Contacts*: e-mail: kilpelyaynen@gmail.com

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-422-427

UDC 316.77:001.12/.18; 070:001.12/.18

Political media memes as simulacra in media

I.S. Kuznetsov, V.A. Slavina

Moscow State Pedagogical University

1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119991, Russian Federation

The purpose of the article is to analyze the political media memes' structure and to compare them with simulacra according to the theory of Jean Baudrillard. We consider, that media memes have a clear structure via they could spread in social media. This structure also allows media memes to spread in media. Through analysis of political media memes' spreading, generating and evolution as viral units, we could understand post-truth policy. Comparison of political media memes with simulacra could become one more step to better understanding of viral information and post-truth.

Keywords: media meme, social media, media effects, political discourse, simulacra

We often consider media memes as elements of humor, format of culture and units of interpersonal communication. However, they are also a tool of both political discourse and informational policy. After the US presidential elections in 2015—2016 media memes became the new format of political agitation and propaganda. Previously similar tools existed too as the slogans, banners, comics, caricatures etc., but new media and social networks transformed that tool in the format of media meme.

We suppose that media meme is not the only funny images, hashtags and key words. Today's media meme is the format influenced on global informational policy and formed alternative reality in media. It is evident that the objective reality and its representation in media are not the same things, but how great is this difference? Moreover, what is the role of media memes in alternative media reality forming? That are the questions.

First, it is necessary to clarify the common structure of these viral units. According to different works of memetics (Richard Dawkins, Douglas Rushkoff etc.) we suppose that every media meme, as creolized text, viral video or others, has a two-parted structure included:

1. **Media meme's shell.** This shell is a form of information transmission: video, photo, image, GIF or COUB, draw, etc. The main aim of this part of structure is to appeal users, to attract people who scroll the newsfeed or surf Internet. The shell often has a humoristic nature. It contains external, visual information. According to science analogy "virus = meme", the shell of media meme reminds a capsid of viruses that helps them spread. The shell makes media meme's replication possible: user found a funny image, joke or shocking news sends it to his friends, shares to followers, posts in his profile. This funny image itself is the shell of viral unit.

2. **Semantic core of media meme.** That is the context of media meme, the main aim of which is to spread ideas, meanings, to influence on public opinion and change minds.

Semantic core contains internal, semantic information. We suppose that the core is always a complex of meanings, ideas, symbols and means; it is not the only one context. Despite of its humoristic nature, media meme could contain political senses and messages; it could change public opinion being used as a tool of informational policy. According to the analogy between meme and virus, semantic core reminds the DNA under the capsid that infects the cell of victim. Semantic core makes media meme's influence possible. When user laugh on a political meme or joke, he receives a complex of meanings about the meme's subjects: politicians, their programs, ideology, characters, speeches, parties, behaviors etc. This complex could change his minds through the ridicule on such or such subject.

Famous American media analytic Douglas Rushkoff offers an analogy that could help to understand better the media meme's structure. Viral units, "media viruses", as he calls them, remind a Trojan horse. The wooden horse itself is the shell of meme: as Priam, the Trojan ruler, user sees the appealing capsid, a wonderful gift of Greeks and put media meme inside his mind. There Greeks attack Troy — this is the semantic core with its complex of meanings transform user's opinions and persuasions [1]. The main difference between Priam and the user is that Trojan ruler understands how the enemy attacked his city, while our user consider that the changing of his minds is his own volition.

So, various types of thousands of political media memes replicate in social networks, messengers, media and web sites every hour in every country of the world. They have a clear two-parted structure, and we could classify them on different grounds. However, for better understanding of viral formats' replication and their role in contemporary media reality we should analyze their ways of spreading and evolution. There are many versions offered by various researchers, but we consider as quite interesting a theory of French sociologist and philosopher Jean Baudrillard. This theory is called "simulacrum theory", he described it in his famous work "Simulacrum and simulation" [2].

It was Plato, who coined the term "simulacrum". Then French philosophers of the second half of 20th century used the term into their works. First of them was Gilles Deleuze who gave a new definition to Plato's simulacrum in his "Platon et le simulacre" (1969). He wrote that simulacrum is an unreasoned image, a likeness that hide similarity.

Then Baudrillard published his work "Simulacra and simulation" in 1981. He coined a new definition of simulacrum that became universal lately. Baudrillard said that simulacrum is the sign, which has no referent in reality, the representation of something that does not exist. According to his theory, simulacra are copies that depict things that either had no original, or that no longer have an original. Also the simulation is the imitation of the operation of a real-world process or system over time

As Baudrillard says, simulacra are a kind of reflections of real subjects, objects, events and processes of our objective reality that generate, replicate and exist as a part of hyperreality. Baudrillard's simulacra remind Plato's Eidos theory. Simulacra could replace some of political processes, subjects or events, becoming the ones of our objective reality and changing our political culture, media sphere, public opinion and even global policy landscape.

However, the simulacra existed as a science abstraction only until the mass communication processes and Internet development. Some of American researchers

suppose that new format of information transmission as media meme is a Baudrillard's simulacrum that exists and spreads in media reality as the simulacra do in "hyperreality" of French sociologist.

We suppose that evolution stages of simulacrum and media meme (both of political and humor memeplexes) are similar, as their functioning in media. Baudrillard said that simulacrum has four evolution stages delineated the sign-order:

1. The image/copy as a "good appearance".
2. The perversion of reality.
3. The masking the absence of a profound reality.
4. The pure simulacrum.

Let us see how we can consider media memes as simulacra of virtual reality on the example of one of political media memes "Nambia" that was originated by US president Donald Trump. Certainly, media meme has no absolute compliance with simulacrum. It could have few stages in the same time or have no boundaries between stages because of its fast replication. However, the replication itself could be similar with the one of simulacra — from image or copy of reality to simulation unit, which has no referent object.

1. First stage. It is a *faithful image/copy*, where we believe, and it may even be correct, that a sign is a "reflection of a profound reality". In his speech during UN General Assembly September 21 in 2017, Trump said about an African country "Nambia". US president could have meant Gambia, Zambia or Namibia. These countries serve as a referent of political media meme.

2. The second stage is *perversion of reality*, this is where we come to believe the sign to be an unfaithful copy, which "masks and denatures" reality as an "evil appearance — it is of the order of maleficence". Here, signs and images do not faithfully reveal reality to us, but can hint at the existence of an obscure reality which the sign itself is incapable of encapsulating. A new simulacrum country "appearances" on world political map. Please note that during this stage "Nambia" exists in the context of the Trump's speech only.

3. The third stage *masks the absence of a profound reality*, where the sign pretends to be a faithful copy, but it is a copy with no original. Signs and images claim to represent something real, but no representation is taking place and arbitrary images are merely suggested as things which they have no relationship to. During the stage "Nambia" spreads in media and social networks, a strong link with the context fades.

4. The fourth stage is *pure simulacrum*, in which the simulacrum has no relationship to any reality whatsoever. Here, signs merely reflect other signs and any claim to reality on the part of images or signs is only of the order of other such claims. This is a regime of total equivalency, where cultural products need no longer even pretend to be real in a naive sense, because the experiences of consumers' lives are so predominantly artificial that even claims to reality are expected to be phrased in artificial, "hyperreal" terms. Nambia became simulacrum with own complex of meanings, interpretations and ideas. Meme became meme with its own semantic core, which differs from the referent. Nambia appeals to referents (Zambia, Gambia and Namibia), but is not identical to them, it is the second-order copy. However, Nambia became the symbol of incompetence and

ignorance of Trump's administration and it is used in American political discourse as newest political cliché.

That is how political media meme transforms from an image, a copy to simulacrum, media text and independent and complete media meme. We suppose that we could add another stage to those formulated by Baudrillard. [3]

5. The fifth stage is a *transition from hyperreality to objective reality as a material object*. Namibia became a product, a trademark in our reality. They create fake maps of Africa with other countries, which did not exist and incarnate Trump's incompetence. They often refers to other political media meme: MAGAgascar, Kennedia, NIGER [4]. You could also buy a flag of Namibia or "Namibian covfefe" that is also refers to political meme "covfefe".

Both, media meme and its referent appeal to one another, but they are not identical. Namibia, as many others political media memes, is not reflection of objective reality. This is an attempt to materialize the simulacrum, and very successful. Thus, there is a substitution of objective reality by an alternative reality.

Russian philosopher Mikhail Bakhtin [5] and medievalist Dmitry Likhachov, they both supposed that objects of humor culture as jokes, carnivals, anecdotes, funeral customs and ceremonies form an alternative reality, which could replace reality, partially or completely. Dmitry Likhachov called this alternative reality an "anti-world" [6]. We suppose that contemporary humor formats, as media memes, also form an alternative reality in media. This reality is formed by special manipulative techniques, memes, ways of manipulation. It could replace and complement objective reality, which corresponds to the concept of post-truth where lie and truth, political speech and joke, personality and simulacrum are indistinguishable from each other.

© Kuznetsov I.S., Slavina V.A., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

References

- [1] Rushkoff D. *Media Virus: Hidden Agendas in Popular Culture*. Ballantine Books. N.Y., 1996.
- [2] Baudrillard J. *Simulacra and simulation*. Michigan: University of Michigan Press, 1994.
- [3] Kuznetsov I.S. *Politicheskiy mediamem: ot idei k materialnomu ob'ektu* [Political media meme: from idea to material object]. *Sovremennye media: protsessy i konteksty: materialy III Mezhdunarodnoy prakticheskoy konferentsii / pod nach. red. E.A. Ermolina, A.A. Maslovoy*. Yaroslavl, 2016.
- [4] Baxter J. *President of Namibia (aka Namibia) Welcomes Foreigners to "Africa's Best-Kept Secret"*. South Africa People: URL: <https://www.sapeople.com/2017/09/21/president-namibia-aka-namibia-welcomes-foreigners-africas-best-kept-secret/> (accessed: 16.07.2018).
- [5] Bakhtin M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya cultura Srednevekoviya i Rennsansa* [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of Middle Age and Renaissance]. Moscow: Khudozh. Lit., 1990.
- [6] Likhachov D. *Smekhovoy mir Drevney Rusi* [Laughing World of Ancient Rus]. Leningrad: Nauka, 1976.

Article history:

Received: 1 August 2018

Revised: 5 August 2018

Accepted: 10 August 2018

For citation:

Kuznetsov I.S., Slavina V.A. (2018). Political media memes as simulacra in media. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23(4), 422–427. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-422-427

Bio Note:

Kuznetsov Igor Sergeevich, PhD applicant, Institute of Journalism, Communication and Media, Moscow Pedagogical State University. *Contacts:* e-mail: kuznetsov0803@mail.ru

Slavina Valentina Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor, Institute of Journalism, Communication and Media, Moscow Pedagogical State University. *Contacts:* e-mail: vslavina@inbox.ru

Политические медиамемы как симулякры медиапространства

И.С. Кузнецов, В.А. Славина

Московский педагогический государственный университет
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, 1

Цель данной статьи — анализ структуры политических медиамемов и их сравнение с симулякрами в соответствии с теорией Жана Бодрийяра. Авторы полагают, что медиамемы имеют четкую структуру, при помощи которой они могут распространяться в социальных сетях. С помощью анализа распространения, генерации и эволюции политических медиамемов как вирусных единиц, авторы рассматривают формирование альтернативной реальности и реализацию политики постправды. Сравнение политических медиамемов с симулякрами может стать еще одним шагом к лучшему пониманию вирусной информации и постправды.

Ключевые слова: медиамем, социальные медиа, политический дискурс, симулякр, воздействие медиа

Список литературы

- [1] *Rushkoff D.* Media Virus: Hidden Agendas in Popular Culture // Ballantine Books. N.Y., 1996.
- [2] *Baudrillard J.* Simulacra and simulation. Michigan: University of Michigan Press, 1994.
- [3] *Кузнецов И.* Политический медиамем: от идеи к материальному объекту // Современные медиа: процессы и контексты: материалы III Международной практической конференции / под науч. ред. Е.А. Ермолина, А.А. Масловой. Ярославль, 2016.
- [4] *Baxter J.* President of Namibia (aka Nambia) Welcomes Foreigners to “Africa’s Best-Kept Secret” // South Africa People. URL: <https://www.sapeople.com/2017/09/21/president-namibia-aka-nambia-welcomes-foreigners-africas-best-kept-secret/> (дата обращения: 16.07.2018).
- [5] *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
- [6] *Лихачёв Д.* «Смеховой мир» Древней Руси. Ленинград: Наука, 1976.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 1 августа 2018

Дата принятия к печати: 10 августа 2018

Для цитирования:

Kuznetsov I.S., Slavina V.A. Political media memes as simulacra in media (Политические медиа-мемы как симулякры медиапространства) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 4. С. 422–427. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-422-427

Сведения об авторах:

Кузнецов Иван Сергеевич, соискатель ученой степени кандидата наук Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования Московского педагогического государственного университета. *Контактная информация:* e-mail: kuznetsov0803@mail.ru

Славина Валентина Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики и медиакоммуникаций Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования Московского педагогического государственного университета. *Контактная информация:* e-mail: vslavina@inbox.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-428-440

УДК 316.77:001.8:070:001.8

Проблемы возрастной маркировки на российских телеканалах

А.В. Шариков¹, Е.Л. Проскурнова², Л. Кандакжи²

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

² Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2А

В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведенного в январе—феврале 2018 г., целью которого было выявить, как российские телеканалы выполняют предписания закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Проанализировано более 45 тысяч эфирных элементов (телепрограмм, кинофильмов, сериалов, мультфильмов и др.), вышедших в эфир в начале 2018 г. Оказалось, что более половины из них не имели знаков возрастной маркировки. Зачастую телеканалы использовали маркировку «16+», хотя ее применение в интервале с 7 часов до 21 часа является нарушением закона; при этом размещение в эфире информационных программ с маркировкой «18+» проходило без нарушений. Полученные результаты позволяют сделать вывод о необходимости совершенствования указанного закона и о подготовке кадров для его грамотного использования в практике телевидения.

Ключевые слова: возрастная маркировка, телеканал, телепрограмма, аудитория

В декабре 2010 г. в России был принят Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» № 436-ФЗ [12], который вызвал дискуссии в профессиональном журналистском сообществе. Многие увидели в нем посягательство на свободу слова, однако необходимость принятия подобного закона очевидна. После распада СССР и беспрецедентного роста средств массовой информации (СМИ) произошли изменения в структуре их общего содержания, особенно на телевидении. На экране в большом количестве появились сцены насилия и эротики, телерепортажи о бедствиях. На телевидении стали употребляться ненормативные слова и выражения, что было невозможно в советское время.

Данные процессы имеют объяснение: существует связь между величиной аудитории и элементами, которые вызывают недовольство общества. Отметим, что с 1992 г. в России начала складываться система непрерывного измерения аудитории телепрограмм. Первое время в новейшей истории российского телевидения понятие «рейтинг» носило весьма размытый характер. Учитывался в большей мере количественный фактор: чем выше был показатель по числу просмотров за определенный отрезок времени, тем более популярной считалась программа. Со временем журналисты стали обращать внимание на возрастную и гендерную

состав аудитории, место проживания зрителей. Однако и в таком контексте рейтинг отражал только факт телесмотрения. А вот отношение аудитории к просматриваемым программам довольно часто оставалось и остается вне интереса российских телевизионных менеджеров. Но современные условия медиарынка заставляют пересмотреть отношение к проблемам восприятия аудитории. В Европе этот поворот в сознании тележурналистов произошел на рубеже двух тысячелетий.

Итак, одной из главных ошибок российских журналистов, аналитиков и телеменеджеров является то, что за редким исключением величина рейтинга увязывается ими с понятием «популярность», неявно предполагающим позитивное отношение к просматриваемому материалу. Это приводит к противоречивым, а то и абсурдным интерпретациям. Можно ли назвать популярной трансляцию трагических событий (например, захват заложников)?

Высокий рейтинг в экономическом понимании — это одновременно большая аудитория (почему собралась — неважно), а значит, здесь эффективно размещается реклама: сразу большое число зрителей увидит ее. Следовательно, не столь важно, какое содержание с точки зрения нравственности и даже здравого смысла несет материал, главное — собрать максимально большую аудиторию. Вот тут-то и кроется ответ на вопрос, почему телеканалы насыщают эфир эротикой, агрессией и прочими сомнительными элементами, приходящими в конфликт с нравственными нормами. Как пишет М. Кастьельс, «успех телевидения есть следствие базового инстинкта ленивой аудитории» [3. С. 317]. Развивая эту мысль, отметим, что человека визуально, на подсознательном уровне, притягивают два базовых инстинкта — продолжения рода и самосохранения. Так формируется массовая аудитория, которую можно продать рекламодателю, — чем больше величина собранной аудитории, тем дороже размещение рекламы в данной телепрограмме. Но это правило действует не всегда, и рекламодатели сами дают подсказку телевизионным менеджерам.

Так, на Первом канале была закрыта популярная программа «Я подаю на развод», выходившая в эфир на протяжении полугода в 2013 г., в связи с низким спросом на рекламное время среди производителей товаров и услуг. Согласно основной идее, ведущие и эксперты помогали парам, переживающим разлад, найти общий язык. Но чаще всего супруги уходили с тем же настроением, что и пришли. По официальной формулировке, компании не хотели, чтобы их продукция ассоциировалась с исключительно негативной тематикой.

Проблема еще и в том, что как только один канал начинает использовать сомнительные приемы привлечения аудитории, их сразу же берут на вооружение конкуренты. В итоге весь телевизионный контент начинает смещаться в сторону эротики и агрессии, что вытесняет иные эфирные элементы, которые в глазах медиаменеджеров теперь выглядят «неэффективными». Эта закручивающаяся спираль вызывает противодействие общества и одновременно провоцирует развитие ценностного хаоса. Между телевидением и аудиторией, шире — обществом, существует затяжной конфликт [15]. Его суть в противоречии между нравственными нормами социума и стремлением телеканалов заработать на привлечении аудитории для продажи рекламных возможностей с помощью сомнительных способов.

Письма зрителей, особенно родителей, которые пытались убедить телеканалы быть сдержанными, особенно в те часы, когда телевизор смотрят дети, не действовали: «Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение» [13. Ст. 42]. Эта вызывающая недоумение норма привела к ослаблению обратной связи. Телезрители стали обращаться в органы государственной власти с жалобами на телевидение, которое несет зло [14], требовать введения ограничений. В результате создались все предпосылки для законодательного урегулирования ситуации, что и произошло к концу 2010 г.

В полную силу закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» № 436-ФЗ вступил в силу 1 сентября 2012 г. — законодатели дали возможность телеканалам выполнить обязательства по ранее заключенным контрактам в течение почти двух лет.

С момента начала разработки данного закона и особенно после начала его применения проблематика правового регулирования контента СМИ стала предметом исследования в работах ряда авторов, среди которых: С.А. Грин [1], Л.Л. Ефимова и С.А. Кочерга [2], С.В. Кобзева [4], Л.В. Матвеева и О.Я. Ермолаева [5], Е.А. Овчинникова [6], Е.С. Пальцева [7], О.В. Пристанская и О.В. Сальникова [8], Е.С. Сазонова, С.С. Сулакшин и А.И. Хвыля-Олинтер [9], А.А. Смирнов [10], И.А. Фатеева [11] и другие.

Закон обязывает маркировать всю информационную продукцию с помощью определенных знаков: «0+», «6+», «12+», «16+» и «18+» [12. Ст. 6]. В сфере телевидения для категорий «информационная продукция для детей, достигших возраста шестнадцати лет» (16+) и «информационная продукция, запрещенная для детей» (18+) предусмотрены ограничения по времени выхода в эфир: первая запрещена в интервале времени с 7 часов до 21 часа, вторая — с 4 до 23 часов [12. Ст. 13].

Что же конкретно подпадает под ограничения по времени выхода в эфир? Эти ограничения представлены в статье 5. «К информации, запрещенной для распространения среди детей, относится информация:

1) побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству;

2) способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, пиво и напитки, изготавливаемые на его основе, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством;

3) обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом;

4) отрицающая семейные ценности и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи;

- 5) оправдывающая противоправное поведение;
- 6) содержащая нецензурную брань;
- 7) содержащая информацию порнографического характера» [12].

Все перечисленные элементы контента не могут быть размещены в эфире с 4 до 23 часов по местному времени. Им соответствует знак «18+». Исключение составляют телеканалы, «доступ к просмотру или прослушиванию которых осуществляется исключительно на платной основе с применением декодирующих технических устройств» [12. Ст. 13].

Закон определяет информационную продукцию, распространение которой допускается (с ограничениями) среди детей до 16 лет. К ней относится:

«1) изображение или описание несчастного случая, аварии, катастрофы, заболевания, смерти без натуралистического показа их последствий, которые могут вызывать у детей страх, ужас или панику;

2) изображение или описание жестокости и (или) насилия (за исключением сексуального насилия) без натуралистического показа процесса лишения жизни или нанесения увечий при условии, что выражается сострадание к жертве и (или) отрицательное, осуждающее отношение к жестокости, насилию (за исключением насилия, применяемого в случаях защиты прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства);

3) информация о наркотических средствах или о психотропных и (или) об одурманивающих веществах (без их демонстрации), об опасных последствиях их потребления с демонстрацией таких случаев при условии, что выражается отрицательное или осуждающее отношение к потреблению таких средств или веществ и содержится указание на опасность их потребления;

4) отдельные бранные слова и (или) выражения, не относящиеся к нецензурной брани;

5) не эксплуатирующие интереса к сексу и не носящие оскорбительного характера изображение или описание половых отношений между мужчиной и женщиной, за исключением изображения или описания действий сексуального характера» [12. Ст. 10].

Выполняют ли ведущие российские федеральные общедоступные телеканалы законодательные требования? Если нет, то в чем нарушения?

Эти два вопроса стали основанием для эмпирического исследования, проведенного по просьбе Роскомнадзора в январе—феврале 2018 г. Объектом исследования стали телеканалы широкого распространения. В настоящей статье ограничимся анализом следующих измеряемых бесплатных общедоступных телеканалов: Первый канал, «Россия 1», «Матч ТВ», НТВ, Пятый канал, «Россия-Культура», «Россия 24», «Карусель», «ТВ Центр», «Рен ТВ», СТС, «Домашний», ТВ-3, «Пятница», «Звезда», «Мир», ТНТ и «Муз ТВ».

Предмет исследования — правоприменение норм закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Эмпирическим основанием стала база данных регистрации эфирных событий, производимая «Медиаскопом» (официальная уполномоченная организация по исследованию объема телеаудитории в России), в которой среди атрибутов программ анализируемых телеканалов присутствует описание знака возрастной маркировки.

Цель — выявить статистическую картину возрастной маркировки эфирных элементов ведущих российских телеканалов в контексте требований закона. Рекламная продукция в этом исследовании не рассматривалась, поскольку она не подпадает под его действие. Основной метод — статистический анализ данных.

В исследовании ставились следующие задачи:

- определить количественное соотношение эфирных элементов с возрастной маркировкой и без таковой;
- выявить частоту встречаемости эфирных элементов с различными категориями возрастной маркировки;
- выявить частоту встречаемости эфирных элементов с маркировкой «18+» в интервале с 4 до 23 часов;
- выявить частоту встречаемости эфирных элементов с маркировкой «16+» в интервале с 7 часов до 21 часа.

Уточним, что не ставилась задача по определению правильности маркировки относительно содержания. Предполагалось, что каналы в полной мере выполняют требования закона по этой части.

Были проанализированы данные о маркировке для 45 315 эфирных элементов (выпусков телепрограмм и др.), вышедших в эфир на 18 телеканалах в течение первых восьми недель 2018 г.: с 1 января по 25 февраля. Отдельно рассматривалось количество эфирных элементов с маркировкой «0+», «6+», «12+», «16+», «18+». Кроме того, фиксировалось количество немаркированных эфирных элементов, а также эфирные элементы с маркировкой, не предусмотренной законом.

Наличие возрастной маркировки

Оказалось, что в течение первых восьми недель 2018 г. из 45 315 проанализированных эфирных элементов лишь 17 966 имели возрастную маркировку, что составляет 39,65 % от обследуемого количества. Следовательно, более половины эфирных элементов (60,35 %) остаются без возрастной маркировки.

Из табл. 1 видно, что более высокий процент эфирных элементов с возрастной маркировкой наблюдается на телеканалах «Пятница» (99,9 %), «Муз ТВ» (99,8 %) и СТС (91,0 %). Наименее часто возрастная маркировка встречается на телеканалах «Россия 24» (0,1 %), «Россия-Культура» (0,2 %) и «Карусель» (0,7 %). Менее половины эфирных элементов имеют возрастную маркировку на таких телеканалах, как «Матч ТВ» (19,8 %), «Россия 1» (25,3 %), Первый канал (28,5 %), «ТВ Центр» (32,3 %), НТВ (34,7 %) и «Звезда» (38,1 %).

Таблица 1

Наличие возрастной маркировки на общедоступных федеральных телеканалах

Телеканал	Количество обследованных эфирных элементов	Имеют возрастную маркировку, абсолютные значения	Имеют возрастную маркировку, в % от количества обследованных эфирных элементов
Первый канал	2061	587	28,5
Россия 1	2303	583	25,3
Матч ТВ	2231	442	19,8
НТВ	2520	874	34,7
Пятый канал	1957	1246	63,7

Окончание табл. 1

Телеканал	Количество обследованных эфирных элементов	Имеют возрастную маркировку, абсолютные значения	Имеют возрастную маркировку, в % от количества обследованных эфирных элементов
Россия-Культура	2708	5	0,2
Россия 24	6755	5	0,1
Карусель	4371	32	0,7
ТВ Центр	3429	1109	32,3
Рен ТВ	1292	805	62,3
СТС	1904	1735	91,1
Домашний	1538	1367	88,9
ТВ-3	2211	1784	80,7
Пятница	1368	1366	99,9
Звезда	2675	1020	38,1
Мир	2127	1528	71,8
ТНТ	2448	2064	84,3
Муз ТВ	1417	1414	99,8

Частота встречаемости различных категорий маркировки

Само по себе наличие возрастной маркировки не снимает проблему правильного выставления возрастных ограничений. Поэтому был проведен анализ частоты встречаемости каждой из категорий, определенных в Федеральном законе «Об информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей» № 436-ФЗ, а именно: 0+, 6+, 12+, 16+ и 18+. Анализируются иные варианты маркировки, не предусмотренные законом.

Оказалось, что если телеканалы маркируют свои эфирные элементы, то чаще всего это маркировка «16+» (71,56 % от числа элементов, имеющих маркировку). Далее идут: 12+ (20,03 %), 0+ (5,25 %), 6+ (2,83 %) и 18+ (0,32 %). Обнаружена категория «14+», которая не предусмотрена законом, что следует расценивать как правовое нарушение. Пример такой маркировки находим у телеканала «Мир» — трансляция кинофильма «Идеальная жена» 16 февраля 2018 г. в 00:09.

Как следует из статьи 13 закона, эфирные элементы с возрастной маркировкой «18+» должны располагаться в сетке вещания лишь с 23 часов до 4 часов утра. Анализ данных по 18 обследуемым телеканалам не обнаружил нарушений этого положения.

Табл. 2 дает представление о том, как количественно представлены категории возрастной маркировки в эфирных материалах телеканалов.

Таблица 2

Наличие категорий маркировки на общедоступных федеральных телеканалах

Телеканал	0+	6+	12+	16+	18+	Нет маркировки	Нестандартная маркировка 14+
Первый канал	0	0	116	466	5	1474	0
Россия 1	0	0	501	82	0	1720	0
Матч ТВ	0	7	243	192	0	1789	0
НТВ	0	2	0	868	4	1646	0
Пятый канал	0	0	118	1128	0	711	0
Россия-Культура	0	0	0	4	1	2703	0

Окончание табл. 2

Телеканал	0+	6+	12+	16+	18+	Нет маркировки	Нестандартная маркировка 14+
Россия 24	5	0	0	0	0	6750	0
Карусель	0	0	32	0	0	4339	0
ТВ Центр	0	3	684	422	0	2320	0
Рен ТВ	0	35	17	736	17	487	0
СТС	393	209	236	875	22	169	0
Домашний	0	0	0	1367	0	171	0
ТВ-3	417	136	728	500	3	427	0
Пятница	0	0	69	1295	2	2	0
Звезда	0	0	593	427	0	1655	0
Мир	129	107	231	1060	0	599	1
ТНТ	0	0	22	2038	4	384	0
Муз ТВ	0	9	9	1396	0	3	0

Отметим несколько тенденций. Лишь два телеканала используют весь набор законодательно определенных возрастных категорий маркировки — СТС и ТВ-3. Среднее число используемых категорий на множестве других каналов 2,7. Значит, чаще всего телеканалы используют 2—3 категории возрастной маркировки (если вообще используют). Как было показано выше, это категории «16+», «12+» и «0+». Но есть три канала, которые пользуются только одной категорией: телеканал «Карусель», использующий исключительно маркировку «12+»; телеканал «Домашний», где только маркировка «16+»; телеканал «Россия 24» с единственной категорией маркировки «0+».

Частота встречаемости эфирных материалов с маркировкой «16+» в интервале времени с 7 часов до 21 часа

Одно из ограничений по размещению эфирных элементов касается маркировки «16+». Эфирные элементы, подпадающие под данную категорию, рискуют, согласно статье 13, оказаться в «запретной зоне» — интервале времени с 7 часов до 21 часа. Поэтому важно понять, какие каналы транслируют эфирные элементы с маркировкой «16+» в эти часы.

Оказалось, что на 18 обязательных общедоступных федеральных телеканалах в интервале времени с 7 часов до 21 часа в среднем более четверти эфирных элементов (28,49 %) маркируются знаком «16+».

В табл. 3 приведено общее количество эфирных элементов, начинавшихся в интервале с 7 часов до 21 часа в течение анализируемого периода, а также количество эфирных элементов с маркировкой «16+» в абсолютных значениях и в процентах от первого числа. Что мы видим? На трех телеканалах («Карусель», «Россия Культура», «Россия 24») эфирные элементы с маркировкой «16+» не обнаружены вообще. На четырех телеканалах, напротив, это число превышает 80 % — «Муз ТВ» (97,8 %), «Домашний» (94,3 %), «Пятница» (93,6 %) и ТНТ (83,2 %). Еще у трех каналов это число превышает 50 %, в их числе Пятый канал (64,8 %), СТС (56,3 %) и «Мир» (50,6 %).

Таблица 3

Частота встречаемости эфирных элементов с возрастной маркировкой «16+» в интервале времени с 7 часов до 21 часа на федеральных телеканалах

Канал	Количество обследованных эфирных элементов в интервале 7:00—21:00	Имеют возрастную маркировку «16+», абсолютные значения	Имеют возрастную маркировку «16+» в интервале 7:00—21:00, в % от количества обследованных эфирных элементов
Первый канал	1120	271	24,2
Россия 1	1401	60	4,3
Матч ТВ	1458	102	7,0
НТВ	1658	440	26,5
Пятый канал	1076	697	64,8
Россия-Культура	1704	0	0,0
Россия 24	3900	0	0,0
Карусель	2910	0	0,0
ТВ Центр	1851	217	11,7
Рен ТВ	843	387	45,9
СТС	1084	610	56,3
Домашний	860	811	94,3
ТВ-3	1386	257	18,5
Пятница	780	730	93,6
Звезда	1775	387	21,8
Мир	1271	643	50,6
ТНТ	1658	1379	83,2
Муз ТВ	904	884	97,8

Проведенный анализ приводит к следующим обобщениям.

Обнаружены следующие виды нарушений Федерального закона «Об информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей»:

- отсутствие возрастной маркировки у значительной части эфирных элементов;
- использование категорий возрастной маркировки, не предусмотренной законодательством;
- нарушение ограничений по времени выхода в эфир информационной продукции с маркировкой «16+» в интервале с 7 часов до 21 часа.

В чем причины нарушений? Если исключить вероятные технические ошибки компании-измерителя, то причины кроются, с одной стороны, в отношении телеканалов к закону «Об информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей», и в особенности к умению грамотно маркировать эфирные материалы, а с другой стороны, в несовершенстве самого закона. Доминирование категории «16+», на наш взгляд, в значительной степени связано со стереотипами прошлых времен, когда в СССР и в постсоветской России вся продукция делилась всего лишь на две категории: «до 16 лет» (для детей) и «от 16 лет» (для взрослых). Телевизионное сообщество постоянно обращается к этому стереотипу, пытаясь вернуть его в качестве правовой нормы.

Есть еще один важный момент, на который, вероятно, ни родители юных телезрителей, ни законодатели не обратили должного внимания. Насколько, вообще, эффективна система маркировки? Каким образом на практике это должно рабо-

тать? Чаще всего дети и взрослые смотрят телевизор не вместе. И как родители, если их нет рядом, могут проверить, какого содержания передачи занимают внимание ребенка?

Споры вызывает и то, почему к эфиру допускаются современные мультфильмы, в которых огромное число жаргонизмов и смягченных вариантов ненормативной лексики. Их содержание должно проверяться: то, что демонстрируют юной аудитории, формирует ее предпочтения, взгляды на жизнь. Впрочем, несовершенства закона не дают права телекомпаниям его нарушать. По результатам анализа складывается впечатление, что каналы не видят разницы между отсутствием маркировки и маркировкой «0+».

Так, на «Первом канале» находим значительное количество немаркированных художественных фильмов. Примеры: 1 января 2018 г. без маркировки вышли в эфир: в 12:12 «Служебный роман», в 14:44 «Кавказская пленница», в 16:03 «Иван Васильевич меняет профессию». Есть также множество других примеров. Закон «Об информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей» прямо не регламентирует этот вопрос. С одной стороны, в нем описывается сфера действия закона и перечисляются те отношения, на которые он не распространяется (статья 1, часть 2, пункты 1—4; статья 11, часть 4, пункт 2). Но означает ли сам факт нераспространения закона на определенные случаи, что по перечисленным позициям может не быть маркировки? Или же нужно предусмотреть какой-то особый дополнительный вид маркировки?

Не вполне понятно, почему нет или почти нет возрастной маркировки на информационных телеканалах. Закон освобождает от маркировки прямой эфир: выпуски новостей, общественно-политические ток-шоу в прямом эфире, трансляции общественно-политических событий. Но информационные каналы передают много материалов в записи. Например, на канале «Россия 24» в течение восьми анализируемых недель было 204 выпуска документальных фильмов. Ни один из них не был маркирован.

Особое внимание следует уделять эфирным элементам малых форматов (до 30 секунд), в частности, внутривидеокадровым заставкам, анонсам программ. Рассматриваемый закон их не затрагивает, хотя в эфире их довольно много.

Еще одна причина, по которой происходят нарушения, — нет понимания разницы между понятиями «целевая группа» и «возрастное ограничение». Каналы, ориентированные на молодежную аудиторию, ставят маркировку «16+», информационная продукция может при этом не нести в себе вредные элементы для детей более младшего возраста.

Обратим внимание на другой момент. Дело в том, что многие телеканалы осуществляют трансляцию через Интернет, а значит, любые ограничения теряют смысл на территории Российской Федерации с ее многочисленными часовыми поясами: ночные передачи ряда регионов будут приниматься в дневные часы на других территориях. Возникает ситуация, когда вся информационная продукция, находящаяся в открытом доступе, должна маркироваться с учетом того, что ее могут посмотреть дети до 16 лет. Это означает, что информационная продукция с маркировкой «16+» и «18+» может быть размещена только на ресурсах с ограниченным доступом.

Таким образом, здравая, по сути, идея не работает. Детская и подростковая аудитория защищена только с одной стороны: согласно закону, в телепередачах отсутствуют сцены, где демонстрируется курение и прием запрещенных веществ, ненормативная лексика заглушена. Остальные программы, даже в том случае, если журналисты добросовестно отмечают их возрастной маркировкой, могут смотреть все дети. Возможно, понимая это, сотрудники телеканалов не утруждают себя лишней работой. Играет роль и безнаказанность. В таком случае рассматриваемый нами закон либо необходимо пересмотреть и внести правки, либо нужно признать его неработающим.

© Шариков А.В., Проскурнова Е.Л., Кандакжи Л., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- [1] Безопасность детей в интернете: международный опыт и вызовы для России / под ред. С.А. Грина. М.: Центр изучения интернета и общества; Российская экономическая школа, 2012. 61 с.
- [2] *Ефимова Л.Л., Кочерга С.А.* Информационная безопасность детей: российский и зарубежный опыт. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 239 с.
- [3] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / под ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 608 с.
- [4] *Кобзева С.В.* Сравнительно-правовой анализ регулирования оборота вредной информации в телерадиовещании и кинопрокате // Информационное право. 2010. № 2. С. 8—13.
- [5] *Матвеева Л.В., Ермолаева О.Я.* Роль субъектов медиасообщества в формировании безопасной коммуникации в медиaprостранстве // Образование и развитие личности в современном коммуникативном пространстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, 22—24 сентября 2016 г. / под ред. И.М. Кыштымовой. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2016. С. 154—159.
- [6] *Овчинникова Е.А.* Актуальные изменения в российском законодательстве о СМИ: меры ограничительного характера, направленные на защиту государства, нравственности и семейных ценностей // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 1(40). С. 22—25.
- [7] *Пальцева Е.С.* Возрастная маркировка продукции СМИ: практика применения ч. 2 ст. 13.21 КоАП РФ // Актуальные направления гуманитарных и социально-экономических исследований: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Белгород, 30 марта 2018 г. / под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Белгород: АПНИ, 2018. Ч. 1. С. 147—150.
- [8] *Пристанская О.В., Сальникова О.В.* Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере информационной безопасности несовершеннолетних. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2008. 64 с.
- [9] *Сазонова Е.С., Сулакшин С.С., Хвыля-Олинтер А.И.* Государственная политика защиты нравственности и СМИ. Рабочая книга для законодателя. М.: Наука и политика, 2014. 360 с.
- [10] *Смирнов А.А.* Обеспечение информационной безопасности в условиях виртуализации общества: опыт Европейского Союза. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 196 с.
- [11] *Фатеева И.А.* Возрастная маркировка медиапродукции как актуальная компетенция работника СМИ // Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / сост.

- О.Ф. Автохудинова. Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2017. С. 83—85.
- [12] Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» № 436-ФЗ // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (дата обращения: 16.07.2018).
- [13] Федеральный закон «О средствах массовой информации» // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 16.07.2018).
- [14] Шариков А.В. 12 «зол» телевидения и задачи медиаобразования // Медиаобразование. 2005. № 6. С. 39—48.
- [15] Шариков А.В. Телевидение и общество: нравственный конфликт // Художественная культура. 2013. № 3. URL: <http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2013-3/sotsialnaya-filosofiya-i-sotsiologiya/849.html> (дата обращения: 07.07.2018).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 сентября 2018

Дата принятия к печати: 30 сентября 2018

Для цитирования:

Шариков А.В., Проскурнова Е.Л., Кандакжи Л. Проблемы возрастной маркировки на российских телеканалах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 4. С. 428—440. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-428-440

Сведения об авторах:

Шариков Александр Вячеславович, профессор департамента медиа, факультет коммуникаций, медиа и дизайна Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», академический руководитель магистерской программы «Менеджмент в СМИ». Контактная информация: e-mail: asharikov@hse.ru

Проскурнова Евгения Леонидовна, специальный корреспондент телеканала «ТВ Центр». Контактная информация: e-mail: karikh.el@gmail.com

Кандакжи Лина, ассистент кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов. Контактная информация: e-mail: kandakzhi@gmail.com

Issues of content rating system on Russian TV channels

A.V. Sharikov¹, E.L. Proskurnova², L. Kandakzhi²

¹ National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation

² Peoples' Friendship University of Russia
10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

The article presents the results of an empirical study conducted in January—February 2018, aimed to reveal how Russian television channels are implementing the requirements of the law “On Protection of Children against Information Detrimental to Their Health and Development”. We conducted a review of more than 45,000 broadcasting elements (TV programs, movies, serials, cartoons, etc.), which

were aired in early 2018. It turned out that more than half of them did not have any age rating information; also TV channels often used the “16+” mark, although broadcasting elements with it in the interval from 7 AM to 21 PM is a violation of the law; while broadcasting programs rated as “18+” was without any violations. The obtained results allow us to draw a conclusion that this law needs to be improved and the professional training should be held for its competent use in the broadcasting.

Keywords: content rating, TV channel, TV program, audience

References

- [1] Grin S.A. (ed.). *Bezopasnost' detej v internete: mezhdunarodnyj opyt i vyzovy dlja Rossii* [Child safety on the Internet: international experience and challenges for Russia]. Moscow: Centr izuchenija interneta i obshhestva; Rossijskaja jekonomicheskaja shkola, 2012. 61 p.
- [2] Efimova L.L., Kocherga S.A. *Informacionnaja bezopasnost' detej: rossijskij i zarubezhnyj opyt* [Information security of children: Russian and foreign experience]. Moscow: JuNITI-DANA, 2013. 239 p.
- [3] Kastel's M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Shkaratan O.I. (ed.). Moscow: GU-VShJe, 2000. 608 p.
- [4] Kobzeva S.V. *Sravnitel'no-pravovoj analiz regulirovanija oborota vrednoj informacii v teleradioveshhanii i kinoproekte* [Comparative-law Analysis of Regulation of Turnover of Destructive Information in TV and Radio Broadcasting and Film Distribution]. *Informacionnoe parvo*. 2010. No. 2: 8–13.
- [5] Matveeva L.V., Ermolaeva O.Ja. *Rol' subktov mediasoobshhestva v formirovanii bezopasnoj kommunikacii v mediaprostranstve* [The role of the Media community in the formation of secure communications in the media]. In: Kyshtymovoj I.M. (ed.). *Obrazovanie i razvitie lichnosti v sovremennom kommunikativnom prostranstve. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. 2016. 22–24 September, Irkutsk. Irkutsk: Irkutskij gosudarstvennyj universitet, 2016. Pp. 154–159.
- [6] Ovchinnikova E.A. *Aktual'nye izmenenija v rossijskom zakonodatel'stve o SMI: mery ogranichitel'nogo haraktera, napravlennye na zashhitu gosudarstva, npravstvennosti i semejnyh cennostej* [Actual modifications of the Russian mass media legislation: Restrictive arrangements directed at the defense of state, morality and family merits]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*. 2016. No. 1(40): 22–25.
- [7] Pal'ceva E.S. *Vozrastnaja markirovka produkcii SMI: praktika primenenija ch. 2 st. 13.21 KoAP RF* [Age marking of mass media products: practice of Part 2 St. 13.21 RF Administrative Code]. In: Tkachevoj E.P. (ed.). *Aktual'nye napravlenija gumanitarnyh i social'no-jekonomicheskikh issledovanij: Sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii*. 2018. 30 March, Belgorod. Belgorod: APNI, 2018. Part. 1. Pp. 147–150.
- [8] Pristanskaja O.V., Sal'nikova O.V. *Prokurorskij nadzor za ispolnieniem zakonodatel'stva v sfere informacionnoj bezopasnosti nesovershennoletnih* [Prosecutorial supervision over the implementation of legislation in the field of information security of minors]. Moscow: Akademiya General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2008. 64 p.
- [9] Sazonova E.S., Sulakshin S.S., Hvylja-Olinter A.I. *Gosudarstvennaja politika zashhity npravstvennosti i SMI. Rabochaja kniga dlja zakonodatelja* [State policy for the protection of morality and the media. Working book for legislator]. Moscow: Nauka i politika, 2014. 360 p.
- [10] Smirnov A.A. *Obespechenie informacionnoj bezopasnosti v uslovijah virtualizacii obshhestva: opyt Evropejskogo Sojuza* [Information security in the context of society virtualization: the experience of the European Union]. Moscow: JuNITI-DANA, 2012. 196 p.
- [11] Fateeva I.A. *Vozrastnaja markirovka mediaprodukcii kak aktual'naja kompetencija rabotnika SMI // Professional'naja kul'tura zhurnalista cifrovoj jepohi* [Age Labeling of Media Products as an Actual Competence of Media Workers]. In: Avtohutdinova O.F. (ed.). *Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. Ekaterinburg: Ural'skij Federal'nyj universitet im. Pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina, 2017. P. 83–85.

- [12] Federal'nyj zakon "O zashhite detej ot informacii, prichinjajushhej vred ih zdorov'ju i razvitiju" № 436-FZ [Federal law "On protection of children from information harmful to their health and development"]. Oficial'nyj sajt kompanii "Konsul'tantPljus". Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (accessed: 16.07.2018).
- [13] Federal'nyj zakon "O sredstvah massovoj informacii" [Federal law "on mass media"]. Oficial'nyj sajt kompanii "Konsul'tantPljus". Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (accessed: 16.07.2018).
- [14] Sharikov A.V. 12 "zol" televidenija i zadachi mediaobrazovanija [the 12 evils of television and the tasks of media education]. *Mediaobrazovanie*. 2005. No. 6: 39—48.
- [15] Sharikov A.V. Televidenie i obshhestvo: нравstvennyj konflikt [Television and society: moral conflict]. *Hudozhestvennaja kul'tura* [serial online]. 2013. No. 3. Available from: <http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2013-3/sotsialnaya-filosofiya-i-sotsiologiya/849.html> (accessed: 07.07.2018).

Article history:

Received: 20 October 2018

Revised: 26 October 2018

Accepted: 30 October 2018

For citation:

Sharikov A.V., Proskurnova E.L., Kandakzhi L. (2018). Issues of content rating system on Russian TV channels. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23(4), 428—440. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-428-440

Bio Note:

Sharikov Alexander Vyacheslavovich, Professor of the Media Department of the Communications, Media and Design Department of the National Research University "Higher School of Economics", the academic supervisor of the master program "Media Management". *Contacts:* e-mail: asharikov@hse.ru

Proskurnova Evgeniya Leonidovna, special reporter of TVC Channel. *Contacts:* e-mail: karikh.el@gmail.com

Kandakzhi Lina, assistant of the Department of Mass Communications, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). *Contacts:* e-mail: kandakzhi@gmail.com

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-441-452

УДК 316.77

Тематические доминанты телешоу «Пусть говорят»

Л.О. Алгави, И.И. Волкова, Ш.Н. Кадырова, Н.Е. Расторгуева

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

В статье представлены результаты семантико-тематического анализа выпусков телевизионного ток-шоу «Пусть говорят» (сезон 2017 г.). Цель — выявить реальные ценностные предпочтения создателей и участников самой рейтинговой развлекательной программы Первого канала. Актуальность исследования объясняется следующими обстоятельствами: в современной России именно федеральное телевидение обеспечивает массовое воспроизводство социально значимых образцов мышления и поведения граждан, стремится объединить общество на основе единых ценностей. Если программа «Пусть говорят», согласно своим установкам, выносит на обсуждение частные проблемы, которые волнуют всех без исключения россиян, есть резон обнаружить и осмыслить эти явные и косвенные проблемы, используя метод контент-анализа. Авторы предположили, что системообразующим ценностным понятием может оказаться *семья* в ее традиционном смысле. В результате изучения стенограмм всех эпизодов шоу 2017 г. гипотеза нашла подтверждение, также было обнаружено, что самыми употребляемыми в ток-шоу «Пусть говорят» стали слова «ребенок», «дети». При этом выявлен ценностный парадокс: «ребенок», оставаясь важным элементом нарратива, по сути, играет роль «макгаффина» (термин А. Хичкока): сам по себе ребенок не важен, но все хотят им обладать, он — инструмент достижения цели и главная причина конфликта между персонажами.

Ключевые слова: телевизионное шоу, ток-шоу, «Пусть говорят», ценностные ориентации, ключевые темы, тематические доминанты, семейные ценности, ребенок-макгаффин

Согласно данным ВЦИОМ (опрос 2017 г.), лидером в рейтинге доверия СМИ является центральное (федеральное) телевидение, ему доверяют семь из десяти россиян [1]. И если для граждан России ТВ — главный источник информации о событиях внутри страны и в мире, то для социологов и филологов аудиовизуальные телетексты — богатый эмпирический материал для анализа механизмов телевизионного фреймирования. Популярные телепередачи выступают инструментом круговорота-трансляции смыслов — ТВ предлагает темы для обсуждения, декларирует и актуализирует ценности, аудитория воспроизводит их и модифицирует, затем они многократно отражаются в новостях и ток-шоу, и снова уходят в заэфирное пространство. Чем выше популярность телепрограммы, тем выше ее релевантность для массового зрителя, чем дольше программа остается в эфире, тем точнее (в динамике) можно проследить трансформацию общественных настроений. Получается, что самая рейтинговая телепрограмма наиболее точно фиксирует общественно значимые темы, превращаясь в своеобразное зеркало общества, энциклопедию русской жизни.

В середине XIX в. В.Г. Белинский назвал роман в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина «энциклопедией русской жизни»: истинной, верной и полной картиной «русского общества в одном из фазисов его образования, его развития» [2], поскольку он отражает как мужскую (в лице главных мужских персонажей) сторону русской жизни, так и женскую (главные героини романа). В настоящее время *самая рейтинговая телепрограмма* может рассматриваться в этом качестве, поскольку именно она способна дать (по Белинскому) полное и верное представление о российском обществе на определенном этапе его развития, отразив преобладающие жизненные ценности обоих полов. Логичным будет рассмотреть в качестве кандидата на роль энциклопедии русской жизни одно из телевизионных ток-шоу (общественно-политическое или развлекательное), поскольку эта категория программ, судя по социологическим опросам, наиболее востребована зрителями.

Среди российских исследователей (теоретиков журналистики и коммуникативистов) формат телевизионного ток-шоу впервые концептуализировал Г.В. Кузнецов [3. С. 29—51], системно рассмотрела возможности и манипулятивные эффекты ток-шоу Э.В. Могилевская [4], как разновидность публицистики трактовали ток-шоу Р.А. Борецкий и В.Л. Цвик [5; 6], игровую составляющую формата изучал С.Н. Ильченко [7. С. 247], создали типологию и проанализировали существенные характеристики ток-шоу П.В. Гуленко и Ю.И. Долгова [8. С. 107]. Отечественные специалисты по лингвистическому анализу, которые могли бы исследовать тематику телетекста с использованием алгоритмизированных методов, пока не проявили интерес к ток-шоу. Поэтому представленное в данной статье исследование можно квалифицировать как новаторское с точки зрения цели, эмпирики и методов исследования.

В декабре 2017 г. методом телефонного интервью был проведен опрос (ВЦИОМ) россиян в возрасте от 18 лет. Цель — выявить самые популярные телепередачи. Три первых места заняли ток-шоу. На первом месте — ток-шоу Первого канала «Пусть говорят» (13 %), на втором — ток-шоу «60 минут» телеканала «Россия 1» (7 %), на третьем (6 %) — ток-шоу «Время покажет» (Первый канал) и «Прямой эфир» (Россия 1) [9].

Итак, в качестве энциклопедии русской жизни авторами рассмотрено развлекательное ток-шоу «Пусть говорят», которое транслируется на федеральном государственном канале с 2001 г. В основу его программной концепции было положено «Шоу Джерри Спрингера» (NBC, США), ставшее популярным благодаря обсуждению «скольких» тем, таких, например, как проституция и супружеские измены [10]. Со времени первого выхода в эфир российская передача несколько раз меняла название и корректировала вещательную концепцию. В 2017 г. «Пусть говорят» — абсолютный лидер Первого канала (см. таблицу), транслируется в прайм-тайм четыре раза в неделю перед главным информационным выпуском страны — программой «Время». Слоган «Пусть говорят» — «В этой студии обсуждают истории, о которых невозможно молчать: вынося на обсуждение частную проблему отдельного человека, отдельной семьи, мы говорим о том, что волнует всех без исключения» [11]. Таким образом, шоу «Пусть говорят» является современной энциклопедией русской жизни, важнейшим эмпирическим источником

для формирования представлений о состоянии российского общества, о проблемах, которые волнуют россиян, или которые им пытаются навязать.

Таблица

Еженедельный рейтинг программы «Пусть говорят» среди развлекательных программ (исследовательская компания «Медиаскоп»)

Дата выхода	Место в рейтинге	Рейтинг, %	Доля, %	Дата выхода	Место в рейтинге	Рейтинг, %	Доля, %
05.01.2017	4	4,60	12,90	10.07.2017	1	5,20	18,10
09.01.2017	1	6,80	18,30	17.07.2017	1	4,60	16,00
17.01.2017	2	6,40	17,70	24.07.2017	1	4,90	17,40
25.01.2017	1	6,70	18,60	31.07.2017	1	4,50	15,90
31.01.2017	1	6,30	17,60	08.08.2017	1	4,70	16,80
07.02.2017	2	6,10	16,60	14.08.2017	1	6,10	21,00
16.02.2017	3	6,20	17,20	24.08.2017	2	4,50	14,90
20.02.2017	3	7,10	19,60	29.08.2017	5	4,30	13,80
06.03.2017	2	6,00	16,90	06.09.2017	4	4,70	14,50
14.03.2017	3	6,10	17,30	11.09.2017	5	4,30	12,90
23.03.2017	3	6,10	17,20	21.09.2017	3	4,90	15,60
27.03.2017	3	6,40	17,50	28.09.2017	4	5,10	15,20
04.04.2017	2	5,80	16,50	05.10.2017	3	5,50	16,30
10.04.2017	3	5,50	15,70	09.10.2017	3	6,00	17,20
18.04.2017	2	5,60	16,50	19.10.2017	2	6,10	17,70
26.04.2017	1	6,20	18,10	23.10.2017	2	6,00	16,80
03.05.2017	1	6,20	19,20	01.11.2017	2	5,80	16,70
11.05.2017	3	5,20	15,80	07.11.2017	2	5,80	16,30
15.05.2017	2	4,80	14,90	13.11.2017	2	6,20	17,80
22.05.2017	2	4,80	15,00	20.11.2017	1	7,20	20,40
01.06.2017	2	4,70	15,20	29.11.2017	1	6,40	18,20
06.06.2017	1	5,30	17,10	04.12.2017	1	7,90	22,30
14.06.2017	1	4,70	15,90	12.12.2017	2	5,60	16,70
27.06.2017	1	5,20	18,20	19.12.2017	2	6,20	18,10
04.07.2017	1	4,70	16,40	25.12.2017	4	6,40	18,70

В исследовании авторы исходили из того, что публичные скандалы, которыми славится «Пусть говорят», любое эмоциональное обсуждение с участием большого количества людей в студии и за экраном — это ценный социологический материал. «Эмоционально-заряженное публичное обсуждение никогда не бывает на пустом месте. Не в том смысле, что дыма без огня не бывает. Сам факт, обсуждаемый, мог никогда не существовать, но если люди вовлекаются душой в какую-то дискуссию, значит, есть некая проблема, которую под разнообразными псевдонимами они обсуждают. Псевдонимы могут быть любыми, но проблема всегда будет подлинной» [12].

Чтобы выяснить подлинные проблемы и обозначить реальные темы обсуждения, авторы прибегли к контент-анализу и выявлению скрытых тем [13]. Иссле-

дование проводилось в два этапа. Сначала были выделены семантические ядра стенограмм каждого эпизода (фрагмента) шоу за 2017 г., затем они были сведены в единую таблицу (с помощью программы Advego). Таким образом была проведена квантификация представленности микротем, которая позволила выявить, насколько они популярны. На втором этапе были отобраны наиболее актуальные микротемы и сгруппированы в отдельные блоки — более крупные темы. В результате был получен ответ на вопрос, какие же проблемы на самом деле «волнуют всех без исключения»: производителей программы, вещателей, экспертов и гостей в студии и, судя по рейтингам, телезрителей.

Анализ практического материала показал, что главной темой программы является семья в ее традиционном понимании. Концепт «семья» многокомпонентен. Первые три места по количеству упоминаний занимают слова «ребенок/дети» (4360), «мама (мать)» (2285), «папа (отец)» (1860) и «семья» (1455). Отметим, что семейные ценности для большинства телезрителей понятны и универсальны: аудитория получает возможность идентифицировать себя с героями, установить с ними эмоциональную связь.

Цифры свидетельствуют, что самое большое значение для аудитории «Пусть говорят» имеет кровное родство. Существительные, указывающие на кровнородственные отношения, например, «мама (мать)», «папа (отец)», «сын» (1040), «дочь/дочка» (1113), «родитель» (586), «бабушка» (438), «сестра» (340), «брат» (265), «дедушка» (131), «ДНК» (257) используются в пять раз чаще, чем существительные, означающие брачные отношения: «жена» (718), «муж» (575), «брак» (251), «супруг/супруга» (209), «свадьба» (168), «развод» (155). Слово «жена» употребляется в 105 эпизодах сезона 2017, слово «мама» в 151. Ни в первый, ни во второй ряд авторы не включили семантически близкие им слова: «любовь» (569), «мужчина» (670), «женщина» (1183), «отношение» (800), «мальчик» (462), «девочка» (625), «подруга» (220).

Семейным отношениям в той или иной форме посвящено подавляющее большинство передач годового цикла (185 программ). Первое место в недельном рейтинге развлекательных программ в разное время занимали «Тайны Спартака Мишулина: что скажет тест ДНК» (20.11.2017), «Детство снова жжот» (смешные ролики в интернете, героями которых были дети, 08.08.2017), «Звездный беби-бум 2017» (31.07.2017), «Денис Вороненков жив? Киллер для киллера: о чем молчит Максакова?» (27.06.2017), «Красавица и чудовище: исповедь кинозвезды. Секреты личной жизни Владимира Басова» (24.07.2017), «Посмертная история “пьяного мальчика”: будет ли реабилитирован Алеша Шимко?» (17.07.2017), «Отвергнутые: откровения бывших невесток кинозвезд» (04.07.2017), «Папа жжот» (смешные ролики в интернете, героями которых были папы, 03.05.2017).

Важность института семьи для россиян подтверждают результаты исследования ВЦИОМ, опубликованные 17 июня 2017 г. Среди жизненных ценностей россиян индекс важности категории «отношения в семье» составляет 98 пунктов (при возможном диапазоне от минус 100 до плюс 100) [14].

Как правило, все остальные темы в какой-то мере связаны с семейными ценностями. Например, тема *материального благополучия*. Сводные данные по тер-

минам в рамках этой конструкции выглядят следующим образом: «деньги» (825), «квартира» (867), «машина/автомобиль» (421), «наследство» (111), «счет (банковский)» (122). Косвенным образом с данным концептом соотносятся: «миллион» (410), «состояние» (369), «вещи/вещь» (348), «рубль» (224), «завещание» (101), «получать» (136), «счет» (119), «подарить» (119) и т. д. Первое место в недельном рейтинге (см. таблицу) заняли следующие выпуски: «Наследие Мишулина: сын или не сын?» (04.12.2017), «Развод года: Виталина беременна?» (29.11.2017), «Вся правда о скандальном разводе Тимати» (25.01.2017).

Деньги (вторая тема из серии *семейных ценностей*) представлены в основном как зло, как источник постоянных внутрисемейных конфликтов. В статье «Отражение базисных ценностей современного российского общества в концептуальной и языковой картинах мира» Н.В. Черникова указала, что подобное отношение к деньгам характерно для советского периода, а также для русской культуры XIX — начала XX в., где «сохранялась метафорическая характеристика денег: *деньги — зло, деньги — разложение, деньги — грязь, деньги — хаос*» [15. С. 182]. При этом у буржуазной субкультуры было свое представление о деньгах: «*деньги — совесть, деньги — ум, деньги — честь*» [15. С. 183]. Авторы комплексного исследования «Язык вражды в российских СМИ: мониторинг и общественные действия» среди наиболее общих характеристик современной культуры межличностных отношений также называют «недоверие к материальному благополучию, зависть к богатым». «Проникновение в Россию во второй половине XIX в. социалистических учений лишь помогло артикуляции народного неприятия богатства, частной собственности (а заодно и прав личности, противопоставляющей себя большинству) и многих других, естественных для западной цивилизации ценностей. <...> И сегодня многие полагают, что бедным быть, в принципе, “нормально”. Т.е. речь снова идет о постоянном стремлении быть среди “своих”, но в качестве своих предпочтительнее “бедные”» [16].

Еще одно направление, имеющее непосредственную связь с концептом «семья», — это *здоровье*. По данным ВЦИОМ, на первом месте по степени важности для россиян стоит здоровье (99 пунктов), на втором — семья [14]. При изучении текстов «Пусть говорят» была обнаружена трансформация темы «здоровье» (165) в тему «лечение и возможности современной медицины». В дискуссиях программы ее отражают такие слова, как «врач/доктор» (404), «больница» (301), «лечение» (159), «клиника» (153), «роддом» (50). Среди других слов отмечены: «кровь» (322), «ДНК» (257), «рождение» (210), «операция» (163), «сердце» (119), «анализ» (130), «возраст» (123), «болезнь» (111), «ощущение» (101) и т.п. Поскольку передачи, в которых говорится о лечении и медицине, по преимуществу связаны с тяжелыми заболеваниями, сюда же была отнесена и тема *смерти* (330), которая представлена, например, такими словами, как «убийство» (153), «тело» (142), «труп» (101).

Четвертая тема — *театр/перформанс*. Название данной категории условно, речь идет не о театре как виде искусства, а о закулисных интригах: незаконнорожденных детях актеров и певцов, их борьбе за наследство, любовниках и любовницах представителей российского шоу-бизнеса. Во второй половине года наметилась тенденция: героями передачи чаще, чем прежде, становились звезды российско-

го шоу-бизнеса. Преобладание термина «театр» (563), давшего название тематической группе, связано с громким бракоразводным процессом: популярный актер делил имущество (в том числе, театр, носящий его имя) с молодой женой.

К данному терминологическому комплексу также относятся слова: «артист/актер» (695), «звезда» (205). К условно специальным глаголам отнесены также: «играть» (302), «спектакль» (148), «петь» (158), «снять/снимать» (330), «поставить» (190). Лидирующие позиции в рейтинге за неделю (см. таблицу) у программ «Главная интрига раскрыта» (о результатах ДНК сына артиста Спартака Мишулина, 04.12.2017), «Развод года: Виталина беременна?» (о разводе артиста Армена Джигарханяна, 29.11.2017), «Тайны Спартака Мишулина: что расскажет тест ДНК» (20.11.2017), «Звездный беби-бум 2017» (31.07.2017), «Красавица и чудовище: исповедь кинозвезды. Секреты личной жизни Владимира Басова» (24.07.2017), «Оливер Стоун: как звучит голос Путина. Оливер Стоун: интервью с Путиным похоже на игру в шахматы» (10.07.2017), «Отвергнутые: откровения бывших невесток кинозвезд» (04.07.2017), «Денис Вороненков жив? Киллер для киллера: о чем молчит Максакова?» (27.06.2017), «Панический ужас: Алексей Панин вновь в центре скандала» (14.06.2017), «Сердце Данки: Дана Борисова наркоманка?» (26.04.2017), «Вся правда о скандальном разводе Тимати» (25.01.2017), «Звездный беби-бум 2016» (09.01.2017).

Пятую группу терминов, концептуально связанных с *семьей* и *семейными отношениями*, можно объединить в общую категорию *закон и порядок*. В уже упомянутой выше работе отмечается, что основной состав базисных ценностей в современной России не меняется, законность и порядок по-прежнему входят в их число. «Порядок — это символ благосостояния общества. Однако эта тема по-разному понимается россиянами, имеет множество субъективных толкований, зависящих от личного опыта, сферы деятельности человека» [15. С. 181]. По числу упоминаний в рамках дискуссии на «Пусть говорят» первые места занимают такие термины: «суд» (462), «эксперт» (252), «адвокат» (250), «полиция» (198), «закон» (182), «опека» (136), «порядок» (113), «судебный» (106).

Здесь исследователям было сложнее определиться с передачами—лидерами рейтинга, поскольку в большинстве сюжетов персонажи, в той или иной мере, требуют восстановления «порядка» и соблюдения «законности» в отношении себя. И герои, и участники программы действительно не однозначно толкуют термины «закон», «законность», «право», «справедливость» и «порядок» [16]. При этом каждого из них в студию приводят собственные побудительные мотивы и обстоятельства, отсюда и разные представления об идеальном «порядке» и методах его достижения. В связи с этим мы выделим лишь две программы, где речь действительно идет о правонарушении с точки зрения действующего законодательства РФ и адекватности принимаемых мер, как со стороны властей, так и участников событий. «В разгар вечеринки» от 31.01.2017 г. — первая из цикла передач о ставшей впоследствии скандально знаменитой Диане Шурыгиной. «Посмертная история “пьяного мальчика”»: будет ли реабилитирован Алеша Шимко?» от 17.07.2017 — очередная передача о погибшем мальчике, в посмертном анализе крови которого обнаружен алкоголь. Необходимо отметить, что, несмотря на

очевидную несхожесть данных выпусков, их героев объединяли декларируемые цели: требование законности и защита интересов и репутации семьи.

Результаты контент-анализа программы подтвердили гипотезу о преобладании концепта «семья» в качестве предмета обсуждения участников программы, слова «ребенок» и «дети» стали самыми употребляемыми в шоу «Пусть говорят» в сезоне 2017 г. Однако при этом была обнаружена проблемная ситуация. Логичным было предположить, что следующими по популярности будут такие термины, как «образование», «обучение» и «воспитание». Но, это не так: «воспитание» упоминается всего 51 раз, «воспитать» — 49, «воспитывать» — 79, «вырасти» — 71, «вырастить» — 39, «выучить» — 9, «научить» — 29, «научиться» — 9, «училище» — 14, «учитель» — 48, «учительница» — 41, «учить» — 74, «учиться» — 116.

Тематический анализ выявил всего три программы по заявленным направлениям. Отчасти эти проблемы, рассмотренные в контексте домашнего насилия, нашли отражение в программе «Дурное воспитание: школьная учительница избивала ребенка» (15.09.2017). При этом характер подачи материала — шок-контент, поэтому дискуссия циркулирует вокруг конкретного случая, а аудитория не готова рассматривать ситуацию как проявление системного кризиса.

Похожая ситуация в передаче под названием «Я пришел сюда сдохнуть»: девятиклассник заранее спланировал атаку на школу в Ивanteeвке» (05.09.2017). Терминологически тема школы представлена широко. Однако, как и в первом примере, присутствует «шок-репортажность» в освещении единичного события, без анализа проблемы в комплексе. Похожие ситуации можно обнаружить и в современных российских художественных фильмах о школе [17].

В столь же полном соответствии своему формату и функциям телепрограмма затрагивает и проблему общего падения качества образования в обществе, рассматривая ее на примере популярного в Сети ролика, где студентам вузов предлагалось ответить на несложные вопросы по истории российской культуры. Одна из респонденток обвинила создателей ролика в том, что видео было некорректно смонтировано («В каком веке родился Пушкин», 04.04.2017).

В отдельных случаях дети могут служить инструментом получения материальных благ. Этому посвящен ряд программ, посвященных необходимости установления отцовства посредством экспертизы ДНК. Интересы ребенка представляет мать, обычно имеющая плохое имущественное и финансовое положение, а претензии предъявляются мужчинам с высоким социальным статусом либо (в случае их смерти) наследникам (программа «Битва за миллионы: суд признал нового наследника Бориса Немцова», 07.09.2017). Дети выдвигаются и как аргумент в пользу присуждения жизненных предпочтений в многочисленных конфликтах между бывшими супругами — представителями современного российского шоу-бизнеса («Развод со свекровью: ультиматум великой Татьяне Васильевой», 06.09.2017 и др.). Попытку Тимура Еремеева доказать, что его отцом был покойный Спартак Мишулин (факт осознания себя как ребенка знаменитого отца), некоторые участники программы расценивают как стремление повысить собственный статус («Маленькая трагедия большого дома. Был ли у Спартака Мишулина тайный сын?», 05.10.2017 и др.). В ответах оппонентам Т. Еремеев более иррационален и оперирует в основном понятиями из категории «кровное родство».

Итак, семантико-тематический анализ выявил тематические доминанты программы, которые совпадают с декларируемыми ценностями социума (семья, дети). Однако, судя по результатам исследования, российское общество, воспринимая детей в семье как главную ценность, не интересуется их развитием, хотя и пассивно признает необходимость и важность образования и воспитания. Ребенок становится неким «самоценным фактом». Здесь уместна аналогия с популярным явлением в мировом кинематографе, для которого известный режиссер Альфред Хичкок изобрел специальный термин «макгаффин» (macguffin). «Это предмет, который необходимо заполучить, если угодно — секретные бумаги, за которыми [в фильме] охотятся шпионы... Для меня, рассказчика, [конкретный] макгаффин никакой важности не несет... Важно лишь одно — показать, что эти чертежи, планы, документы являются вопросом жизни и смерти для персонажей... Для кинематографиста процесс важнее результата — важно то, что делают и говорят персонажи в погоне за предметом, а не сам предмет» [18. С. 138]. Философ, теоретик культуры М. Долар так формулирует характер этого явления: «Макгаффины означают только то, что они означают, они означают означивание как таковое, действительное их содержание не имеет значения. Они одновременно находятся в самом центре действия и совершенно не имеют к нему никакого отношения» [19. С. 45]. Следует отметить побочное наблюдение (пока не подтвержденное цифрами), которое выявил анализ программы «Пусть говорят»: в подавляющем большинстве случаев роль инициатора конфликта (или его катализатора) принадлежит женщинам.

Дальнейшее изучение самой популярной отечественной телепрограммы федерального эфира позволит отследить ценностные изменения социокультурной матрицы России и сопоставить выводы контент-анализа с данными социологических опросов.

© Алгави Л.О., Волкова И.И.,
Кадырова Ш.Н., Расторгуева Н.Е., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- [1] ТВ, Интернет, газеты, радио: доверяй, но проверяй? // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115679> (дата обращения: 30.08.2018).
- [2] *Белинский В.Г.* Сочинения Александра Пушкина. Статья девятая // Библиотека Максима Мошкова. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0200.shtml (дата обращения: 30.08.2018).
- [3] *Кузнецов Г.В.* Так работают журналисты ТВ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 224 с.
- [4] *Могилевская Э.В.* Ток-шоу как жанр ТВ: происхождение, разновидности, приемы манипулирования // Relga. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/%20Main?textid=1114&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 30.08.2018).
- [5] *Борецкий Р.А., Цвик В.Л.* Жанры телевизионной журналистики // Телевизионная журналистика. М.: Изд-во Моск. ун-та; Наука, 2005. С. 195—196.
- [6] *Цвик В.Л.* Телевизионная журналистика: теория, история, практика. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 254—258.

- [7] *Ильченко С.Н.* Трансформация жанровой структуры современного отечественного телеконтента: актуализация игровой природы телевидения: дис. ... д-ра фил. наук. М., 2012. 364 с.
- [8] *Гуленко П.В., Долгова Ю.И.* Проблемы классификации современных телепередач: существенные характеристики формата «ток-шоу» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 3. С. 102–110.
- [9] ВЦИОМ назвал самые популярные телепередачи 2017 года у россиян // Телеспутник. 22.12.2017. URL: <http://www.telesputnik.ru/materials/tsifrovoye-televidenie/news/vtsiom-nazval-samyepopulyarnye-teleperedachi-2017-goda-u-rossiyan/> (дата обращения: 30.08.2018).
- [10] *Lunt P., Stenner P.* The Jerry Springer Show as an emotional public sphere // *Media, Culture & Society*. 2005. Vol. 27. Issue 1. Pp. 59–81.
- [11] Пусть говорят // Первый канал. URL: <https://www.1tv.ru/shows/pust-govoryat> (дата обращения: 30.08.2018).
- [12] *Шульман Е.М.* Сказка о рыбаке и рыбке: скандал как отражение меняющейся социальной нормы // Екатерина Шульман. Youtube Channel. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yTSCIJAmrWc> (дата обращения: 3.09.2018).
- [13] *Boyatzis R.E.* Transforming qualitative information: thematic analysis and code development. California: Sage Publications, 1998. 184 p.
- [14] Жизненные приоритеты россиян: семья, деньги или творчество? // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116264> (дата обращения: 30.08.2018).
- [15] *Черникова Н.В.* Отражение базисных ценностей современного российского общества в концептуальной и языковой картинах мира // Ученые записки Тамбовского регионального отделения Российского союза молодых ученых. Вып. 2: Перспективы развития научного знания в XXI веке: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 175–183.
- [16] Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / сост. А.М. Верховский. М.: ООО «Центр “Панорама”», 2002. 200 с.
- [17] *Fedorov A.* et al. Directions, goals, tasks, author’s concepts of audiovisual media interpretations of the topic of the school and university in the Russian cinema (1992–2017) // Научная электронная библиотека «Киберленинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/directions-goals-tasks-authors-concepts-of-audiovisual-media-interpretations-of-the-topic-of-the-school-and-university-in-the-russian-cinema> (дата обращения: 30.08.2018).
- [18] *Francois Truffaut.* Hitchcock. London: Faber & Faber, 2017. 368 p.
- [19] *Dolar M.* Hitchcock’s objects // Everything You Always Wanted to Know about Lacan (But Were Afraid to Ask Hitchcock) / eds. S. Žižek [et al.]. London; NewYork: Verso, 1992. 279 p.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 сентября 2018

Дата принятия к печати: 30 сентября 2018

Для цитирования:

Алгави Л.О., Волкова И.И., Кадырова Ш.Н., Расторгуева Н.Е. Тематические доминанты телешоу «Пусть говорят» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 4. С. 441–452. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-441-452

Сведения об авторах:

Алгави Лейла Омаровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики филологического факультета Российского университета дружбы народов.
Контактная информация: e-mail: algawy@hotmail.com

Волкова Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов. *Контактная информация:* e-mail: irma-irma@list.ru

Кадырова Шуанат Набиевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории журналистики филологического факультета Российского университета дружбы народов. *Контактная информация:* e-mail: skadyrova@yandex.ru

Расторгуева Наталья Евгеньевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории журналистики филологического факультета Российского университета дружбы народов. *Контактная информация:* e-mail: rastorgueva_ne@pfur.ru

The key topics of TV show “Let them talk”

L.O. Algavi, I.I. Volkova, S.N. Kadirova, N.E. Rastorgueva

Peoples' Friendship University of Russia
10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

The article presents the results of the thematic analysis of the TV talk show “Let them talk” (within the season 2017) — the highest rated program of the First Channel. The main goal is to identify the real values promoted by its creators and participants to the public. The relevance of the study is explained by the fact that the federal television in modern Russia reproduces the socially significant patterns of thinking and behavior of citizens in an attempt to unite society on the basis of common values. If the program “Let them talk”, according to its authors’ attitudes, brings to discussion the sensible subjects for “all of the Russians without exception”, there is a reason to discover and comprehend the explicit and implicit subjects using the content analysis and thematic analysis. As a result of our analysis we identified the values’ paradox: though the word “child” was the most mentioned in season 2017 the narrative role attributed to the children in the TV-show in question is to be “Me Guffin” (A. Hitchcock’s terminology). The substance of the above-mentioned paradox is that the child itself is important only as a tool for achieving the goal and at the same time the child is often the reason of conflicts between the show participants.

The main results of the study were presented in english as a paper “Let Them Talk as Encyclopedia of Russian Life: Latent Accused Questions on Russian Television (2017)” for the the Eighth International Scientific and Practical Conference “Modern problems of linguistics and didactics: Interdisciplinary approach in the humanities and social sciences”.

Keywords: Let Them Talk (talk show), social value orientation, the key topics, the dominant themes, McGuffin

References

- [1] TV, Internet, gazety, radio: doveryaj, no proveryaj? [TV, Internet, newspapers, radio: trust, but check?] // Oficial’nyj sajt VCIOM. Available from: URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115679> (accessed: 30.08.2018).
- [2] Belinsky V.G. Sochineniya Aleksandra Pushkina. Statya 9. [Works of Alexander Pushkin. Article 9]. Biblioteka Maksima Moshkova. Available from: URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0200.shtml (accessed: 30.08.2018).

- [3] Kuznecov G.V. *Tak rabotayut zhurnalisty TV* [This is how TV journalists work]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2000. 224 p.
- [4] Mogilevskaya E.V. *Tok-shou kak zhanr TV: proiskhozhdenie, raznovidnosti, priemy manipulirovaniya* [Talk show as a TV genre: origins, varieties, manipulation techniques] // *Relga*. Available from: URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/%20Main?extid=1114&level1=main&level2=articles> (accessed: 30.08.2018).
- [5] Boreckij R.A., Cvik V.L. *Zhanry televizionnoj zhurnalistiki* [Genres of television journalism] // *Televizionnaya zhurnalistika* / G.V. Kuznecov i dr. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta: Nauka, 2005. Pp. 195–196.
- [6] Cvik V.L. *Televizionnaya zhurnalistika: teoriya, istoriya, praktika* [Television journalism: theory, history, practice]. Moscow: Aspekt Press, 2004. Pp. 254–258.
- [7] Il'chenko S.N. *Transformaciya zhanrovoj struktury sovremennogo otechestvennogo tele-kontenta: aktualizaciya igrovoj prirody televideniya* [Transformation of the genre structure of modern domestic television content: actualization of the game nature of television]: dis. ... d-ra fil. nauk. Moscow, 2012. 364 s.
- [8] Gulenko P.V., Dolgova Yu.I. *Problemy klassifikacii sovremennyh teleperedach: sushchnostnye harakteristiki formata "tok-shou"* [The problems of the classification of modern TV programs: the essential characteristics of the "talk show" format]. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2016. No. 3. Pp. 102–110.
- [9] *VCIOM nazval samye populyarnye teleperedachi 2017 goda u rossiyan* [RPORC named the most popular TV programs of 2017 among Russians]. *Telesputnik*. Available from: URL: <http://www.telesputnik.ru/materials/tsifrovoe-televidenie/news/vtsiom-nazval-samye-populyarnye-teleperedachi-2017-goda-u-rossiyan/> (accessed: 30.08.2018).
- [10] Lunt P., Stenner P. *The Jerry Springer Show as an emotional public sphere* // *Media, Culture & Society*. 2005. Vol. 27. Issue 1. Pp. 59–81.
- [11] *Let them talk* // *Channel one*. URL: <https://www.1tv.ru/shows/pust-govoryat> (accessed: 30.08.2018).
- [12] Shulman E.M. *Skazka o rybake i rybke skandal kak otrazhenie menyayushchejsya socialnoj normy* [Tale of a Fisherman and a Fish: Scandal as a reflection of a changing social norm]. Ekaterina Shulman Youtube Channel. Available from: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yTSCiJAmrWc> (accessed: 23.08.2018).
- [13] Boyatzis R.E. *Transforming qualitative information: thematic analysis and code development*. California: Sage Publications, 1998. 184 p.
- [14] *Zhiznennye priority rossiyan: sem'ya, den'gi ili tvorchestvo?* // *VCIOM official site*. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116264> (accessed: 30.08.2018).
- [15] Chernikova N.V. *Otrazhenie bazisnyh cennostej sovremennogo rossijskogo obshchestva v konceptualnoj i yazykovej kartinah mira* [Reflection of the basic values of modern Russian society in the conceptual and linguistic pictures of the world]. *Uchenye zapiski tambovskogo regionalnogo otdeleniya rossijskogo soyuza molodyh uchenyh*. V. 2. *Perspektivy razvitiya nauchnogo znaniya v XXI veke: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. Tambov: TGU im. G.R. Derzhavina*, 2014. Pp. 175–183.
- [16] Verjovsky A.M. (ed.). *Yazyk moj problema ehlnicheskoj i religioznoj neterpimosti v rossijskih SMI* [My language... The problem of ethnic and religious intolerance in the Russian media]. Moscow: ROO "Center "Panorama"", 2002. 200 p.
- [17] Fedorov A. et al. *Directions, goals, tasks, author's concepts of audiovisual media interpretations of the topic of the school and university in the Russian cinema (1992–2017)*. *Nauchnaya ehlektronnaya biblioteka "Kiberleninka"*. Available from: URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/directions-goals-tasks-authors-concepts-of-audiovisual-media-interpretations-of-the-topic-of-the-school-and-university-in-the-russian-cinema> (accessed: 30.08.2018).
- [18] Francois Truffaut. *Hitchcock*. London: Faber & Faber, 2017. 368 p.
- [19] Dolar M. *Hitchcock's objects* // *Everything You Always Wanted to Know about Lacan (But Were Afraid to Ask Hitchcock)* / eds. Žižek, S. [et al.]. London; New York: Verso, 1992. 279 p.

Article history:

Received: 20 September 2018

Revised: 25 September 2018

Accepted: 30 September 2018

For citation:

Algavi L.O., Volkova I.I., Kadirova S.N., Rastorgueva N.E. (2018). The key topics of TV show “Let them talk”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23(4), 441–452. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-441-452

Bio Note:

Algavi Leila Omarovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). *Contacts:* e-mail: algawy@hotmail.com

Volkova Irina Ivanovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Mass Communications, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). *Contacts:* e-mail: irma-irma@list.ru

Kadirova Shuanat Nabievna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Department of Theory and History of Journalism, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). *Contacts:* e-mail: skadyrova@yandex.ru

Rastorgueva Natalya Evgenevna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Department of Theory and History of Journalism, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). *Contacts:* e-mail: rastorgueva_ne@pfur.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-453-465

УДК 316.77:001.8:070:001.8

Медиаконвергенция как фактор роста случаев нарушения языковой нормы в СМИ

Е.А. Баранова¹, Е.Л. Карих²

¹ Российский государственный социальный университет
Российская Федерация, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4

² Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2А

В 2009—2018 гг. один из авторов статьи, Е.А. Баранова, провела 86 глубинных интервью с журналистами, редакторами и топ-менеджерами российских медиакомпаний (всего 30 организаций) на темы, связанные с развитием процесса медиаконвергенции в редакциях российских средств массовой информации (СМИ). Анализ эмпирических данных и концептуальное осмысление научных исследований, а также личный опыт работы авторов в качестве журналистов-практиков (Е.А. Баранова — «Комсомольская Правда», Е.Л. Карих — телеканал ТВЦ) позволили сделать вывод о том, что ряд обстоятельств, так или иначе связанных с процессом медиаконвергенции, запустили процесс общего падения медийной языковой культуры. Речь о постоянном увеличении информационных потоков, развитии пользовательского контента и блогосферы, трансформации журналистики как системы видов профессиональной деятельности, экономических трудностях, с которыми сталкиваются многие медиакомпании. В статье также представлен разбор ошибок в текстах печатных и эфирных медиа. Цель статьи — представить проблемную ситуацию и актуализировать необходимость последующего осмысления проблемы падения языковой медиакультуры в аспекте аксиологии.

Ключевые слова: медиаконвергенция, языковая норма в СМИ, грамотность журналистов, журналистское образование

Процесс медиаконвергенции привел к глобальным изменениям, происходящим на всех стадиях от создания до распространения контента. Он связан с трансформацией института журналистики на разных уровнях, в том числе на уровне журналистики как системы видов профессиональной деятельности, совокупности профессий.

Процесс конвергенции средств массовой информации стартовал во второй половине 1990-х гг. в связи с усовершенствованием технологий в области передачи и хранения информации, созданием интернет-версий СМИ [1. С. 175].

К вопросу о редактировании текстов

Сегодня и исследователи-теоретики, и практики, работающие в средствах массовой информации, единодушно убеждены: СМИ должны использовать интернет-версию для публикации срочных новостей, что позволит привлечь пользо-

вателей на сайт. С одной стороны, это удобный способ ускорить доставку материала. С другой стороны, именно форсированная подача информации становится одной из первопричин нарушения языковой нормы. Акцент на скорость всегда был органичен для новостного бизнеса, но раньше большинство газетных журналистов тратило на создание номера и процесс производства контента весь день, что было достаточно для скрупулезной проверки всей фактической информации, правописания и пунктуации, ликвидации стилистических ошибок.

Большим временем на подготовку материалов располагали и сотрудники радио- и телеканалов. Как отмечает А.С. Гаспарян, руководитель управления Международного информационного агентства «Россия сегодня», «раньше к двухчасовому эфиру журналисты готовились за несколько дней, сейчас — за несколько минут перед эфиром» [2].

Т. Коппел (Ted Koppel), известный телевизионный журналист, еще в 1997 г. отметил, что «если мы вступаем в эпоху, в которой журналисты вынуждены как можно быстрее опубликовать новость в Интернете, пренебрегая проверкой информации и ее редактированием, в эпоху, в которой скорость подачи контента становится основным критерием, это опасно» [3. С. 64].

Также, еще в конце 1990-х гг., специалисты из Европы и США поднимали вопрос нехватки отредактированной информации, говорили о том, что мы вступаем в эпоху, где любой человек может стать репортером [4]. И действительно, в 2014 г. вышел закон, фактически приравнивающий популярных блогеров к СМИ, если их сайты имеют посещаемость свыше трех тысяч пользователей в сутки. Теперь сетевые авторы с такой аудиторией обязаны регистрироваться в Роскомнадзоре, самостоятельно проводить фильтрацию материалов на наличие в них клеветы, оскорблений, экстремистских текстов и т. д. «Блогеры, не имея профессионального образования, не зная законов жанра, выходят на массовую аудиторию. А ведь в любой традиционной редакции журналист — не истина в последней инстанции, есть редакторы, руководители, технические работники, т.е. целая команда. Сегодня возникает проблема возрастающей ответственности перед читателем, зрителем, слушателем» [5], — отмечает В.М. Таллер, президент «ТВМ Групп», академик Российской Академии Радио.

Ответственность связана не только с соблюдением этических и правовых принципов, но и с соблюдением норм русского языка. На первый взгляд, это утверждение кажется очевидным. Однако в условиях возрастающего потока информации, превалирования развлекательного контента; в условиях, когда основным критерием качества материала становится наличие большого количества «лайков», репостов и просмотров материала пользователями информации, некоторые журналистики-практики откровенно заявляют, что в наши дни представителям СМИ необязательно следить за грамотностью: нужно общаться с аудиторией соцсетей на ее языке, а он, как известно, далек от нормы. Например, И.Б. Настенко, шеф-редактор сетевого ТВ-канала «Вечерка-ТВ», говорит, что сегодня «ломаются все стереотипы, связанные с классическим телевизионным форматом. Нужно попытаться выбросить из головы все телевизионные каноны, иначе ничего не получится, и научиться работать по-новому. Нужно понять, что журналист должен

обслуживать Сеть, а не давать ей что-то свое. Неинтересно слушать человека, у которого в речи нет слов-паразитов. Все, что наработано на классическом ТВ, — все убирается, единственное, что остается — это, то, что программу нужно вести» [6].

Похожие мысли высказывает и Андрей Дятлов, первый заместитель главного редактора газеты и главный редактор телерадиослужбы «Комсомольской правды»: «Главное уметь держать аудиторию. А как журналист говорит — это не так важно. Не все люди хорошо звучат в эфире, человек может заикаться, картавить, голос может просто раздражать. Сегодня нужно отходить от отношения к эфиру, которое характерно для советского времени — радио тогда было на уровне мировой литературы. Люди так не разговаривают. Разговор между ведущими и слушателями сегодня проходит на равном уровне» [7].

Профессор К.В. Маркелов отмечает, что только 3 из 15 опрошенных в Севастополе журналистов и редакторов на вопрос о критериях приема журналиста на работу упомянули умение претендента хорошо писать. Большинство же делало акцент на личных качествах претендента, таких как азарт, эмпатия и обостренное чувство справедливости [8].

В условиях медиаконвергенции меняются ценности, которые считают наиболее важными руководители СМИ. И далеко не всегда грамотность журналиста для них первостепенна: главное не испортить отношения с рекламодателями, так как от этого в конечном итоге зависит прибыльность издания. К примеру, генеральный директор радио «Серебряный дождь» Д.В. Савицкий прокомментировал эту ситуацию так: «Если ведущий сделал неправильное ударение в слове — за это я не караю. Всякое бывает. Как говорится, существует человеческий фактор. А вот, если ведущий «заговорил метку», которая в региональных компьютерах открывает путь к рекламному блоку, и в результате в далеких городах не вышла реклама — извини, дорогой, нужно платить штраф». Исследователи в области медиаиндустрии сегодня все чаще пишут о том, что средства массовой информации все меньше относятся к творческой деятельности. Они превратились в производственные предприятия, по сути, фабрики, настроенные на получение прибыли, а журналисты стали работниками, которые ее приносят [9].

Конечно, есть и альтернативная точка зрения: «Журналист обязан говорить правильно» [2]. И все же основная тенденция состоит в том, что представители СМИ делают все больше разного рода ошибок. Это связано не только с тем, что зачастую в журналистику приходят экс-блогеры, но и с тем, что недостаточно времени на вычитку и редактирование материалов. Проблема еще и в том, что процесс медиаконвергенции привел к трансформации сформировавшихся бизнес-моделей, острейшей конкуренции с Интернетом, социальными сетями. Медиакомпаниям были вынуждены экономить на всем, включая корректоров.

Например, главный редактор «Комсомольской правды» В.Н. Сунгоркин за период с 2008 по 2013 г. уволил по сокращению штатов более половины корректоров. Материалы, которые не попадают в печатную версию, вообще не проходят корректуру. При этом лишь 10 % публикаций сайта kp.ru составляют статьи и заметки, напечатанные в бумажной версии. Остальные 90 % материалов сайта в газету не попадают, соответственно, корректоры их не проверяют. Необходимо

учесть, что портал *kr.ru* — это не какое-то малоизвестное СМИ, он занимает первое место среди сайтов категории «СМИ и новости» по России, входит в пятерку наиболее цитируемых интернет-ресурсов [10]. Можно, конечно, предположить, что оправданием ошибок является принадлежность «Комсомольской правды» к массовым СМИ, но это мнение ошибочно.

В настоящее время не вычитываются некоторые материалы даже на интернет-ресурсах узкоспециализированных качественных изданий. Например, корректоры не читают новости на сайте газеты «Экономика и жизнь». Т.А. Иванова, главный редактор издания, считает, что новости на сайте не обязательно показывать корректорам: «Да, это большая беда с точки зрения русского языка. Но с другой стороны, новости — это особый продукт. Он должен выстреливать быстро. Сажать одного-двух корректоров только на новости — это слишком дорогое удовольствие. Зарплата корректора 30—35 тыс. руб., поэтому нет корректоров во многих изданиях: в «Ведомостях», «Коммерсанте». Сегодня меняется психотип потребителя контента. Многие молодые люди не обращают внимания на ошибки» [11].

Однако можно заметить и противоположную тенденцию: пробуждение интереса к родному языку. Например, все больше людей хотят проверить свои знания, для чего участвуют в ежегодном образовательном мероприятии «Тотальный диктант». Если в 2014 г., когда появилась возможность писать его онлайн, в нем фигурировали около 70 тыс. чел., то в 2018 г. акция «Тотальный диктант» собрала 227 325 участников из 76 стран на 3243 площадках из 1021 населенного пункта [12]. Многих пользователей раздражают ошибки на сайтах средств массовой информации, речь радио- и телеведущих. Они составляют текстовые и видеоподборки, посвященные оговоркам и речевым ошибкам (в первую очередь, конечно, таким, которые дают комический эффект), обращают внимание на погрешности в текстах, бегущей строке, переводах иностранных СМИ и т.д.

Материалы, посвященные проблемам современного русского языка, обычно активно комментируются читателями. Например, статья на ресурсе *AdMe.ru* «12 оборотов речи, которые многие употребляют неправильно (Придется попроситься с “Доброго времени суток!”)» была опубликована 11 сентября и к настоящему моменту получила 423 комментария.

Заметен интерес к подобным материалам в «Комсомольской правде». Так, активно комментировались интервью «Молодые люди в гаджетах пишут “я тя лю”. И так же любят в усеченной форме»; «“Милостивые государи и государыни!” В Госдуме предложили возродить дореволюционный речевой этикет»; «Школьникам напомнят слова Наполеона: “Кто не умеет говорить, карьеры не сделает”» [13].

Нарушение языковой нормы в СМИ: разбор примеров

Неутешительными выглядят результаты исследования, проведенного в 2016 г. профессорско-преподавательским составом факультета журналистики МГУ по поручению Федерального агентства России по печати и массовым коммуникациям [14]. Специалисты просмотрели передачи 20 наиболее популярных российских федеральных телеканалов, собирающих 90 % всех зрителей. Лингвисты фа-

культета журналистики МГУ проанализировали речь более 100 человек — как ведущих, так и корреспондентов. Грамотной была признана речь только трех журналистов, которые и получили награды. Как показало исследование, больше всего ошибок корреспонденты допускают при прямом включении, что и понятно: ведь у них практически нет времени на подготовку. Например, два года назад в программе «Сегодня» (НТВ) репортер употребил фразу: «Прощальная панихида с телом погибшего прошла сегодня на псковской авиабазе “Остров”». Как прокомментировал В.В. Славкин, в 2016 г. — заведующий кафедрой стилистики русского языка журфака МГУ, панихида по определению прощальная, поэтому употребление этих двух слов в одном предложении некорректно — получается лексическая избыточность. «Вторая ошибка — неправильная форма падежа: можно сказать “прощаться с ним”, но панихида всегда бывает по кому-то», — отметил Славкин [14]. Пример из выпуска программы «Вести» на телеканале «Россия 1» от 15 марта 2016 г.: описывая, как возвращаются наши самолеты после операции в Сирии, корреспондент говорит: «Грация линий и движений» (самолета). Но грация может быть присуща только движениям.

Много погрешностей преподаватели журфака МГУ обнаружили в бегущей строке. Это ошибочное использование кавычек, неправильное употребление частиц «не» и «ни». Как рассказал автору В. Славкин, на канале «Матч ТВ» была надпись «Хоккей с мячом», на Пятом канале — «Оборты — вне закона» [14].

Объективности ради надо сказать, что ошибки журналисты вещательных СМИ допускали всегда. Во времена СССР на телевидении они тоже были, хотя, разумеется, не в таком количестве, как сегодня, в эпоху конвергенции СМИ. Много проблем в плане нормативности русского языка доставляют гости ток-шоу — из их уст могут прозвучать не только неправильные, но и непечатные слова.

А вот еще один пример. В конце 2015 г. в Санкт-Петербурге на частоте популярного канала «100 ТВ» стартовал проект Life78. Профессиональные журналисты уверены: «то, как произносят некоторые фразы с экрана или как пишутся титры бегущей строки, разрешает сделать неутешительный вывод: драматические отношения с языком — следствие неудовлетворительной работы кадрового менеджмента, набравшего сотрудников без профильного образования» [15. С. 67].

Как правило, тексты, звучащие по радио, содержат меньше ошибок, чем обычная речь, утверждает исследователь Т.Н. Ерина, которая проанализировала программы «Радио России» и ряд телепрограмм центральных каналов [16]. Во-первых, потому, что отклонение от нормы может вызвать искажение в восприятии информации у широкой аудитории или недоверие к ее источнику, поэтому его стараются избегать. Во-вторых, технические средства, например возможность коррекции записи монтажа передачи, позволяют исправлять погрешности. Однако в последние годы сотрудники вещательных СМИ все чаще работают в прямом эфире, где по понятным причинам ошибаются чаще, чем в записанных передачах.

Т.Н. Ерина отметила, что теле- и радиожурналисты произносят компью[те]р и ст[ре]сс с мягким согласным, а п[рэ]сса — с твердым. Ведущий программы писатель Михаил Веллер в эфире «Радио России» однажды назвал вопрос «некор[рэ]ктным». На этой же радиостанции в новостях произнесли слово инци[н]дент. Приведенное выше произношение не соответствует нормам современного рус-

ского языка: рекомендуется говорить компью[тэ]р и ст[рэ]сс с твердым согласным, п[ре]сса, некор[ре]ктным — с мягким согласным, а в слове «инцидент» [н] не произносится. На «Радио России» слово опека дикторы часто произносят как оп[ё]ка, что также является отклонением от нормы. Встречаются ошибки и в постановке ударения. Так, в программе «Завтра в мире» произнесли фразу «проект только на'чался (в этом слове ударение ставится на последний слог). В «Вестях» на телеканале «Россия 1» употребили словосочетание «на высоком пу'стыре». Тележурналисты говорят с'ожженный автомобиль» (вместо «сож'енного»), «кв'артал» (вместо «кварт'ал»), «пр'одали» (вместо «прод'али»), «никто такой гарантии н'е дал» (правильно было бы сказать «не д'ал»). Часто неточности возникают в ударениях к слову «украинский». Журналисты перепробовали разные варианты: «'укр'аинское», «укр'аинские» — и все они неправильные, поскольку верное ударение должно быть на первую букву «и».

Многие орфоэпические ошибки обусловлены нечеткой дикцией корреспондентов и ведущих, в результате чего проглатываются и сливаются некоторые гласные звуки, а изредка и слова. Зрители слышат «седня» вместо «сегодня» и «токо» вместо «только». Иногда нечеткое произношение журналиста способно породить ненужную многозначность (например, при произношении словосочетания «в двухматчевом противостоянии» зачастую сложно понять, что имеется в виду: [двухматчевом] или [двухмачтовом]). Телезритель вынужден догадываться по контексту: поскольку он смотрит программу «Вести. Спорт», это исключает вероятность «двухмачтового противостояния».

Орфоэпия, и в частности употребление ударений, — не единственная проблема журналистов вещательных СМИ. В их речи встречаются и разного рода грамматические ошибки. Вот один пример на образование формы глагола третьего лица единственного числа: «Эдвард Сноуден чувствует себя хорошо и ездит по стране» (прозвучало в новостях на «Радио России»). Часто ведущие путаются в спряжении третьего лица множественного числа глагола I спряжения «бороться», ошибочно употребляя его как «боятся» (Борис Корчевников, ведущий программы «Прямой эфир» на канале «Россия 2») (верной является форма «борются»). И это отнюдь не единственный глагол, который неправильно спрягают. Так, Ольга Копылова, ведущая программы «Посоветуйте, доктор», в одном из эфиров сказала: «Сейчас все эти болезни лечутся» («Радио России») (правильная форма — лечатся).

Встречаются в речи радио- и тележурналистов погрешности в склонении и употреблении числительных, такие как «покупки дороже шестиста тысяч можно будет оплатить банковской картой», «собралось больше полуторы тысяч», «сорок три миллиардов рублей», «шестьдесят четыре фунтов стерлинга» и так далее.

Нередки ошибки управления и согласования: «И государство сюда не имеет никакого отношения» (вернее было бы сказать: к этому); «Иногда на репортеров, журналистов ругаются, когда они бывают в горячих точках» (правильнее сказать: ругают репортеров, журналистов); «Достигала уровень пятьдесят шесть рублей» (следовало бы написать: достигала уровня); «срабатывает она в пятидесяти процентах случаев» (правильный вариант: «в пятидесяти процентах случаев»).

Случается, что журналисты произносят слова и выражения, которых в русском языке нет. Например, фраза «назвали новое условие более рыночным» построена неверно, так как условие может быть только рыночным или нерыночным, но не может быть более или менее рыночным, поэтому составная часть сравнительной степени у этого прилагательного в данном случае лишняя. Иногда в эфире происходит нарушение стилистической сочетаемости. Например, телеведущая Ирина Юлмашева в программе «Вести.net» объявила, что некоторым категориям российских граждан «грозит материнский капитал». Так можно ненароком перепугать аудиторию: ведь грозит обычно что-то плохое. Употреблять такое отрицательно заряженное слово в отношении материнского капитала неуместно. Та же самая Юлмашева упомянула о «жизненно необходимых и важнейших лекарствах», что является лексической избыточностью.

Но и лексическая недостаточность тоже встречается. Пример такой ошибки показала ведущая передачи ТВЦ «События» Анастасия Мартынова, которая сказала, что «если рассматривать валютный рынок как источник заработка, на нем сейчас можно легко потерять». По контексту в этом предложении непонятно, что именно можно легко потерять на валютном рынке. А поскольку это предложение не опубликовано в тексте газетной статьи, а произнесено в телепрограмме и воспринимается на слух, понять это еще сложнее. Один из телеведущих как-то произнес словосочетание «минимальные продукты». Не вполне понятно, что имелось в виду (скорее всего «минимальный продуктовый набор» или что-нибудь подобное).

Если орфоэпические и грамматические ошибки обычно заметны радиослушателям и зрителям, то лексические могут быть видны не сразу. Их особенность в том, что они искажают смысл передаваемой информации. Например, в передаче «Шинель» ведущая Дарья Кожевникова сказала: «Были такие случаи, когда при перевозке призывников к месту службы, их обмораживали» («Радио России»). Однако в дальнейшем выясняется, что о диагнозе «обморожение» у новобранцев речь не идет. Журналист имела в виду, что пока солдаты добирались до места службы, некоторые из них простужались и страдали респираторными заболеваниями. Ошибки в словоупотреблении зачастую создают комический эффект. 23 июня 2013 г. в прямом эфире «Радио России» вышла программа, которую вел Михаил Веллер. Отвечая на вопрос радиослушателей о Николае II, писатель сказал: «Сначала шлепнут, а потом пройдет 100 лет, и будут говорить, какой был гениальный человек». Глагол «шлепнуть» (убить) в толковом словаре обозначен как просторечный и вульгарный. Очевидно, что в данной ситуации употреблять его не стоило. Значительно корректнее с точки зрения норм современного русского языка и журналистской этики было бы использовать стилистически нейтральный глагол «убить» [16].

Кстати, разговорные, просторечные слова и слова-паразиты не так уж редко встречаются в речи телеведущих. «Почему с Индией у них обломилось?» — спрашивает ведущий Дмитрий Киселев. Разговорное слово «обломилось» не стоит использовать в новостном выпуске. В употреблении разговорного «ну» были замечены все тот же Дмитрий Киселев и Эрнест Мацквичюс. Это слово бессмысленно, так как не добавляет информации и загромождает звучащий текст.

Часто журналисты не ошибаются или оговариваются, а специально используют элементы разговорной речи или иные яркие и образные средства выразительности. В большинстве случаев качество текста становится только хуже. Особенно в новостных программах, так как зрители и слушатели вынуждены отвлекаться на такие «украшения», вместо того чтобы воспринимать новую информацию. Кроме этого, экспрессивные выражения обычно слишком явно транслирует субъективную оценку ведущего, чего в новостях быть не должно (в авторской программе это допустимо). Примером может послужить фраза Дмитрия Киселева «Должны были вырезать из себя куски гангрены предательства» (так он выразился о большевиках в программе «Вести недели»).

Встречаются в речи журналистов и логические ошибки. Обычно это скрещение понятий в ряду однородных членов (совпадение по объему). Один из примеров: «...удастся собрать своих сыновей, дочерей, детей» («Россия 24», «Вести», Алексей Симахин). Но ведь сыновья и дочери детьми и являются. Поэтому именно слово «детей» следовало бы сделать обобщающим перед рядом однородных членов. Еще пример: «Генералы с промышленниками и предпринимателями». Предприниматель и промышленник — это фактически синонимы, их нет смысла употреблять вместе через союз «и». Корректнее было бы использовать лишь одно из этих слов. Фраза «общение друзей и соотечественников», произнесенная Дмитрием Гусевым, дает многозначное толкование, поскольку друзья вполне могут быть соотечественниками, а соотечественники друзьями. Тут надо либо поставить между ними дефис, чтобы объединить в одно понятие, либо запятую, чтобы эти понятия разделить.

Проблемы подготовки кадров

Проблема грамотности журналистов напрямую связана с журналистским образованием. Сегодня многие дискуссии о профессиональных компетенциях журналиста в условиях конвергенции сводятся к вопросу о том, должен ли современный журналист уметь одинаково хорошо готовить текстовые, видео- и аудиоматериалы, уметь мыслить мультимедийно, т.е. иметь представление, какая медиаплатформа предпочтительнее для распространения того или иного контента. Многие теоретики уверены, что современный журналист должен быть универсалом [17. С. 185; 18. С. 408; 19. С. 582].

Однако, как отмечают практики, современным журналистам не хватает не каких-то мультимедийных компетенций, а основных, базовых журналистских навыков (грамотность, умение работать с текстом; умение находить интересные темы и адаптировать их под потребности аудитории; умение работать с экспертами). Например, А. Алиев, с 2008 по 2011 г. директор интернет-проекта «Известия», считает, что «много работал со студентами журфаков — главная их проблема — не умеют писать, не умеют выражать свои мысли» [20]. Как рассказал в 2016 г. П.Н. Гусев, главный редактор и владелец газеты «Московский комсомолец», «к нам каждый год приходят устраиваться на работу или на практику десятки выпускников журфаков, 99 % из них не способны работать в СМИ, они не устраи-

ваются на работу по профессии. Могу привести такую интересную статистику: за последние 10 лет к нам приходило много выпускников журфака МГУ им. М.В. Ломоносова, но на работу я взял всего 2—3 человека» [21]. И Гусев отказал им в приеме на работу совсем не из-за того, что они не могут создавать мультимедийный контент, не являются универсалами, а потому, что часто не умеют работать с текстом, делают много ошибок, не имеют представления, что такое новостной повод.

Опрошенные Е.А. Барановой респонденты уверены, что современным журналистам все чаще приходится работать с пользовательским контентом (UGC), им необходимо обрабатывать в день не менее ста самых разных материалов пользователей. Для этого нужно обладать прекрасными редакторскими навыками.

К сожалению, о ключевых журналистских компетенциях (знание норм устной и письменной речи, редакторские навыки) сегодня практически не говорят. Зато много пишут о развитии маркетинговых компетенций, поскольку идет процесс интеграции рекламного текста в Сети в редакционный контент.

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что снижению уровня грамотности журналистов способствует целый комплекс различных факторов. Это нехватка времени на подготовку и редактирование материалов; необходимость в жесткой экономии бюджетных средств; рост числа непрофессиональных журналистов (в большинстве случаев они приходят из блогосферы); проблемы журналистского образования. В результате происходит падение культуры речи в средствах массовой информации, что приводит к нарушению языковой нормы. Данная проблема требует пристального внимания, поскольку теряется престиж профессии журналиста, обесцениваются этические нормы.

© Баранова Е.А., Карих Е.Л., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- [1] Баранова Е.А. Этапы развития процесса медиаконвергенции (в попытках описать глобальные изменения в развитии СМИ с 1990—2015 гг.) // *Коммуникология*. 2016. Т. 4. № 2. С. 170—193.
- [2] Интервью Е.А. Барановой с А.С. Гаспаряном, начальником управления Международного информационного агентства «Россия сегодня». Март. 2017.
- [3] Lasica J.D. Get It Fast, But Get It Right // *American Journalism Review*. 1997.
- [4] Drudge M. “Anyone with a Modem Can Report on the World” (speech to the National Press Club). Washington, D.C., June 2, 1998.
- [5] Интервью Е.А. Барановой с В.М. Таллером, президентом «ТВМ Групп», академиком Российской Академии Радио (РАР). Октябрь. 2016.
- [6] Интервью Е.А. Барановой с И.Б. Настенко, шеф-редактором «Вечерки-ТВ». Июнь. 2012.
- [7] Интервью Е.А. Барановой с А. Дятловым, первым заместителем главного редактора газеты, главным редактором телерадиослужбы «Комсомольской правды». Август. 2012.
- [8] Маркелов К.В. Три тенденции современной журналистики // *Творчество, профессия, индустрия: материалы Междунар. научно-практической конференции «Журналистика в 2017 году»*. М.: МедиаМир, 2018. С. 17.

- [9] *Хочунская Л.В.* Деонтология журналистики. М.: РУДН, 2013. 130 с.
- [10] Узнай главное о сайте KPRU. URL: https://www.kp.ru/best/msk/upload/kp_mkit_092016.pdf (дата обращения: 01.06.2017).
- [11] Интервью Е.А. Барановой с Татьяной Ивановой, главным редактором газеты «Экономика и жизнь». Июль. 2017.
- [12] Статистика ТД-2018. URL: <https://totaldict.ru/boston/-2018-2761904106/> (дата обращения: 15.09.2018).
- [13] «Молодые люди в гаджетах пишут “я тя лю”. И так же любят в усеченной форме». URL: <https://www.kp.ru/daily/26390/3267892/> (дата обращения: 01.06.2017); «“Милостивые государи и государыни!” В Госдуме предложили возродить дореволюционный речевой этикет». URL: <https://www.kp.ru/daily/26759/3790924/> (дата обращения: 11.06.2018); «Школьникам напомним слова Наполеона: “Кто не умеет говорить, карьеры не сделает”». URL: <https://www.kp.ru/daily/26639.5/3658678/> (дата обращения: 01.06.2017).
- [14] *Баранова Е.А.* Язык наш — не друг наш // www.kp.ru. 17 октября 2016. URL: <http://www.kp.ru/daily/26595.5/3611160/> (дата обращения: 10.06.2017).
- [15] *Ильченко С.Н.* «Ноль ТВ» // Журналист. 2016. № 1. С. 66—68.
- [16] *Ерина Т.Н.* Речевые ошибки на радио и телевидении становятся нормой? // Концепт. 2017. Т. 28. С. 19—22. URL: <http://e-koncept.ru/2017/770676.htm> (дата обращения: 16.09.2018).
- [17] *Писаревская Н.С.* Мультимедиа как новая форма предоставления информации // Журналистика в 2015 году. Информационный потенциал общества и ресурсы медиасистемы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Е.Л. Вартановой, Я.Н. Засурского. М.: МедиаМир; Фак. журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2016. 480 с.
- [18] *Свитич Л.Г.* Изменение журналистской профессии в процессах медиаконвергенции // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5 (360). С. 406—414.
- [19] *Милославская З.А.* Медиатекст: синтез журналистского, рекламного и PR-текста в условиях конвергентных СМИ // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 4. С. 576—587.
- [20] Интервью Е.А. Барановой с А. Алиевым, с 2008 по 2011 г. директор интернет-проекта газеты «Известия». Август. 2009.
- [21] Интервью Е.А. Барановой с П.Н. Гусевым, главным редактором и владельцем газеты «Московский комсомолец». Апрель. 2016.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 августа 2018

Дата принятия к печати: 9 сентября 2018

Для цитирования:

Баранова Е.А., Карих Е.Л. Медиаконвергенция как фактор роста случаев нарушения языковой нормы в СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 4. С. 453—465. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-453-465

Сведения об авторах:

Баранова Екатерина Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, социальной рекламы и связей с общественностью социально-гуманитарного факультета Российского государственного социального университета. *Контактная информация:* e-mail: kat-journ@yandex.ru

Карих Евгения Леонидовна, соискатель кафедры массовых коммуникаций РУДН, специальный корреспондент телеканала «ТВ Центр». *Контактная информация:* e-mail: karikh.el@gmail.com

Media convergence as a growth factor connected with cases of language norm violations in mass media

E.A. Baranova¹, E.L. Karich²

¹ State Social University

4 Vilgelma Pika St., Moscow, 129226, Russian Federation

² Peoples' Friendship University of Russia

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

In 2009—2017 years E.A. Baranova talked with journalists, editors and top managers of Russian media companies on topics related to the development of media convergence in the newsrooms of Russia mass media. During these years, 86 respondents from 30 media companies were interviewed. Analysis of empirical data and conceptual comprehension of a wide range of works, as well as personal experience in the media allowed the author to conclude that the media convergence process associated with the constant increase in information flows; development of user generated content and the blogosphere; journalism transformation as a types system of professional activity; economic difficulties faced by many media companies leads to reduction of literacy rate for journalists, an incensement number of spelling and stylistic errors in the mass media. The article also presents an analysis of errors in the texts of print and broadcast media. The purpose of the article is to present the problem situation and actualize the need for the subsequent comprehension of the problem of the fall of language media culture in the aspect of axiology.

Keywords: media convergence, language norm in mass media, literacy rate for journalists, journalism education

References

- [1] Baranova E.A. Etapy razvitiya protsessy mediakonvergensii (v popytках opisat' global'nye izmeneniya v razvitiy SMI s 1990—2015 gg.) [The stages of media convergence process (in an attempt to describe global changes in media development in 1990—2015)]. *Kommunikologiya* [Communicology]. 2016. Vol. 4. No. 2. Pp. 170—193.
- [2] Interv'y avtora s Armenom Gasparyanom, nachal'nikom upravleniya Mezhdunarodnogo informatsionnogo agentstva "Rossiya segodnya". 04.03.2017 [Author's interview with Armen Gasparyan, head of the Department of the International Information Agency "Russia Today". 2017. March].
- [3] Lasica J.D. Get It Fast, But Get It Right. *American Journalism Review*. 1997.
- [4] Drudge M. Anyone with a Modem Can Report on the World (speech to the National Press Club). Washington, D.C. June 2. 1998.
- [5] Interv'y avtora s Vladimirom Tallerom, prezidentom "TVM Grupp", akademikom Rossiyskoy Akademii Radio (RAR) [Author's interview with Vladimir Taller, president of TVM Group, Academician of the Russian Academy of Radio (RAR)]. 2016. October.
- [6] Interv'y avtora s Igorem Nastenkom, shef-redaktorom "Vecherki-TV" [Author's interview with Igor Nastenko, chief editor of "Vecherka-TV"]. 2012. June.
- [7] Interv'y avtora s Andreem Dyatlovym, pervym zamestitelem glavnogo redaktora, glavnym redaktorom Teleradiosluzhby "Komsomol'skaya pravda" [Author's interview with Andrey Dyatlov, First Deputy Editor-in-Chief, Editor-in-Chief of the TV and Radio Service "Komsomolskaya Pravda"]. 2012. August.
- [8] Markelov K.V. Tri tendencii sovremennoj zhurnalistiki [Three Trends of Modern Journalism] // *Tvorchestvo, professiya, industriya: materialy Mezhdunar. nauchno-prakticheskoy konferencii "Zhurnalistika v 2017 godu"* [Creativity, Profession, Industry: Materials of the Intern. scientific and practical conference "Journalism in 2017"]. Moscow: MediaMir, 2018. 366 s.

- [9] Xochunskaya L.V. Deontologiya zhurnalistiki [Deontology of journalism]. Moscow: RUDN, 2013. 130 s.
- [10] Uznay glavnoe o sayte kp.ru [Find out the Main Thing about kp.ru]. Available at: https://www.kp.ru/best/msk/upload/kp_mkit_092016.pdf.
- [11] Interv'yu avtora s Tat'yanoy Ivanovoy, glavnym redaktorom gazety "Ekonomika i zhizn'" [Author's interview with Tatyana Ivanova, chief editor of newspaper "Economics and Life"]. 2017. Iyul'.
- [12] Statistika TD-2018 [TD-2018 statistics]. Available at: <https://totaldict.ru/boston/-2018-2761904106/>
- [13] "Molodye lyudi v gadzhetax pishut 'ya tya lyu'. I tak zhe lyubyat v usechennoj forme" ["Young people in gadgets write 'I lv yu'. And just like in a mutilated form"]. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26390/3267892/>; "Milostivye gosudari i gosudaryni! V Gosdume predlozhili vozrodit dorevolucionnyj rechevoj etiket" ["'Gracious sovereigns and sovereigns!' The State Duma proposed reviving pre-revolutionary speech etiquette"]. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26759/3790924/>; "Shkolnikam napomnyat slova Napoleona: 'Kto ne umeet govorit, karery ne sdelayet'" [The schoolchildren will be reminded of the words of Napoleon: 'Who does not know how to speak, he will not make a career'"]. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26639.5/3658678/>
- [14] Baranova E.A. Yazyk nash — ne drug nash [Our language is not our friend]. *www.kp.ru*. 17 oktyabrya. 2016. Available at: <http://www.kp.ru/daily/26595.5/3611160/>
- [15] Il'chenko S. "Nol' TV" ["Zero TV"]. *Zhurnal'ist [Journalist]*. 2016. No. 1. Pp. 66–68.
- [16] Erina T.N. Rechevye oshibki na radio i televidenii stanovyatsya normoj? Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal "Koncept". 2017. Vol. 28. Pp. 19–22. URL: <http://e-koncept.ru/2017/770676.htm>
- [17] Pisarevskaya N.S. Mul'timedia kak novaya forma predostavleniya informatsii [Multimedia as a new form of data reporting]. *Zhurnalistika v 2015 godu. Informatsionnyi potentsial obshchestva i resursy mediasistemy: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Journalism in 2015. Information capacity of society and resources of media system: materials of International Research Conference]*. Moscow: MediaMir Publ.; Fak. zhurnalistiki MGU imeni M.V. Lomonosova Publ., 2016. 480 p.
- [18] Svitich L.G. Izmenenie zhurnalistikoy professii v protsessakh mediakonvergensii [Changes in the journalism profession in the conditions of media convergence]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University]*. 2015. No. 5 (360). Pp. 406–414.
- [19] Miloslavskaya Z.A. Mediatekst: sintez zhurnalistikogo, reklamnogo i PR-teksta v usloviyakh konvergentnykh SMI [Media texts: fusion of journalistic, advertising and PR texts under conditions of media convergence]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki [Theoretical and Practical Issues of Journalism]*. 2016. Vol. 5. No. 4. Pp. 576–587.
- [20] Interv'yu s A. Alievyim, s 2008 — po 2011 g. direktor internet-proekta gazety "Izvestiya" [Author's interview with A. Aliev from 2008 to 2011 he was a director of the "Izvestiya" Internet project]. August. 2009.
- [21] Interv'yu avtora s P. Gusevyim, glavnym redaktorom i vladeletsem gazety "Moskovskiy komsomolets" [Author's interview with P. Gusev, chief editor and owner of the newspaper "Moskovsky Komsomolets"]. April. 2016.

Article history:

Received: 10 August 2018

Revised: 16 August 2018

Accepted: 9 September 2018

For citation:

Baranova E.A., Karich E.L. (2018). Media convergence as a growth factor connected with cases of language norm violations in mass media. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23(4), 453–465. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-453-465

Bio Note:

Baranova Ekaterina Andreyevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Journalism and Public Relations, Russian State Social University. *Contacts*: e-mail: sgf@rgsu.net

Karich Evgeniya Leonidovna, applicant of the Department of Mass Communications, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), special reporter of TVC Channel. *Contacts*: e-mail: karikh.el@gmail.com

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-466-476

УДК 316.77:001.12/.18:070:001.12/.18

«Достойнейшее упражнение ученого человека»: литературные переводы в первом русском журнале

А.Г. Готовцева

Российский государственный гуманитарный университет
Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская пл., 6

Статья посвящена прозаическим переводным публикациям первого русского научно-популярного журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». Эти публикации носили, как правило, нравоучительный характер. Источниками их служили западно-европейские литературные журналы, а также собрания сочинений европейских авторов. Переводная литература была в XVIII в. едва ли не основным каналом, через который российское образованное общество стихийно усваивало идеи европейского Просвещения. Наряду с этим развивались литературная культура и художественный перевод. Редактор журнала академик Г.Ф. Миллер считал, что переводная нравоучительная проза соединяет в себе оба основополагающих принципа его журнала — «пользу» и «увеселение».

Ключевые слова: Г.Ф. Миллер, Академия наук, переводная литература, «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», нравоучительная литература, эпоха Просвещения, И.К. Готшед, Л. Гольберг, Ю. Оксенштерна, И. Лээн, русско-европейские литературный связи

Журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755—1764; с 1758 г. — «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», с 1763 г. — «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах»), издававшийся Императорской Санкт-Петербургской академией наук и традиционно считающийся первым русским научно-популярным журналом, был своеобразным мультикультурным пространством, где русская культура впитывала и осваивала европейскую. Редактор журнала, академический историограф Г.Ф. Миллер (1705—1783) отдавал его страницы публикациям разной тематики. Здесь можно встретить статьи по точным наукам, истории, географии и экономике. Однако первое место по числу опубликованных материалов занимала литература, которая в XVIII в. лишь начинала развиваться в России как литература европейская. Естественно, потому, что среди этого рода публикаций «Ежемесячных сочинений» было много переводных произведений европейских авторов. Эти материалы не получили достаточного освещения в исследовательской литературе с точки зрения их систематизации и места среди других публикаций журнала. Данная статья призвана заполнить эту лауну хотя бы отчасти.

В 1759 г. литературный отдел «Ежемесячных сочинений» покидают основные силы, обеспечивающие журнал оригинальными поэтическими произведениями (А.П. Сумароков, М.М. Херасков, И.П. Елагин, А.А. Нартов, Г.В. Козицкий и

др.). Они помещают свои стихи в сумароковской «Трудолюбивой пчеле», журнале «Праздное время, в пользу употребленное» Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, а также в журналах Московского университета. Видимо, определенную роль в том, что журнал перестал публиковать оригинальные стихотворные произведения, сыграл известный эпизод с сонетом начинающего тогда литератора А.А. Ржевского, посвященным актрисе гастролировавшей в Петербурге итальянской труппы Либере Сакко и очень не понравившимся государыне Елизавете Петровне [1; 2. С. 98—99].

В «послестихотворный» период в «Ежемесячных сочинениях» прозаическим переводам уделяется еще более значительное место, чем прежде. Как заметил П.Н. Берков, «в основном (в особенности в последние годы) “Ежемесячные сочинения” заполнялись переводными материалами как по отделу наук, так и литературы» [2. С. 87]. Важнейшую роль такого рода публикаций отметил В.Д. Рак в статье для энциклопедического словаря «Русско-европейские литературные связи»: «Переводная литература всех родов, печатавшаяся в русских журналах, отражала в каждый хронологический период все характерные для него закономерности восприятия как целых пластов изящной словесности, научной, философской, религиозной, дидактической продукции других народов, так и отдельных авторов либо сочинений» [11. С. 319].

В июльском номере «Ежемесячных сочинений» за 1760 г. была опубликована статья «Оправдание переводов» — фрагмент из книги французского аббата и писателя Н. Жедуана (Nicolas Géroyn, 1677—1744), переведенный известным в будущем историком М.М. Щербатовым [8. 1760. Ч. II. С. 49—87] (на источник перевода впервые указал Н.Д. Чечулин [12. С. 354]). Перевод, судя по всему, был сделан по изданию: Géroyn N. Oeuvres diverses de M. l'abbé Géroyn, del'Académie française. Paris: deBurel'aîné, 1745. Хотя речь в статье идет о том, какие существуют трудности переложения на французский язык текстов с древних языков, греческого и латинского, Миллер, помещая эту солидную по объему статью, видимо, рассчитывал, что некоторые сентенции работы аббата могут быть применимы к переводам вообще. Среди сентенций была, например, такая: «Переводить хорошую книгу есть достойнейшее упражнение ученого человека, в таком звании он не может лучшей услуги сделать своему отечеству» [8. 1760. Ч. II. С. 58].

Однако все вышесказанное не значит, что до «изгнания» стихов прозаические переводы не появлялись в журнале. Это, конечно, не так. Переводы занимали значительное место в «Ежемесячных сочинениях» с самого начала издания журнала. Источниками их становились европейские литературные журналы («иностранные журналы равного с нашим намерения»), довольно большой список которых Миллер приложил к написанному им «Предуведомлению» к первому номеру за январь 1755 г.

Первый в списке — «Меркурий Французской, прежде называемой Меркурий Галант». Это, издававшийся в Париже на протяжении почти ста пятидесяти лет (1672—1820), “*Mercure de France*” (“*Mercure galant*”) — один из самых известных европейских журналов-долгожителей. Привилегии на его издание были выданы королем Людовиком XIV Жану Донно де Визе (Jean Donneau de Vize, 1638—1710),

литературу и журналисту, оппоненту Мольера. Свои страницы «Меркурий» посвящал в основном литературе. Однако в качестве источника переводов для «Ежемесячных сочинений» этот журнал оказался востребован мало. В «Ежемесячных сочинениях» из этого журнала появилось два материала: «О критических или решительных днях при болезнях» [8. 1759. Т. II. С. 60—78] и «Письмо к господину де ла Пласу о важном происшествии» [8. 1764. Т. II. С. 537—544]. Последняя публикация имела прямое отношение к России, и именно этим, конечно, в данном случае был обусловлен ее выбор для перевода. Автор письма и его корреспондент — Ж.Ф. де Бастид (Jean-François de Bastide, 1724—1798) и П.А. де ла Плас (Pierre-Antoine de La Place, 1707—1793) — французские писатели и драматурги, заметные представители французского Просвещения. «Важным происшествием» названо открытие в Москве Воспитательного дома. Редактор «Французского Меркурия» приложил к журнальной публикации в переводе на французский язык еще два письма, опубликованные в Прибавлении к № 41 от 21 мая 1764 г. «Санкт-Петербургских ведомостей». Первое письмо — неизвестного, подписавшегося «Человеколюбец», к И.И. Бецкому (1704—1795), учредителю Воспитательного дома в Москве, с обещанием 100 червонных от некоего «господина Клифорта», второе — Бецкого к неизвестному с благодарностью за щедрое пожертвование.

Несколько переводов оказалось в «Ежемесячных сочинениях» и из также упоминаемой Миллером в списке «Парнасской пчелы» (“L’abeille du Parnasse”, 1750—1754, «Пчела с Парнасса в Берлине в 1750-м и 1751-м году в 2 томах»), издаваемой оппонентом Ж.Ж. Руссо, автором “L’Emile chrétien” («Анти-Эмиль») Ж.А.С. Формеем (Jean Henri Samuel Formey, 1711—1797). Это публикации морализаторской тематики, весьма популярной в европейской литературе XVIII в.: «Мысли о Фортуне» [8. 1759. Т. I. С. 273—283]; «Нравоучительные рассуждения, выбранные из Эпиктета, Симплиция и Арриана» [8. 1759. Т. II. С. 243—252]; «Рассуждения о нужде быть упражненну для избежания скуки, и о приятностях, которые страсти имеют для человека» [8. 1760. Т. II. С. 276—281].

Большинство журналов из списка Миллера выходило на немецком языке в разных германских городах. Здесь следует назвать «Дрезденские ученые ведомости» (“Dressdnische Gelehrte Anzeigen” 1749—1801; в перечне Миллера — «Дрезденские показания»), «Ганноверские ученые известия» (“Hannoverische gelehrte Anzeigen”, 1750—1754; у Миллера — «Ганноверские показания»), «Гамбургский журнал» (полное название: “Hamburgisches Magazin, oder gesammelte Schriften, zum Unterricht und Vergnügen aus der Naturforschung und den angenehmen Wissenschaften überhaupt” [«Гамбургский журнал, или Собранные сочинения для обучения и удовольствия от изучения природы и приятных наук вообще»], 1747—1767; у Миллера — «Гамбургской магазин») и многие другие.

Конечно, невозможно не упомянуть в данном контексте о знаменитом Лейпцигском периодическом издании — редактируемых И.И. Швабе (Johann Joachim Schwabe, 1714—1784) «Увеселениях ума и остроумия» (“Belustigungen des Verstandes und des Witzes”, 1741—1745; у Миллера — «Увеселения разума, печатанные в Лейпциге»). На страницах этого журнала последователи И.К. Готшета вели полемику с оппонентами — представителями цюрихской школы.

Готшед, никогда не бывавший в России, обладал тем не менее популярностью в русском образованном обществе. Известный мемуарист А.Т. Болотов так пишет о немецком классике: «Немало же обязан я в жизни своей и славному лейпцигскому профессору Готшеду. Сей начальными своими основаниями философии не только спознакомил меня вскользь и со всеми философскими науками, но и вперил первый охоту к сим высоким знаниям и проложил помянутыми книгами своими мне путь к дальнейшим упражнениям в сей ученой части» [3. Стб. 959].

Готшед, состоявший в переписке не только с Миллером, но и с немецким академиком Петербургской академии наук Я. Штелином, в 1750—1760-е гг. активно популяризировал русскую науку в Германии [13. С. 117]. В частности, в своем журнале “*Das Neuste aus der anmuthigen (!) Gelehrsamkeit*” («Новости из области изящной словесности») он опубликовал отчет о январской книжке «Ежемесячных сочинений» за 1756 г. [7. С. 396—397].

Новернемся к “*Belustigungen des Verstandes*”. Самый интересный заимствованный «Ежемесячными сочинениями» из этого журнала материал — вольный перевод И.П. Елагиным полемических листков К.Х. Гертнера (Karl Christian Gärtner, 1712—1791) “*Der Autor*” («Автор»). Воспользовавшись удобной формой полемического выступления, Елагин таким образом вступил в полемику со своими литературными оппонентами (см. о полемике подробнее: [5]). Им же из “*Belustigungen...*” было сделано для «Ежемесячных сочинений» еще два перевода: «Сказка» (заглавие подлинника “*Irus*”) Г.В. Рабенера (Gottlieb Wilhelm Rabener, 1714—1771) и «Аллегория о противуречиях в любви» И.И. Крейцберга (Johann Joachim Kreuzberg) [8. 1756. Т. I. С. 66—69; 147—152]. Возможно, в них, как и в «Авторе», содержатся какие-либо полемические намеки. Так, «Аллегория...» имеет примечание, отсутствующее в оригинале: «В басне не надлежит на слова смотреть, но на лица. Хотя ИЗОБИЛИЕ есть имя рода среднего, а ЛЮБОВЬ женского. Но они представляют тут лице какое приписует им МИТОЛОГИЯ». Согласно поэтическому словарю, «металогия (от греч. μετά — через, после, за и λόγος — слово, речь) — употребление в поэтическом произведении слов и выражений в их переносном значении, образном или фигуральном» [9. С. 155].

Кроме перечисленных елагинских, из “*Belustigungen...*” в «Ежемесячных сочинениях» появились еще два перевода. В августовской книжке за 1755 г. был напечатан перевод стихотворения Х.Ф. Геллерта (Christian Fürchtegott Gellert, 1715—1769) “*Die Liebenswürdige*” [8. 1755. Т. II. С. 151—155]. Этот текст иногда приписывают Сумарокову по ошибке, идущей от издания Н.И. Новикова и возникшей из-за того, что сумароковские публикации в этом номере журнала идут сразу вслед за названной. В ноябрьском номере за 1764 г. был опубликован перевод из сочинений И.Э. Шлегеля (Johann Elias Schlegel, 1719—1749) — «Демокрит. Разговор в мертвых» [8. 1764. Т. II. С. 441—467]. «Разговоры в царстве мертвых» как вид моралистической прозы в европейской литературе занимали определенную нишу и сформировались как устойчивый жанр. «Разговор» Шлегеля — не единственный, опубликованный «Ежемесячными сочинениями» текст в этом жанре, практически все они ожидаемо переводные (см. об этом подробнее: [6]).

Не прошел мимо внимания Миллера и издававшийся «младшими готшедианцами» журнал «Новые материалы для удовлетворения ума и остроумия» (“*Neue*

Beyträge zum Vergnügen des Verstandes und Witzes”, 1744—1750; среди современников назывался коротко — “Bremer Beiträge”; у Миллера — «Бременские сочинения для увеселения разума»). Четыре статьи из этого журнала были опубликованы одна за другой в апрельской книжке «Ежемесячных сочинений» за 1760 г.: «Швифтовы размышления о разных материях» [8. 1760. Т. I. С. 335—353]; «Флорио: Нравоучительная повесть» [8. 1760. Т. I. С. 354—361]; «О смерти Сократовой» [8. 1760. Т. I. С. 362—367]; «О удовольствии: Фабула» [8. 1760. Т. I. С. 368—375]. Первая из перечисленных статей представляет определенный интерес с точки зрения определения авторства. В “Neue Beyträge zum Vergnügen des Verstandes und Witzes” текст попал из английского издания сочинений Дж. Свифта (Swift J. Miscellanies. Sec. ed. London: Benjamin Motte, 1733. Vol. II). Немецкий переводчик, а вслед за ним русский, по ошибке приписали Свифту, имевшему памфлет под таким же названием и печатавшему в собственных собраниях сочинений сочинения своих друзей, афоризмы А. Поупа (Alexander Pope, 1688—1744) [10. С. 111]. Однако в данном случае разобраться было, действительно, сложно, т.к. имя Поупа при сочинении нигде не значилось.

Английская литература попадала в российское культурное поле в подавляющем большинстве, как и в описанном выше случае, через английские или немецкие переводы-посредники. Английский язык был чужероден русской культуре XVIII в., его не знали. Упомянутый в перечне журналов «равного с нашим намерения» английский журнал под названием «Всеобщий журнал» (“The Universal Magazine”, полное название — “The Universal Magazine of Knowledge and Pleasure”, 1747—1814 [«Всеобщий журнал познания и удовольствия»]; у Миллера — «Универсальной магазин») явился источником пяти переводов: «Размышления о удовольствии» [8. 1758. Т. II. С. 182—187]; «Примечания о прежнем и нынешнем числе жителей на нашем земном круге» [8. 1758. Т. II. С. 282—285]; «Размышления о превосходстве человеческого разума, науками и искусствами исправляемого» [8. 1759. Т. I. С. 243—249]; «Рассуждение о состоянии человека в младенчестве» [8. 1759. Т. II. С. 426—455]; «Древние времена лутче ли нынешних» [8. 1760. Т. I. С. 145—157].

Однако следует отметить, что все отсылки к этому изданию нуждаются в тщательной проверке на предмет того, были они в действительности переведены с английского или в руках переводчика был какой-либо посредующий перевод. В России со времен Петра I в ходу были в основном два иностранных языка — немецкий и французский. Именно эти языки, как отметил П.Р. Заборов, стали основными языками-посредниками на протяжении практически всего XVIII в. для произведений как на европейских, так и на восточных языках [11. С. 307, 308, 310]. Так, статья одного из самых видных деятелей английского Просвещения С. Джонсона (Samuel Johnson, 1709—1784), опубликованная им в английском «Журнале для дворянина» (“The Gentleman’s Magazine”; у Миллера — «Магазин для дворянства»), попала в «Ежемесячные сочинения» через перевод-посредник в немецком сборнике, что и было отмечено в подзаголовке напечатанной статьи: «Явление, виденное Феодором, пустынноиком Tenerifским, и по смерти его найденное в его пещере. Из книги Gesellschaftliche Erzehlungen» [8. 1760. Т. II. С. 252—275] (см. указание на это Ю.Д. Левина [10. С. 28]).

В то же время едва ли не самыми известными европейскими журналами, несущими важнейшую в свете концепции журнала морализаторскую функцию, были английские. Это издания Дж. Аддисона (Joseph Addison, 1672—1719) и Р. Стилла (Richard Steele, 1672—1729): «Болтун» (“The Tatler”, 1709—1711), «Зритель» (“The Spectator”, 1711—1712), «Опекун» (“The Guardian”, 1713), а также еще три сходных по форме нравоучительных издания — «Зритель» (1715) У. Бонда (William Bond, ?—1735), «Скиталец» (“The Rambler”, 1750—1752) С. Джонсона и сборник О. Голдсмита (Oliver Goldsmith, 1730—1774) «Гражданин мира» (“The Citizen of the World”, 1762). По подсчетам Ю.Д. Левина, из этих изданий в «Ежемесячных сочинениях» было опубликовано 40 статей, кроме этого, английские издания стали первоисточником для еще 9 публикаций [10. С. 25; 11. С. 339]. Надо отметить, что журналы Стилла и Аддисона в качестве первоисточника нравоучительных заметок не были новы для Миллера, он пользовался немецкими или французскими переводами-посредниками еще при наполнении «Примечаний к Ведомостям» [10. С. 19—23]. Основные морально-этические вопросы, которые «Ежемесячные сочинения» поднимали, пользуясь этими «английскими» материалами, соответствовали нормам морали эпохи Просвещения: о человеческой «натуре», поведении человека в обществе, женских добродетелях. Часто моралистические рассуждения предлагались в форме разговоров, притч и снов [10. С. 26—33].

Источником моралистических переводов «Ежемесячных сочинений» были не только журнальные статьи, но и книги, находящиеся в актуальном культурном поле эпохи. Как и в журнальных статьях, основной в них является нравоучительная составляющая.

Прежде всего, здесь стоит обратить внимание на «корпус сентенций северных авторов» [11. С. 62]: «Письма» (“Epistler”) и «Нравоучительные рассуждения» (“Moraliske Tanker”) «датского Мольера», профессора Копенгагенского университета барона Л. Гольберга (Ludvig Holberg, 1684—1754), а также франкоязычные «Нравоучительные мнения» (“Pensées et réflexions morales”) «северного Монтеня» Ю. Оксенштерны (Johan Turesson Oxenstierna, 1666—1733). В отечественной историографии автором «Мнений» назван шведский канцлер Аксель Оксенштерна (1583—1654), что, как справедливо отмечает М.Ю. Люстров, неверно [11. С. 159].

Первыми публикациями этого «корпуса» были переводы из «Писем» Гольберга, выполненные будущим известным литератором и воспитателем наследника престола Павла Петровича С.А. Порошиным, — «Рассуждение о китайском языке» [8. 1757. Ч. I. С. 160—164] и «Последнее письмо в первом томе смешанных господина барона Голберга писем» [8. 1757. Ч. II. С. 475—477]. Порошин, тогда еще воспитанник Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, делал эти переводы в том числе и в целях обучения иностранному языку. Датский язык, на котором написаны «Письма», в корпусе не преподавался, перевод со всей очевидностью сделан с немецкого. На издание, с которого был сделан перевод, указывает, в частности, название второй статьи («последнее письмо в первом томе»), в которой речь идет об «Илиаде» Гомера. Это восьмидесятое и последнее письмо в первом томе издания: Holberg L. Briefe, von verschiedenen historischen, politischen, metaphysischen, moralischen, philosophischen auch scherzhaften Materien: 2 Bde.

Kopenhagen und Leipzig: Wentzel, 1749. Однако Порошину было известно и другое произведение Гольберга, которое называлось «смешанные письма». Видимо, это было пятичастное издание того же Отто Вентцеля: *Holberg L. Vermischte Briefe: 5 Vde. Copenhagen und Leipzig: Wenzel, 1750—1755*), из третьей части которого он перевел 38 письмо: «Письмо, в котором сравнивается Александр Великий с Карлом XII» [8. 1757. Ч. I. С. 266—292].

Еще шесть фрагментов были переведены для «Ежемесячных сочинений» из «Нравоучительных рассуждений» «датского Мольера»: «О скупости богатого и о расточении убогого» [8. 1758. Ч. I. С. 213—229]; «О правильном употреблении хвалы и хуления» [8. 1758. Ч. I. С. 281—286, 548—553]; «Из Голберговых нравоученных рассуждений. Толкование эпиграммы к Марциеллу о том, чтоб стараться не иметь у себя неприятелей» [8. 1758. Ч. II. С. 463—471]; «Перевод из нравоучительных рассуждений барона Голберга» [об относительности в человеческом восприятии счастья и несчастья] [8. 1759. Ч. I. С. 262—272]; «Истинная добродетель» [8. 1759. Ч. I. С. 376—383]; «О избирании умов и склонностей к наукам» [8. 1759. Ч. II. С. 360—373]. Первый из них помечен как перевод с датского Ивана Борисова. Судя по всему, академический переводчик И. Борисов работал с изданием: *Holberg L. Moralske Tanker: 2 vol. Kjøbenhavn: Ernst Henrich Berling, 1744* (переизд. 1758). Что касается остальных переводов — определение того, датский или немецкий текст послужил их источником, требует дополнительных разысканий.

Переводы из «Нравоучительных мнений» Ю. Оксенштерны увидели свет на страницах журнала семь раз. «Средства к сохранению здравия» [8. 1757. Ч. II. С. 478—479]; «О деньгах» [8. 1758. Ч. I. С. 470—472]; «О уединении» [8. 1758. Ч. I. С. 473—474]; «О философии» [8. 1758. Ч. II. С. 87—90]; «Нравоучительные рассуждения графа Оксенштерна» [небольшие нравоучительные зарисовки на различные темы: о уединении, о человеке, о фортуне, о любви к отечеству и др.] [8. 1760. Ч. II. С. 371—383, 557—561]; «О бережливости и скупости» [8. 1761. Ч. II. С. 477—480]. Источником перевода могло послужить любое французское издание 1750-х гг., например: *Oxenstierna J.T. Pensées et réflexions morales sur divers sujets. Haye: Jeanvan Duren, 1757*.

Переводили франкоязычные тексты шведского мыслителя известные в будущем, а тогда только начинающие свою карьеру, писатели: те же Порошин и Щербатов, а также сын «токаря Петра Великого», будущий президент Вольного экономического общества А.А. Нартов и С.В. Нарышкин (1731—1807), будущий вице-президент Берг-коллегии. «Мнения» были настолько популярны в России, что в 1792 г. вышло их полное русское издание.

Яркое свидетельство популярности произведений «северных авторов» находим в «Записках» Болотова: «Несколько дней читал я ее, не уставая; и хотя была она не из самолучших, но для меня послужила тогда в превеликую пользу. Сочинитель говорил в ней обо всем на свете и о всей человеческой жизни вперил в меня множество весьма хороших и таких мыслей, которые послужили мне великим побуждением к порядочной жизни и к возможнейшему удалению от пороков, а что всего лучше, заохотил меня и к дальнейшему чтению книг сему подобных» [3. Стб. 762—763].

Не меньшее влияние на мемуариста оказали и сочинения Гольберга: «Ко всему тому очень много помогло мне то, что попались мне в руки хорошие нравоучительные сочинения, и между прочим нравоучительное рассуждение господина Гольберга. Сему славному датскому барону и сочинителю я очень много в жизнь свою обязан. Он почти первый сочинениями своими вперил в меня охоту к нравоучению и прилепил меня так сильно к оному, что мне захотелось уже и самому, по примеру его, сделаться нравоучителем. За сие и поныне имею я к сему, давно уже умершему мужу, особое почтение и с особливими чувствами смотрю на его портрет, в одной книге у себя найденный» [3. Стб. 959].

Любопытно, что в данных отрывках речь идет о 1758—1760 гг., то есть том времени, когда на страницах «Ежемесячных сочинений» увидели свет первые русские переводы Оксенштерны и Гольберга. Таким образом, очевидно, что Миллер пытался познакомить читающую русскую публику с теми текстами, которые были в ходу у образованного общества.

Типологически примыкает к «корпусу сентенций северных авторов» менее известный текст — «Собрание мелких сочинений» (“Gesammelte kleine Schriften”) И. фон Лоэна (Johann Michael von Loën, 1694—1776). Лоэн практически не известен российской истории литературы. Между тем на страницах «Ежемесячных сочинений» было помещено семь переводов его небольших моралистических зарисовок под незамысловатыми названиями: «Изображение Совершенного человека» [8. 1761. Ч. II. С. 177—192]; «Своенравие и Упрямство» [8. 1761. Ч. II. С. 340—352]; «Щедрость» [8. 1761. Ч. II. С. 374—383]; «Сребролюбивой» [8. 1761. Ч. II. С. 468—476]; «Ленивой» [8. 1761. Ч. II. С. 534—540]; «Герой» [8. 1762. Ч. I. С. 619—637]; «Пиита» [8. 1763. Ч. II. С. 38—72].

В отличие от отечественной, в европейской культуре Лоэн занимает одно из видных мест как писатель, ученый и государственный деятель, а также муж родной сестры бабки великого И. Гете (Goethes Großvater). Он был автором ряда философско-религиозных сочинений. «Собрание мелких сочинений» Лоэна выходило во Франкфурте и Лейпциге в 1750—1752 гг. в 4 частях (Loën J.M. Des Herrn von Loen gesammelte kleine Schriften: 4 Tl. Franckfurt; Leipzig: Philipp Heinrich Huttern; Heinrich Ludwig Bönner, 1750—1752. Bd. 1—4). Судя по публикациям «Ежемесячных сочинений», в руках у переводчика была лишь первая часть этого издания.

Литературный отдел первого научно-популярного журнала России, к которому относились переводные литературные материалы, был достаточно обширен как по жанровой принадлежности печатавшихся в нем произведений, так и по подбору авторов. И если «стихотворные сочинения» предполагались скорее для «увеселения» читателя, о чем Миллер писал в «Предупреждении» к первому номеру [8. 1755. Ч. I. С. 8 (перв. паг.)], то художественной прозе, которая была почти исключительно переводной, отводилась роль несколько другая: «Есть еще и другие пиитические сочинения, которые не требуют, чтоб написаны были стихами, а именно: нравоучительные притчи, сны, повести и подобные тому описания. Изображенные таким простым слогом пиитические вымышления не меньше полезны, коль и приятны. Того ради намерены мы временем сообщать и такие сочинения; а при том чаем, что переводы всяких полезных и приятных материй,

взятых из иностранных книг, не неприятны будут читателям» [8. 1755. Т. I. С. 8—9 (перв. паг.)].

Отсюда видно, что печатание переводных моралистических сочинений предполагалось Миллером сразу и что именно в этого рода произведениях редактор видел соединение двух принципов, лежащих в основе журнальной концепции: пользы и увеселения.

Узкие рамки данной статьи не позволяют уделить внимание увидевшим свет в «Ежемесячных сочинениях» первым в русской литературе переводам Вольтера, впрочем, они уже частично были рассмотрены исследователями [4. С. 5—13].

© Готовцева А.Г., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- [1] *Бердников Л.И.* Дерзость Алексея Ржевского // Новая юность. 2011. № 6 (105). С. 138—146.
- [2] *Берков П.Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л.: АН СССР, 1952. 572 с.
- [3] *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова описанные самим им для своих потомков, 1738—1793: в 4 т. СПб.: Печатня В. Головина, 1871. Т. I. [2], X с., 1017 стб.
- [4] Вольтер в России: библиографический указатель 1735—1995. Русские писатели о Вольтере: стихотворения, статьи, письма, воспоминания. М.: Рудомино, 1995. 388 с.
- [5] *Готовцева А.Г.* К истории публикации статьи «О качествах стихотворца рассуждение» в журнале Академии наук «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» // Эдиционная практика и проблемы текстологии. М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 129—141.
- [6] *Готовцева А.Г.* «Разговоры по подобию Лукиановых»: жанр «разговоров» в журнале Академии наук «Ежемесячные сочинения» // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 1 (34) С. 9—16.
- [7] *Гуковский Г.А.* Русская литература в немецком журнале XVIII века // XVIII век. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Сб. 3. С. 396—397.
- [8] Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие: журнал. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1755—1763. Ежемес., 2 ч. в год (с 1758 г. — «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», с 1763 г. — «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах»).
- [9] *Квятковский А.П.* Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. 376 с.
- [10] *Левин Ю.Д.* Восприятие английской литературы в России. Л.: Наука, 1990. 288 с.
- [11] Русско-европейские литературные связи. XVIII век. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 432 с.
- [12] *Чечулин Н.Д.* Хронология и список сочинений кн. М.М. Шербатова // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. № 8. Отд. II. С. 337—364.
- [13] *Шмидт Х.* Русская тема в научной публицистике г. Галле и Галльского университета в середине XVIII века // XVIII век. Сборник 21. Памяти Павла Наумовича Беркова (1896—1969). СПб.: Наука, 1999. С. 108—118.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 сентября 2018

Дата принятия к печати: 24 сентября 2018

Для цитирования:

Готовцева А.Г. «Достойнейшее упражнение ученого человека»: литературные переводы в первом русском журнале // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия:

Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 4. С. 466—476. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-466-476

Сведения об авторе:

Готовцева Анастасия Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературной критики Института массмедиа Российского государственного гуманитарного университета. *Контактная информация:* e-mail: brunhilda@yandex.ru

“The reliable exercise of the scientist man”: literature translation in the first Russian journal

A.G. Gotovtseva

The Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation

The article is devoted to the prose translational publications of the first Russian popular science magazine “Monthly Essays for Benefit and Entertainment”. These publications are moralistic. Their sources were Western European literary magazines, as well as collected works of European authors. Translated literature was in the XVIII century was almost the main channel through which the Russian educated society spontaneously assimilated the ideas of the European Enlightenment. Along with this, a culture of literary and artistic translation developed. Journal Editor Academician G.F. Miller believed that translated moral prose combines both of the fundamental principles of his journal — “benefit” and “entertainment”.

Keywords: G.F. Miller, Academy of Sciences, translated literature, “Monthly Essays, for Benefit and Entertainment”, moral literature, the Enlightenment, I.K. Gottshed, L. Golberg, J. Oxenstern, I. Loen, Russian-European literary connections

References

- [1] Berdnikov L.I. Derzost' Alekseya Rzhevskogo [Audacity of Aleksei Rzhevsky]. *Novaya yunost'* [New youth]. 2011. No. 6(105). Pp. 138—146.
- [2] Berkov P.N. Istoriya russkoj zhurnalistiki XVIII veka [History of Russian journalism of the 18th century]. Moscow, Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1952. 572 p.
- [3] Bolotov A.T. Zhizn' i priklyucheniya Andreya Bolotova opisannye samim im dlya svoikh potomkov, 1738—1793 [The life and adventures of Andrei Timofeevich Bolotov, described by him for his descendants]: 4 t. Saint Petersburg: V. Golovin Printing House, 1871. Vol. I. [2], X p., 1017 col.
- [4] Vol'ter v Rossii: Bibliograficheskij ukazatel' 1735—1995. Russkie pisateli o Vol'tere: stihotvoreniya, stat'i, pis'ma, vospominaniya [Voltaire in Russia: Bibliographical index 1735—1995. Russian writers about Voltaire: poems, articles, letters, memoirs]. Moscow: Rudomino, 1995. 388 p.
- [5] Gotovtseva A.G. K istorii publikacii stat'i “O kachestvakh stihotvorca rassuzhdenie” v zhurnale Akademii nauk “Ezhemesyachnye sochineniya, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie” [To the history of the publication of the article “On the qualities of the poet reasoning” in the journal of the Academy of Sciences “Monthly Essays, for the Benefit and Amusement of the Servants”]. *Ehdicionnaya praktika i problemy tekstologii* [Publishing practices and problems of textology]. Moscow: RSUH Publishing house, 2006. Pp. 129—141.

- [6] Gotovceva A.G. “Razgovory po podobiyu Lukianovykh”: Zhanr “razgovorov” v zhurnale Akademii nauk “Ezhemesyachnye sochineniya” [“Dialogues on Lukian’s like”: works in the genre of “dialogues” in the journal of the Academy of Sciences “Monthly essays”]. *Vestnik RGGU. Ser. Istoriya. Filologiya. Kul’turologiya. Vostokovedenie* [RSUH Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies]. 2018. No. 1(34). Pp. 9—16.
- [7] Gukovskij G.A. Russkaya literatura v nemeckom zhurnale XVIII veka [Russian literature in the 18th century German magazine]. *XVIII vek* [XVIII century]. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958. Sb. 3. Pp. 396—397.
- [8] Ezhemesyachnye sochineniya, k pol’ze i uveseleniyu sluzhashchie [Monthly Essays for Benefit and Entertainment]. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1755—1763. Monthly, 2 parts per year.
- [9] Kvyatkovskij A.P. Poeticheskij slovar’ [Poetic dictionary]. Moscow: Soviet encyclopedia, 1966. 376 p.
- [10] Levin Yu.D. Vospriyatie anglijskoj literatury v Rossii [The perception of English literature in Russia]. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1990. 288 p.
- [11] Russko-evropejskie literaturnye svyazi. XVIII vek [Russian-European Literary Relations. XVIII Century]. Saint Petersburg: Faculty of Philology and Art of Saint Petersburg State University, 2008. 432 p.
- [12] Chechulin N.D. Khronologiya i spisok sochinenij kn. M.M. Scherbatova [Chronology and list of works of Prince M.M. Shcherbatov]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education]. 1900. No. 8. Section II. Pp. 337—364.
- [13] Schmidt H. Russkaya tema v nauchnoj publicistike g. Galle i Gall’skogo universiteta v seredine XVIII veka [Russian theme in the scientific journalism of the city of Galle and the University of Gallia in the middle of the XVIII century]. *XVIII vek. Sbornik 21. Pamyati Pavla Naumovicha Berkova (1896—1969)* [XVIII century. Compilation 21. In memory of Pavel Naumovich Berkov]. Saint Petersburg: The science, 1999. Pp. 108—118.

Article history:

Received: 15 September 2018

Revised: 20 September 2018

Accepted: 24 September 2018

For citation:

Gotovtseva A.G. (2018). “The reliable exercise of the scientist man”: literature translation in the first Russian journal. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23(4), 466—476. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-466-476

Bio Note:

Gotovtseva Anastasiya Gennadievna, Dr. in Philology, Professor of the Literary Criticism Department, Massmedia Institute, Russian State University for the Humanities. *Contacts:* e-mail: brunhilda@yandex.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-477-482

УДК 821.16.1

Время и пространство современной русской прозы: неомодернизм и постмодернизм

Рецензия на учебное пособие: *Кротова Д.В.*
Современная русская литература. Постмодернизм
и неомодернизм. М.: МАКС Пресс, 2018. 224 с.

Я.В. Солдаткина

Московский педагогический государственный университет
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, 1

Современная русская литература активно обсуждается как литературными критиками и читателями, членами жюри литературных премий, так и научным сообществом. Приведем самый яркий пример: кафедра русской литературы XX—XXI вв. Ягеллонского университета г. Кракова (Польша) в 2018 г. провела уже вторую международную научную конференцию из серии «Знаковые имена современной русской литературы», посвященную творчеству Е.Г. Водолазкина, — писателя, удостоившегося отдельного параграфа в рецензируемом издании. С этой точки зрения появление пособия Д.В. Кротовой — закономерная необходимость, восполняющая ощущаемый недостаток прежде всего учебных материалов по современной русской литературе, адресованных студентам-гуманитариям, а также в перспективе и преподавателям, нуждающимся в методических рекомендациях по интерпретации современных текстов, выбору наиболее эстетически состоятельных и значимых для современной культуры.

Д.В. Кротовой предложена собственная обоснованная концепция основных стилистических направлений современного отечественного литературного процесса, позволяющая сформировать у учащихся системное представление о наиболее ярко развивающихся тенденциях современной прозы. Таким образом, пособие актуально, поскольку подводит некий смысловой, пусть пока и промежуточный, итог научного анализа современной литературы. Подчеркнем, что в своих разысканиях Д.В. Кротова вынуждена ссылаться на статьи в специализированных гуманитарных журналах, поскольку привлекаемые ею учебники и пособия известных отечественных ученых (А.Г. Коваленко, В.А. Мескина, Т.М. Колядич, Г.Л. Нефагиной, И.С. Скоропановой, М.А. Черняк, С.И. Чупринина и др.) в большинстве своем затрагивают только тексты рубежа XX—XXI вв., но не последнего десятилетия, ставшего поистине расцветом русской прозы. Недостаток литературоведческой рецепции восполняется писательскими «автокомментариями» — интервью с рассматриваемыми в пособии прозаиками, особенно ценными для историка литературы в качестве дополнительных материалов, проясняющих и уточняющих художественные тексты.

Для самой Д.В. Кротовой обращение к исследованию и интерпретации современной прозы в учебных целях представляется органичным: сфера ее преподавательских интересов тесно связана с динамикой развития русской литературы XX—XXI вв., что логичным образом приводит ее к осмыслению тех ключевых литературных тенденций, которые определяют лицо современной русской прозы. Оговоримся, что, хотя тема пособия сформулирована очень широко, подзаголовок позволяет автору ограничиться только двумя наиболее масштабными и, согласимся тут с Д.В. Кротовой, наиболее интересными в контексте диалога или же полемики с литературной и духовной отечественными традициями литературными «школами». Как отмечает сама Д.В. Кротова, подобное сужение темы — это ее осознанный исследовательский выбор, обусловленный недостатком рецепции именно рассматриваемых ею текстов, — и в этом отношении вполне правомочный и обоснованный. Мы со своей стороны поддержим автора пособия, поскольку также считает современную прозу одним из самых перспективных объектов для изучения.

Пособие состоит из двух обстоятельных глав, связанных со стилевыми доминантами постмодернизма и неомодернизма. Каждая из глав снабжена подробным историко-литературным экскурсом, проясняющим художественные принципы соответствующего феномена, их генезис и связь с литературным процессом эпохи. Этими соображениями продиктовано включение в пособие параграфа о первой волне русского постмодернизма (в терминологии И.С. Скоропановой), который позволяет для студенческой аудитории описать основные национальные особенности постмодернизма, очертить круг тем и авторов (Вен. Ерофеев, А. Синявский, А. Битов), обратить внимание на «пушкинскую тему» в русском постмодернизме, наглядно характеризующую сложное взаимодействие постмодернизма с предшествующей литературой: от переименования и деконструкции массовых мифов до поиска истинного образа «свободного гения». С другой стороны, Д.В. Кротова стремится системно охарактеризовать современный этап развития русского постмодернизма: объекты деконструкции, отношение к советскому и современному масскульту, стилистические и идеологические открытия. И если художественный мир В.О. Пелевина рассматривается в пособии в основном на примере его произведений конца XX в., сейчас уже считающихся «классическими» («Омон Ра», «Жизнь насекомых», «Чапаев и пустота»), то смысловым центром главы становится творчество В.Г. Сорокина. Автор пособия раскрывает эволюцию и одновременно константность принципов деконструкции действительности в прозе Сорокина, уделяет особое внимание его своеобразной трилогии конца нулевых: «День опричника», «Сахарный Кремль», «Метель». Доминантой этих произведений является неприятие «патриотизма эпохи Нового Средневековья». В текстах за антиутопическим средневековым антуражем («опричники», «гужевой транспорт», печи вместо газовых плит, открытые апелляции к Домострою) просматривается острая полемика с современной модой на «духовные скрепы», с поиском национальной идентичности. Показательно, что один из ключевых образов «московского текста» — Кремль — теряет у Сорокина свою сакральность, в соответствии с постмодернистской поэтикой превращаясь в сусально-слащавый

(сахарный) симулякр государственности, основанной на насилии и подавлении личности. Как справедливо отмечает Д.В. Кротова, частотный для современного изображения Средневековья мотив грязи (запахи, фекалии) вырастает у Сорокина до обобщающего художественного символа общей нечистоты.

Политические фантазмагии и трансформации «советского прошлого» продолжают интересовать Сорокина и в 2010-х гг. Автор пособия привлекает для анализа последние романы писателя: «Теллурию» с ее издевательским переосмыслением концепции СССР и парадоксальным, но типичным для постмодернизма восстановлением национальной идентичности через формальное разрушение общества, а также «Манарагу» с ее идеей аннигиляции не только «национальностей», но и культурного достояния как такового. Характерные для Сорокина темы испражнения и поедания в произведениях XXI в. маркируют процесс деконструкции как в физическом, так и в духовном аспекте, намекая на полнейшее уничтожение и девальвацию смыслов и ценностей. Сорокинский постмодернизм, как указывает Д.В. Кротова, наиболее последовательно придерживается общих постмодернистских художественных приемов и мироощущения, ориентированного на формирование образа мира-хаоса. При этом Сорокиным активно используется «национальный колорит» и свойственные всему русскому постмодернизму иррациональные надежды на то, что после кризиса общество и культура получат шанс на обновление.

Наиболее новаторская часть пособия посвящена такому стилистическому направлению в современной прозе, как неомодернизм. Мы абсолютно согласны с Д.В. Кротовой в том, что неомодернизм представляет собой одну из самых значимых, активно развивающихся, но еще недостаточно отрефлектированных в научном дискурсе тенденций современного литературного процесса. Действительно, между постмодернизмом, с одной стороны, и реалистическими нарративами — с другой, в современной литературе можно выделить группу авторов и произведений, которых объединяет ряд общих этико-эстетических черт, соотносимых с поэтикой модернизма начала прошлого века. Среди них Д.В. Кротова называет «Миусскую площадь» М.М. Голубкова, «Мысленного волка» А.Н. Варламова, «Лавра» и «Авиатора» Е.Г. Водолазкина, оговариваясь, что ряд может быть продолжен романами М.П. Шишкина (и М.С. Петросян, добавим от себя).

Перечислим основные художественные признаки неомодернизма, исходя из собственных научных наблюдений над современной прозой. В первую очередь, в основе этих текстов лежит внутренний конфликт между «бытом и бытием»: между творчески одаренными, ищущими героями (это могут быть дипломат/разведчик и инженер-ученый, как у М.М. Голубкова, переводчик и певица, как у М.П. Шишкина, писатель и филолог, как у А.Н. Варламова, средневековый врач-святой или несостоявшийся художник, как у Е.Г. Водолазкина, подростки-инвалиды, как у М.С. Петросян) и окружающей их эпохой. Герои неомодернизма мучительно размышляют над проблемой времени — и исторического контекста, и философской категории, поскольку более всего, как и классических модернистов, их волнуют пути преодоления разрушительной работы времени и, в конечном итоге, самой смерти. В молитве и покаянии, в фиксации воспоминаний, в худо-

жественных образах, в фантастическом прорыве в потусторонний мир эти персонажи обретают вечную жизнь, побеждая грех, тлен, приземленный быт. В структурном плане эти онтологические запросы реализуются с помощью открытых финалов, сложных спиралевидных, нелинейных композиций, отражающих идею о возвратности и бессилии времени. Для неомодернистов, как и для их старших литературных предшественников, характерна «тоска по мировой культуре» — жажда культурного диалога и сохранения — в противовес масскульту — культурных артефактов, их «новое прочтение» современным сознанием. Принципиальное отличие от постмодернистской установки на деконструкцию цитируемого материала состоит у неомодернистов именно в интенции созидания культурного пространства, бережного восстановления прошлого, отвоевании его у небытия.

Д.В. Кротова акцентирует внимание читателей на таких свойствах неомодернистских текстов, как «проблема онтологического зла», побуждающего героев к нравственному выбору — формированию активной жизненной позиции во взаимоотношениях с эпохой («проблема личности и эпохи»), и специфика повествовательных техник — «совмещение разных точек зрения», обращение к «фантастической и гротесковой образности». Нам импонирует стремление автора пособия увидеть в современных неомодернистах своего рода «цеховую общность»: рассматриваемые в пособии авторы являются действующими филологами с соответствующими учеными степенями и должностями, а созданные ими произведения по этому признаку могут быть причислены к категории «филологических романов». Помимо важных для учебных целей «биографических деталей», привлекающих внимание студентов, отметим компактное и функциональное изложение в пособии содержания анализируемых произведений, способное сориентировать учащегося на этапе знакомства с текстом.

К достоинствам изложения следует отнести и стремление автора сопоставить избранные произведения с ключевыми литературными тенденциями XX—XXI вв. Так, роман М.М. Голубкова «Миусская площадь» соотносится и с продуктивно развивающимся «московским текстом», и с популярным жанром исторического повествования, и с запросом на новые прочтение советского прошлого, в частности времени «Большого террора». В соответствии с неомодернистскими установками в романе Голубкова действие строится вокруг темы личной ответственности человека перед историей и страной.

В главе, посвященной творчеству А.Н. Варламова, его неосимволистский (по определению В.А. Мескина) роман «Мысленный волк» рассматривается в неразрывной связи с другими текстами писателя: с одной стороны, с постсоветскими повестями («Затонувший ковчег», «Лох») и биографиями из серии «ЖЗЛ», с другой. В «Мысленном волке», по наблюдению Д.В. Кротовой, персонажи предреволюционной эпохи, легко узнаваемые «модернисты» М. Пришвин и А. Грин, осмысляются уже в неомодернистской художественной парадигме борьбы с дьявольскими силами за духовное бессмертие («личная судьба») и за будущее страны («историческое бытие»). Предложенный Д.В. Кротовой инструментарий применим и для анализа нового романа Варламова «Душа моя Павел», содержащего, на наш взгляд, узнаваемые неомодернистские черты.

Романистика Е.Г. Водолазкина, любящего в интервью сравнивать поэтику своих произведений с приемами постмодернизма, в пособии совершенно справедливо отнесена к немодернистскому направлению. Такие черты знаменитых «Лавра» и «Авиатора», как универсализация (взаимопроницаемость временных пластов), тяготение к поиску нравственных оснований человеческого существования), притчевость повествования, когда герои служат в первую очередь для выражения морального урока и назидательного примера, использование «нелинейной» модели времени — являются художественными маркерами неомодернизма с его стремлением в полемике с массовой культурой выстроить аксиологическую вертикаль, сформулировать ценностные координаты бытия. Д.В. Кротова аргументировано сближает тексты Водолазкина и Голубкова, развивающие концепцию «родного времени», подчеркивая тем самым принципиальный для неомодернизма отказ от общепринятой идеи поступательного движения времени.

Подводя итоги, мы можем рекомендовать пособие Д.В. Кротовой всем специалистам, занимающимся проблемами изучения и преподавания современной литературы: в нем не только отражены наиболее значимые стилистические направления русской прозы, но и предложены методологические алгоритмы для анализа новых произведений, создаваемых в русле постмодернизма и неомодернизма. Продуктивность и своевременность научных наблюдений Д.В. Кротовой подтверждают публикации таких текстов, как “iPhuck 10” В. Пелевина, «Петровы в гриппе и вокруг него» А. Сальникова, уже упомянутого «Душа моя Павел» А. Варламова и ожидаемого «Брисбена» Е. Водолазкина.

© Солдаткина Я.В., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 7 сентября 2018

Дата принятия к печати: 17 сентября 2018

Для цитирования:

Солдаткина Я.В. Время и пространство современной русской прозы: неомодернизм и постмодернизм (рецензия на учебное пособие: Кротова Д.В. Современная русская литература. Постмодернизм и неомодернизм. М.: МАКС Пресс, 2018. 224 с.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 4. С. 477—482. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-477-482

Сведения об авторе:

Солдаткина Янина Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный педагогический институт. *Контактная информация:* e-mail:yav.soldatkina@mpgu.edu

Time and space of contemporary Russian prose: newmodernism and postmodernism

Review of the study guide: Krotova D.V. Modern Russian literature. Post-modern and “New-modern”. М.: MAKS Press, 2018. 224 p.

Ya.V. Soldatkina

Moscow State Pedagogical University
1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119991, Russian Federation

Article history:

Received: 7 September 2018

Revised: 10 September 2018

Accepted: 17 September 2018

For citation:

Soldatkina Ya.V. (2018). Time and space of contemporary Russian prose: newmodernism and postmodernism (review of the study guide: Krotova D.V. Modern Russian literature. Post-modern and “New-modern”. М.: MAKS Press, 2018. 224 p.). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23(4), 477–482. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-477-482

Bio Note:

Soldatkina Yanina Victorovna, Doctor of Philology, Professor, Moscow State Pedagogical University.
Contacts: e-mail: yav.soldatkina@mpgu.edu

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-483-488

УДК 316.77

Иллюстрация стереотипного подхода США к информационной оценке России

Рецензия на фильм Ф. Захария
«Самый могущественный человек в мире»

Ел.В. Мартыненко, Н.П. Пархитько

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

В статье проводится аналитическое рассмотрение основных тезисов фильма CNN «Самый могущественный человек в мире», а также дается его журналистская и частично — политологическая характеристика. Исходя из политических и медийных реалий, в которых был создан и продемонстрирован указанный фильм, выявляется его роль и предназначение в политическом и информационном противостоянии США и России в новейшей истории. На основании проведенного анализа авторами выявлен стереотипный подход к информационной, политической и психологической оценке реалий, относящихся как к России в целом, так и к ее высшему руководству в частности.

Ключевые слова: КГБ, власть, протесты, коррупция, дезинформация, кибер-атаки

13 марта 2017 г. американский канал CNN показал фильм, одно название которого с самого начала должно было привлечь максимально широкую аудиторию. Американский журналист Ф. Захария, автор фильма, назвал его «Самый могущественный человек в мире» (англ. “The most powerful man in the world”. — *Прим. авт.*). Прежде чем приступать к анализу самой картины, полагаем, было бы уместно сказать несколько слов об ее авторе.

Фарид Захария является типичным представителем так называемых натурализованных американцев. Будучи родом из индийского Мумбаи и принадлежа к семье среднего достатка, он сумел не только получить блестящее образование в США, но и сделать успешную карьеру в этой стране. Начиная с 2000 г. он — редактор авторитетнейшего еженедельника Newsweek International, в котором отвечает за участок работы, посвященный международным отношениям. Кроме того, он является автором ряда книг, некоторые из которых переведены на иностранные языки, включая русский. К примеру, “The Post-American World”, 2008 («Постамериканский мир»), “The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad”, 2003 («Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами») [2]. Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что Ф. Захария, в целом, неплохо знаком с Россией и неоднократно посещал нашу страну. Наиболее известным примером является участие Ф. Захарии в качестве ведущего в

работе Петербургского международного экономического форума, состоявшегося 19 июня 2016 г.

Таким образом, при анализе личности создателя фильма возникает оправданное ожидание того, что картина будет содержать как минимум качественную журналистскую аналитику, а возможно и некий контент, подкрепленный достоверной аргументацией и претендующий на сенсационность. В реальности же мы (равно как и американские потребители информации) получили «продукт», мягко говоря, не соответствующий ни нашим ожиданиям, ни уровню профессионализма его создателя.

Длится документальный фильм сорок три минуты. Уже по прошествии первых десяти минут фильма становится очевидным, что он не рассказывает ничего принципиально нового и отличного от того, что снималось про В.В. Путина раньше как американскими, так и европейскими СМИ. Кроме того, чем больше времени проходит с момента начала просмотра, тем крепче становится ощущение, что сам фильм все сильнее напоминает театрализованную постановку: слишком четко в нем распределены «роли». О них стоит сказать отдельно.

Представителями «антипутинской» стороны (или, пользуясь шахматной терминологией, «белыми») в «Самом могущественном человеке» традиционно стали журналисты-эмигранты Юлия Иоффе [1] и Мария Гессен [6], финансист Уильям Браудер и шахматист Гарри Каспаров. «Пропутинскую» сторону (соответственно, «черных») в фильме представил только пресс-секретарь президента Дмитрий Песков, который в картине почему-то обозначен «первым заместителем» президента.

Диалектически фильм можно разделить на четыре смысловых блока. В первом, вступительном блоке (примерно 10 минут от общей продолжительности фильма) автор пытается знакомить аудиторию с личностью российского президента. Второй смысловой блок фильма, по нашему мнению, посвящен ухудшению российско-американских отношений в целом и отношений между В.В. Путиным и Х. Клинтон в частности. Третий смысловой блок посвящен «богатству» президента России: утверждается, будто Путин владеет десятками самолетов, вертолетов, океанскими яхтами и дворцами, а также, по предположению бывшего главы инвестиционной компании Hermitage Capital У. Браудера, «вероятно, обладает состоянием в 200 млрд долл.» [3]. Наконец, отличительной частью фильма CNN, которую мы условно относим к четвертому смысловому блоку, является его трехминутное заключение, в котором автор картины Фарид Закария высказывает свое мнение о В.В. Путине. По его словам, сами по себе Соединенные Штаты или Китай гораздо сильнее России, но и Владимир Путин качественно отличается от глав современных сверхдержав [4]. По мнению Закарии, западные лидеры неоправданно пытаются противостоять Путину, вместо того чтобы понять его. Журналист добавляет, что это не так просто, как кажется, ведь чтобы понять Путина, нужно понять Россию. Путина, считает Закария, очень сильно недооценили в международных кругах, потому что за создающимся образом диктатора, пренебрегающего гражданскими правами, стоит гораздо большее. Резюмируя свое понимание того, какими качествами обладает российский президент, автор утверж-

дает: «Он не настолько глуп, чтобы нападать на Америку или Европу “в лоб”. Он знает, как использовать власть асимметрично, применяя киберсилы и дезинформацию. Он понимает уязвимость свободных обществ, их внутреннее разделение, розни и зияющую открытость. Он понимает хрупкость таких институтов, как Европа и НАТО, таких идей, как интеграция и разнообразие» [3].

Итак, какое же впечатление оставляет нам фильм по завершении его просмотра? На наш взгляд, наиболее развернутый комментарий на этот счет сделал отечественный социолог Р.С. Могилевский, руководитель Агентства социальной информации (АСИ) в Санкт-Петербурге. Он отметил: «...фильм, судя по всему, сделан как будто не вполне серьезно, с некоторой дурашливостью. И не вполне понятно, что за этим скрывается: то ли автор действительно видит основания для таких своих суждений, то ли он занимается троллингом, причем посмеивается не столько над героем, сколько над самим собой. Закария использует ту же аргументацию, которую мы видели и в других статьях и фильмах на эту тему — от успехов в Сирии до “дворцов”. Но в тех произведениях эта аргументация подавалась куда более серьезно. Западная публика, особенно продвинутый истеблишмент, привык к серьезным публикациям и к серьезным контекстам. Для этой части аудитории нынешний фильм не станет серьезным основанием для того, чтобы испугаться Владимира Путина или, наоборот, уважать его.

Скорее всего, их отношение к нему вообще никак не изменится. Того, что было опубликовано, недостаточно для каких-то принципиально новых выводов и уж тем более для каких-то серьезных политических действий. <...> мы видим работу информационных машин, и наших и западных, направленную на демонстрацию свойств и качеств этого человека, его достоинств и недостатков. В некоторых из публикаций мы видим очень серьезный аналитический разбор его фигуры и его роли в исторических процессах, с четкой расстановкой акцентов. С этими выводами можно соглашаться или нет, но они подготовлены и представлены. А вот именно данный фильм CNN к этой категории серьезных работ не относится» [5].

Хотелось бы также выделить проходящий через весь фильм скрытый смысловой посыл, который несет в себе «заочная война», якобы введущаяся между В.В. Путиным и Х. Клинтон. Это дает по завершении просмотра картины четкий ответ на вопрос: почему именно демократы проиграли последние президентские выборы в США? Таким образом, выходит, что фильм не столько о Путине, сколько о Х. Клинтон, которая проиграла выборы не потому, что ее политическая программа не соответствовала ожиданиям американских избирателей и не потому, что предлагаемый ею курс был прямым продолжением тупикового политического курса администрации Б. Обамы. А значит, «истинной» причиной ее поражения (как и всей демократической партии в ее лице) стало то самое пресловутое «вмешательство извне», которое организовал ее давний политический оппонент, являющийся «самым могущественным человеком в мире».

По мнению авторов статьи, подобная политологическая трактовка фильма позволяет сделать о нем не самые лестные с точки зрения журналистики выводы. Фильм изобилует псевдоаналитикой и откровенными пропагандистскими клише.

К примеру, частые в России шутки в адрес Трампа преподносятся как симпатии к нему. Из слов Путина на пресс-конференции о том, что он не удивлен победе Трампа, делается вывод, что российский лидер не просто знал, а якобы организовал эту победу. В целом, задача, которую ставил перед собой автор, с пропагандистской точки зрения может считаться выполненной. Уже само название фильма придает главному «объекту» его повествования ореол зловещести, а материал, подкрепленный «экспертной аргументацией» людей, перечисленных в начале нашего краткого обзора, — и вовсе не оставляет аудитории шансов на альтернативную точку зрения. Согласно опросу CNN, проведенному осенью 2017 г., 75 % американцев считают Россию самой главной угрозой для Соединенных Штатов. С 1985 г., то есть фактически с окончания холодной войны, таких высот негативное восприятие России в США еще не достигало. Будучи опытным журналистом, г-н Захария следует тренду текущей политической конъюнктуры. По этой же причине представленный им медиаконтент носит сугубо пропагандистский характер, но при этом крайне далекий от информационно-аналитического и даже журналистского.

© Мартыненко Е.В., Пархитько Н.П., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- [1] Conversation: финансируемый Россией канал способен продвигать свободу прессы в США? URL: <https://russian.rt.com/inotv/2016-03-30/Conversation-Finansiruemij-Rossiej-kanal-sposoben> (дата обращения: 20.09.2018).
- [2] Fareed Zakaria. URL: <https://fareedzakaria.com/> (дата обращения: 20.09.2018).
- [3] CNN Film “The most powerful man in the world”. URL: https://www.youtube.com/watch?v=mG8GrQXq_T0 (дата обращения: 20.09.2018).
- [4] Самый могущественный человек в мире: CNN выпустил документальный фильм о Путине. URL: <https://tjournal.ru/41965-samii-mogushestvennii-chelovek-v-mire-cnn-vipustil-dokumentalnii-film-o-putine> (дата обращения: 20.09.2018).
- [5] Самый могущественный человек, CNN и троллинг. URL: <http://blog.dp.ru/post/10141/> (дата обращения: 20.09.2018).
- [6] Юлия Иоффе. URL: https://inosmi.ru/authors/julia_ioffe/ (дата обращения: 20.09.2018).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 5 октября 2018

Дата принятия к печати: 15 октября 2018

Для цитирования:

Мартыненко Е.В., Пархитько Н.П. Иллюстрация стереотипного подхода США к информационной оценке России (рецензия на фильм Ф. Захария «Самый могущественный человек в мире») // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика.* 2018. Т. 23. № 4. С. 483—488. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-483-488

Сведения об авторах:

Мартыненко Елена Викторовна, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории журналистики, заведующая кафедрой теории и истории журналистики Рос-

сийского университета дружбы народов, проректор РУДН по организации приема и до-
вузовской деятельности. *Контактная информация*: martynenko_ev@rudn.university

Пархитко Николай Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и
истории журналистики Российского университета дружбы народов. *Контактная инфор-
мация*: scharnchorst@mail.ru

The illustration of the U.S. stereotypical approach to informational estimation of Russia

Review on Fareed Zakaria's movie
"The most powerful man in the world"

E.I. Martynenko, N.P. Parkhitko

Peoples' Friendship University of Russia
10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

The article focuses on the analytical research of the crucial thesis of the Fareed Zakaria's CNN film "The most powerful man in the world" and offers also a political characteristic. Proceeding from the political and media reality peculiar for the analyzed film, we reveal its role and predestination in the political and informational global opposition of the USA and Russia in the newest period of history. According to the implemented analysis, the authors have revealed a totally stereotypic approach to the informational, political and psychological estimation of Russia and its reality. The same problem is typical for the attitude towards the Russian elites.

Keywords: KGB, power, protests, corruption, misinformation, cyberattacks

References

- [1] Conversation: Finansiruemyj Rossiej kanal sposoben prodvigat' svobodu pressy v SShA? [Conversation: Is the Russia-donated channel able to promote the freedom of press in the USA?]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2016-03-30/Conversation-Finansiruemij-Rossiej-kanal-sposoben> (accessed: 20.09.2018).
- [2] Fareed Zakaria. URL: <https://fareedzakaria.com/> (accessed: 20.09.2018).
- [3] CNN Film "The most powerful man in the world". URL: https://www.youtube.com/watch?v=mG8GrQXq_T0 (accessed: 20.09.2018).
- [4] Samyj mogushhestvennyj chelovek v mire: CNN vypustil dokumental'nyj fil'm o Putine [*The most powerful man in the world: CNN has released the documentary about Putin*]. URL: <https://tjournal.ru/41965-samii-mogushhestvennii-chelovek-v-mire-cnn-vipustil-dokumentalnii-film-o-putine> (accessed: 20.09.2018).
- [5] Samyj mogushhestvennyj chelovek, CNN i trolling [*The most powerful man, CNN and trolling*]. URL: <http://blog.dp.ru/post/10141/> (accessed: 20.09.2018).
- [6] Julija Ioffe [Julia Ioffe]. URL: https://inosmi.ru/authors/julia_ioffe/ (accessed: 20.09.2018).

Article history:

Received: 5 October 2018

Revised: 10 October 2018

Accepted: 15 October 2018

For citation:

Martynenko El.V., Parkhitko N.P. (2018). The illustration of the U.S. stereotypical approach to informational estimation of Russia (review on Fareed Zakaria’s movie “The most powerful man in the world”). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23(4), 483—488. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-4-483-488

Bio Note:

Martynenko Elena Viktorovna, Doctor of Politics, Head of Theory and History of Journalism Department, Faculty of Philology, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University). Vice-rector of RUDN-University, department of admission and pre-university activity. *Contacts*: martynenko_ev@rudn.university

Parkhitko Nickolay Petrovich, PhD in History, Associate Professor of Theory and History of Journalism Department, Faculty of Philology, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University). *Contacts*: scharnchorst@mail.ru

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

36435

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Литературо-
ведение. Журналистика»

Количество
комплектов:

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

36435

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Литературоведение. Журналистика»

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

--

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество комплектов:

--

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

--

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
